6DK 254

Сергѣй Муромцевъ.

СТАТЬИ и РѢЧИ.

ВЫПУСКЪ III.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

(1880—1886)

44.94

МОСКВА.
1910.

„Пров 38“

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
209853

Тип. Ов-а Р. П. Кингъ. Преемн. В. И. Вороновъ, Моховая, д. кн. Гагарина.

СОДЕРЖАНІЕ.

Перепечатка корреспонденцій, написанныхъ много лѣтъ тому назадъ, не могла обоитись безъ исправленіи въ ихъ изложеніи Что же касается до поправокъ по существу, то онѣ нашли себѣ мѣсто вообще въ крайне ограниченномъ числѣ случаевъ — въ видахъ посильнаго устраненія оказавшихся фактическихъ неточностей Только по отношенію къ послѣднимъ письмамъ второй серіи (стр 116—128) допущена бо́льшая свобода въ смыслѣ ихъ сокращенія. Здѣсь оказалось многое, представлявшее слишкомъ преходящее значеніе Одно письмо опущено вовсе, въ двухъ (VI и VII) зачеркнуты нѣкоторыя части. Думается, что отъ всего этого общій характеръ хроники лишь выигралъ въ своемъ единствѣ

1880—1882.

Письма изъ Москвы (первая серія):

	Стран.
I	1
II	6
III	9
IV	11
V	13
VI	16
VII	19
VIII	25
IX	26
X	28
XI	31
XII	34

XIII 38
XIV 42
XV 45
XVI 49
Студенческіе союзы и собранія (передовая 52

1884—1886.

Изъ опытовъ Бишопа 57

Письма изъ Москвы (вторая серія):

I 60
II 72
III 86
IV 95
V (Музыкальное торжество въ Смоленскѣ) . . 102
VI 116
VII 121

Письма изъ Москвы.

ПЕРВАЯ СЕРІЯ.

I.

«Порядокъ», 1 января 1881 г., № 1.

Москва, 26 декабря 1880 г.

Въ ожиданіи новаго года, московское общество провожаетъ старый годъ подъ шумъ общественной дѣятельности. Изо всей московской округи съ губернскихъ земскихъ собраній, только что окончившихъ свои занятія, приходятъ извѣстія объ оживленіи, которымъ отличались они въ нынѣшнюю сессію. Не вездѣ они продолжались такъ долго, какъ въ Рязани, не вездѣ говорились такія прекрасныя рѣчи, какъ въ Твери, не вездѣ гласные выказали столько дѣлового тона, какъ въ Тулѣ, и не работали такъ поспѣшно, какъ во Владимірѣ. Но повсюду собранія были многолюдны, повсюду задѣты, обсуждены или даже разрѣшены важные вопросы. Оживленіе, которое проникло въ русское общество съ весны истекающаго года, благодаря однѣмъ перемѣнамъ лицъ, сыграло во всемъ этомъ не послѣднюю роль. Надежды на успѣхъ чувствуется больше, а отсюда болѣе смѣлости въ постановкѣ вопросовъ, болѣе быстроты въ работѣ. Таково общее впечатлѣніе, привезенное въ Москву гласными подмосковныхъ собраній. Интересно, что во многихъ собраніяхъ занимались одними и тѣми же вопросами первостепенной важности. Ходатайства о скорѣйшемъ преобразованіи податной системы на началахъ уравнительнаго обложенія и о томъ, чтобы составленные объ этомъ проекты были переданы

на предварительное разсмотрѣніе губернскихъ земскихъ собраній; принятіе мѣръ къ точному подробному статистическому изслѣдованію и описанію губерній; ходатайства о рядѣ улучшеній въ дѣлѣ народной школы—вотъ какого рода предметы заняли видное мѣсто на земскихъ собраніяхъ нынѣшней сессіи.

Въ самой Москвѣ мы живемъ еще въ серединѣ періода оживленной общественной дѣятельности. Недавно закрылась сессія мѣстнаго губернскаго земскаго собранія и только-что утверждены выборы новыхъ гласныхъ въ городскую думу. 29 декабря имѣетъ быть присяга этихъ новыхъ гласныхъ и въ ближайшемъ будущемъ откроются засѣданія думы, въ новомъ ея составѣ. 12 января ожидается открытіе дворянскаго собранія. Земское собраніе предстало на этотъ разъ въ новомъ составѣ, мало отличающемся отъ стараго. Отношеніе партій осталось прежнее. Попрежнему господство осталось за людьми, которые вносятъ въ земское дѣло и запахъ постнаго масла, и крѣпостническія тенденціи, еще не совсѣмъ угасшія въ московскомъ дворянствѣ. Попрежнему на собраніи выказано много толковости и дѣловитости по части мѣстныхъ интересовъ, но много и формальнаго отношенія къ нимъ; попрежнему не мало заботъ о соблюденіи тонкихъ приличій въ преніяхъ и много страху передъ разсмотрѣніемъ вопросовъ по ихъ существу.

Новое вѣяніе отразилось только въ томъ, что господствующая партія вообще какъ-то сробѣла, оппозиція же подняла нѣсколько голову. Какъ-бы въ видѣ отступного, защитники общины и мелкаго поземельнаго кредита получили передъ выборами 9.000 руб. на пособіе крестьянскимъ обществамъ при покупкѣ земли. Обсужденіе докладовъ, выработанныхъ особою комиссіею по вопросу объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, отложено до чрезвычайнаго земскаго собранія. Это, можетъ быть, посодѣйствуетъ обстоятельному обсужденію докладовъ, но теперь, какъ кажется, просто боялись, что по данному поводу заговорятъ на собраніи о казусномъ дѣлѣ крестьянъ дер. Люторичъ, недавно разобранномъ въ здѣшней судебной

палатѣ и столь чувствительномъ для предсѣдателя собранія. Въ дѣлѣ ходатайствъ московское земство отстало явно отъ провинціальныхъ. Особенно поразительно, что не состоялось обстоятельнаго ходатайства по вопросу о народномъ образованіи. Осенній объѣздъ министра народнаго просвѣщенія ст.-секретаря Сабурова далъ земцамъ московской округи возможность намѣтить существенные пункты, нуждающіеся въ преобразованіи. Ко времени собраній эти пункты были разработаны еще подробнѣе. Если не ошибаемся, то во всѣхъ вышеназванныхъ земскихъ собраніяхъ состоялись ходатайства, клонящіяся къ систематической переработкѣ законовъ и практики по народному просвѣщенію. Земства требуютъ расширенія своихъ правъ. Веденіе училищъ, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи, должно быть отдѣлено отъ надзора за ними. Веденіе должно быть предоставлено тѣмъ, кто даетъ на училище деньги, надзоръ — правительству. Таковъ принципъ, проводимый въ ходатайствахъ провинціальныхъ земствъ. Далѣе они желаютъ увеличенія числа членовъ отъ земства въ училищныхъ совѣтахъ, избранія предсѣдателей этихъ совѣтовъ самими совѣтами, открытія училищъ безъ предварительнаго разрѣшенія, расширенія свободы въ выборѣ учителей, учрежденія инспекторовъ отъ земства, расширенія программы начальныхъ училищъ, разрѣшенія учительскихъ семинарій, съѣздовъ, а также съѣздовъ членовъ училищныхъ совѣтовъ. Важное значеніе имѣетъ требованіе о томъ, чтобы списокъ книгъ, одобренныхъ къ употребленію въ училищахъ, былъ замѣненъ спискомъ книгъ запрещенныхъ. Такого цѣльнаго ходатайства не представило по данному вопросу московское собраніе, ограничившись указаніями на немногіе отдѣльные пункты. Но много времени было потрачено на споры о томъ, какъ употребить въ предстоящемъ году тѣ 30,000 руб., которые постановлено (въ прошломъ году) расходовать ежегодно на вознагражденіе священниковъ, преподающихъ въ школахъ Законъ Божій. Въ сосѣднихъ губерніяхъ съ успѣхомъ прошли

ходатайства о разрѣшеніи свѣтскимъ учителямъ преподавать названный предметъ; Москва же своимъ прошлогоднимъ постановленіемъ закрѣпостила школы своей губерніи законоучителямъ изъ духовнаго званія, связавъ себя къ тому же крупнымъ денежнымъ пожертвованіемъ.

Общее впечатлѣніе, оставленное по себѣ земскимъ собраніемъ, однако, успокоительно. Была возможность убѣдиться въ томъ, что живая земская сила, наполняющая теперь ряды оппозиціи, крѣпнетъ и бодрствуетъ. Можно было убѣдиться также и въ томъ, что въ средѣ господствующаго большинства не всѣ — сторонники его по принципу, но что извѣстная часть гласныхъ, какъ это и всегда бываетъ, принадлежитъ къ большинству по расчету. На выборахъ въ губернскую управу оппозиція рѣшилась даже выставить своихъ кандидатовъ и хотя была побита, но опытъ показалъ, что при извѣстномъ упорствѣ, умѣньи и ловкости ей, можетъ быть, не очень трудно будетъ перетянуть вѣсы въ свою сторону. Къ тому же не надо забывать, что въ послѣднее время оживленіе земской дѣятельности исходитъ главнымъ образомъ изъ рядовъ оппозиціи. Такъ, доклады о поднятіи крестьянскаго благосостоянія, разсмотрѣніе которыхъ обѣщаетъ быть очень интереснымъ, вызваны непосредственно прошлогодними преніями о мелкомъ поземельномъ кредитѣ, возбужденными со стороны представителей меньшинства въ собраніи. Сторонники общиннаго землевладѣнія проиграли въ прошломъ году, но благодаря ихъ иниціативѣ теперь выступилъ на первый планъ именно важный вопросъ о крестьянскомъ благосостояніи. Нынѣшнее земское собраніе происходило еще съ участіемъ старыхъ гласныхъ отъ города. Надо думать, что обновленная городская дума, посылая новыхъ представителей въ земство, увеличитъ нѣсколько ряды земскаго меньшинства. Большинство, главнымъ представителямъ котораго нельзя отказать ни въ способностяхъ, ни въ знаніяхъ, ни въ тактѣ, пойдетъ на многое полезное, не покушаясь только существеннымъ образомъ на свои помѣщичьи интересы.

Не одной, впрочемъ, Москвѣ присуща забота объ интересахъ; въ Москвѣ она выдается только рѣзче. „Слышите-ли вы ревъ просыпающагося звѣря?“ —спросилъ меня кто-то изъ гласныхъ на засѣданіи одного изъ подмосковныхъ земскихъ собраній, когда зашла тамъ рѣчь о смягченіи существующей таксы вознагражденія за лѣсныя порубки. „Никакими юридическими доводами, никакими ссылками на справедливость не прошибете вы гласнаго-помѣщика, когда проснулся въ немъ инстинктъ барина“. Того же звѣря встрѣчаете вы въ Москвѣ, въ ея думѣ и собраніяхъ. Онъ не одинаковъ въ дворянствѣ и въ купечествѣ. Но вездѣ есть свой „звѣрь“. Дворянскій „звѣрь“ пробужденъ теперь дѣломъ крестьянъ деревни Люторичъ. Крестьяне эти—не московскіе, но ихъ помѣщикъ — губернскій предводитель московскаго дворянства... Возмутительна картина отношеній графской конторы къ крестьянамъ, раскрытая судебнымъ слѣдствіемъ. Но еще возмутительнѣе кажется истому крѣпостнику то, что это дѣло доведено до такой скандальной огласки. Въ англійскомъ клубѣ и во всѣхъ примыкающихъ къ нему гостиныхъ только и толкуютъ, что объ этомъ. Возмущаются тѣмъ, что дѣйствія графскаго управляющаго были названы громогласно ихъ настоящимъ именемъ, но не возмущаются, узнавая, что управляющій остается на своемъ мѣстѣ. Негодуютъ на судъ за огласку и не хотятъ знать того, что гр. Бобринскій могъ бы, если бы захотѣлъ, не доводить дѣла до суда. Дворянское собраніе, предстоящее въ ближайшемъ будущемъ, и новые выборы покажутъ намъ, въ какой мѣрѣ „звѣрь“ раздраженъ всѣмъ происшедшимъ и противъ кого именно. Теперь замѣтимъ только, что есть крупные помѣщики, прославленные за свой либерализмъ—и тѣмъ не менѣе оправдывающіе систему управленія, принятую гр. Бобринскимъ: въ большихъ имѣніяхъ, будто бы, невозможно управиться безъ этой системы.

Купеческій „звѣрь“ проснется на предстоящихъ выборахъ городского головы. Хотя число гласныхъ отъ купечества умень-

шилось противъ прежняго ровно вполовину, однако купечество найдетъ, вѣроятно, средство провести своего кандидата. Сила капитала въ союзѣ съ нѣкоторымъ административнымъ давленіемъ (сыгравшимъ роль и при выборахъ въ гласные) сдѣлаетъ свое дѣло. Купеческая партія обладаетъ тѣмъ преимуществомъ, что, благодаря собраніямъ на биржѣ и постояннымъ торговымъ сношеніямъ, имѣетъ полную возможность организоваться, и, дѣйствительно, организована. Другимъ слоямъ организоваться труднѣе, а юридически — невозможно, вслѣдствіе прямого запрещенія предварительныхъ сходокъ избирателей. Еще недавно одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ городского управленія подвергся административному внушенію за попытку устроить подобную сходку. У купечества же постоянная сходка на биржѣ, въ гостиномъ дворѣ, въ трактирѣ. Необходимость коренного преобразованія въ порядкѣ городскихъ выборовъ и значительныхъ измѣненій въ порядкѣ земскихъ выборовъ — вотъ фактъ, засвидѣтельствованный городскими и земскими избирательными собраніями истекающаго года, какъ въ Москвѣ, такъ и въ окружныхъ губерніяхъ. Такъ, вѣроятно, и повсюду. Пусть же въ наступающемъ году этотъ вопросъ будетъ поставленъ законодателемъ на очередь, а общественныя собранія, конечно, дадутъ обильный матеріалъ для его разработки и разрѣшенія.

II.

«Порядокъ», 3 января 1881 г., № 2.

Москва, 30 декабря 1880 г.

Гласные городской думы новаго состава принесли сегодня присягу. Люди, присмотрѣвшіеся къ старой думѣ, не скрывали своего удивленія по поводу измѣненія, происшедшаго въ ея физіономіи. Интересно будетъ видѣть, насколько измѣненію внѣшнему соотвѣтствуетъ измѣненіе въ существѣ. Выражается

желаніе дѣйствовать осмысленно, сойтись по кружкамъ, въ которыхъ возможно было бы предварительное обсужденіе дѣлъ. Хотя наше законодательство, какъ извѣстно, игнорируетъ необходимость въ общественномъ самоуправленіи правильной организаціи партій и хотя, по неумѣлости ли, или по какой другой причинѣ, опыты этой организаціи удаются плохо, однако, надо отдать справедливость здѣшнимъ общественнымъ дѣятелямъ,—они отстали отъ стараго взгляда, по которому предварительная спѣвка считалась предосудительной и представлялась не иначе, какъ въ формѣ личной интриги. Разумѣется, измѣненіе взглядовъ вызвано измѣненіемъ самого дѣла. Но, такъ или иначе, и въ городскомъ и въ земскомъ дѣлѣ мы постоянно встрѣчаемся съ попытками организовать партіи. Есть признаки, что Москва вліяетъ въ этомъ отношеніи и на провинціи и, конечно, было бы желательно, чтобы законодательство пришло на помощь этому движенію въ самоуправленіи и чтобы администрація не относилась къ нему враждебно.—Что касается до городскихъ выборовъ, то они познакомили Москву еще съ другимъ цивилизованнымъ способомъ вести общественное дѣло. Къ сожалѣнію только, опыты этого рода носятъ пока комическій характеръ. Мы разумѣемъ именно брошюры А. А. Пороховщикова, которыя онъ уже не въ первый разъ разсылаетъ гласнымъ. Въ своемъ „третьемъ письмѣ къ избирателямъ по поводу предстоящихъ городскихъ выборовъ“ А. А. Пороховщиковъ рекомендуетъ себя въ городскіе головы и излагаетъ свою программу. Онъ выступаетъ поклонникомъ И. С. Аксакова и полагаетъ, что „обновленіе въ городскомъ самоуправленіи можетъ послѣдовать только въ искреннемъ союзѣ съ церковью и властью“. На ту же тему, если не тѣми же почти словами, говорилъ сегодня приводившій гласныхъ къ присягѣ епископъ Амвросій, который, назвавъ гласныхъ „попечителями“ города, рекомендовалъ имъ между прочимъ обратить вниманіе на пагубный обычай москвичей проводить подпраздничные вечера въ театрѣ и концертахъ, вмѣсто того,

чтобы бдѣть у всенощной. Прошедшее епископа хорошо извѣстно и москвичи знаютъ его дѣйствительный взглядъ на увеселенія; а Пороховщиковъ пока пріобрѣлъ славу только смѣлаго прожектёра, не безъ удачи выступавшаго въ области домостроительства. Не знаемъ, какой такой духъ перенесъ его въ другую, менѣе близкую ему область. Въ своихъ брошюрахъ этотъ „кандидатъ въ городскіе головы“ раскрылъ нѣкоторыя злоупотребленія прежнихъ избранниковъ города, но въ общемъ онѣ содержатъ не мало страннаго. Въ головы онъ, конечно, выбранъ не будетъ. Серьезнѣе представляется кандидатура нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Многимъ хотѣлось бы имѣть голову изъ образованныхъ лицъ. Кандидатура бывшаго городского головы кн. А. А. Щербатова была бы встрѣчена съ удовольствіемъ. Онъ могъ бы позабыть прежнюю обиду (когда въ 1872 г. его конкуренту перевалили шарами), тѣмъ болѣе, что и дума теперь другая, да и понятіе „обиды“ не должно бы играть такой роли въ общественныхъ дѣлахъ. Имѣетъ за себя многое и Д. Ф. Самаринъ, — человѣкъ, несомнѣнно, отлично знающій наше городское хозяйство, ибо издавна участвуетъ въ дѣлахъ городского управленія. На выборахъ въ гласные Д. Ф. Самаринъ прошелъ первымъ. Но иные опасаются его деспотическаго характера. Изъ купеческой партіи намѣтилась пока кандидатура теперешняго головы С. М. Третьякова, противъ котораго станетъ, однако, какъ кажется, третій разрядъ гласныхъ. Противники С. М. Третьякова считаютъ его, какъ голову, въ дѣлѣ довольно вялымъ, въ думѣ плохимъ предсѣдателемъ, но хорошимъ для „своихъ“; кромѣ того, усматриваютъ въ немъ чувствительность къ административной ласкѣ. Но, во всякомъ случаѣ, положительнаго вреда городскому хозяйству онъ не принесъ. Онъ былъ выставленъ богатымъ купечествомъ, которому будетъ принадлежать не послѣднее слово и на предстоящихъ выборахъ.

III.

«Порядокъ», 6 января 1881 г., № 5.

Москва, 3 января 1881 г.

Въ 1878 году учреждена московскимъ генералъ-губернаторомъ, кн. В. А. Долгоруковымъ, комиссія для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ. Въ эту комиссію постоянно приглашались для участія знающіе спеціалисты изъ числа какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ. Конечная цѣль работъ комиссіи состоитъ въ изданіи правилъ, которыя должны упорядочить положеніе рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Собирая для этого необходимые матеріалы, комиссія озаботилась переводомъ на русскій языкъ главнѣйшихъ постановленій, изданныхъ заграницей по тому же предмету. Около года назадъ было переведено англійское фабричное законодательство подъ редакціей проф. И. И. Янжула. Въ настоящее время вышелъ въ свѣтъ второй выпускъ трудовъ комиссіи, гдѣ находимъ переводъ законодательства девяти другихъ странъ подъ редакціей В. А. Гольцева. Недавно И. И. Янжулъ, путешествующій заграницей, прислалъ комиссіи богатую матеріаломъ записку о техническомъ надзорѣ за фабриками въ Англіи и въ Швейцаріи. Данныя собраны имъ на мѣстѣ. Сама комиссія издала въ прошломъ году правила о предосторожностяхъ противъ пожаровъ, теперь же ею приведена къ концу работа болѣе важная —правила для хозяевъ и рабочихъ фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ. Назначеніе этихъ правилъ состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить точно взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ, вытекающія изъ договора личнаго найма. Правила составлены на основаніи дѣйствующихъ законовъ и обычаевъ, приведенныхъ въ систему и истолкованныхъ, по возможности, гуманно и справедливо. Конечно, все это не въ состояніи замѣнить хорошаго законодательства, но, въ данномъ случаѣ, пока законодательство подготовляется, прямой долгъ администратора —

дѣйствовать въ предѣлахъ открытой для него возможности. Осмотры, произведенные членами комиссіи, обнаружили крайне печальное положеніе рабочихъ на многихъ фабрикахъ. Если есть нѣкоторыя фабрики, устроенныя образцово, то, съ другой стороны, попадаются и такія, устройство которыхъ — самаго возмутительнаго свойства. На очереди стоитъ вопросъ объ изданіи правилъ, которыя гарантировали бы рабочихъ въ санитарномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ. Значительный матеріалъ по этому предмету уже собранъ осмотромъ. Для пополненія и окончательной разработки его комиссія обратилась къ содѣйствію доктора Пескова, извѣстнаго своимъ изслѣдованіемъ санитарнаго состоянія Дурыкинской волости, Московскаго уѣзда.

Вечеромъ 2-го января состоялось первое засѣданіе городской думы въ новомъ составѣ. Собраніе было многолюдное, такъ какъ предстояло назначить посредствомъ записокъ перваго кандидата на должность городского головы. Гласныхъ на лицо было 154, записокъ опущено въ урну 150. Четверо гласныхъ заявили, что они не желаютъ подавать записки. Ихъ заявленіе было встрѣчено смѣхомъ, хотя, разумѣется, имѣло свой смыслъ. Иной, только что начинающій свою дѣятельность, гласный можетъ имѣть свои резоны на то, чтобы воздержаться отъ указанія кандидатовъ, оставляя за собой право баллотировать предложенныхъ лицъ. Какъ и слѣдовало ожидать, наибольшее число голосовъ, почти сто, получилъ теперешній голова, С. М. Третьяковъ. Слишкомъ восемьдесятъ выпало на долю князя А. А. Щербатова и болѣе пятидесяти на долю Д. Ф. Самарина. Гораздо менѣе получили Н. П. Гиляровъ-Платоновъ (редакторъ „Современныхъ Извѣстій"), Н. П. Ланинъ (редакторъ „Русскаго Курьера"), и другіе. Интересно, что изъ числа записокъ, поданныхъ за г. Третьякова, многія содержали только одно его имя, тогда какъ на запискахъ, его не упоминавшихъ, писались по нѣскольку кандидатовъ, подчасъ совершенно несовмѣстимыхъ. Не явный ли это признакъ того, что купеческая партія дѣйствуетъ друж-

нѣе и выказываетъ болѣе организаціи, нежели другія? Изъ лицъ, назначенныхъ записками, князь А. А. Щербатовъ и Д. Ф. Самаринъ уже отказались, такъ что въ предстоящемъ избраніи С. М. Третьякова не можетъ быть сомнѣнія.

Обсуждать и вступать въ пренія новымъ гласнымъ еще не пришлось. Пока надо сводить новыя знакомства, да толковать кой о чемъ внѣ засѣданій. Извѣстная Москвѣ исторія о давленіи, оказанномъ на нѣкоторыхъ избирателей по поводу избранія принадлежащаго къ именитому московскому купечеству гласнаго N, къ сожалѣнію, подтверждается, украшаясь подробностями довольно скандальнаго свойства. Жаль, что при этомъ обвиняется лицо, которое пользовалось доселѣ высокимъ уваженіемъ и довѣріемъ москвичей.

IV.

«Порядокъ», 13 января 1881 г., № 12.

Москва, 10 января 1881 г.

„Московскій Телеграфъ“ сообщилъ на-дняхъ извѣстіе о томъ, что послѣдняя студенческая исторія повліяла, будто бы, на дѣло изданія новыхъ правилъ объ устройствѣ студентовъ. Благодаря сказанной исторіи, это изданіе, по словамъ газеты, отсрочено. Не знаемъ, правда-ли это, равно какъ не знаемъ, дѣйствительно ли прежде, до послѣдней исторіи, срокъ для изданія новыхъ правилъ назначался ранѣе, нежели онъ назначается въ настоящее время. Но во всякомъ случаѣ въ извѣстіи „Московскаго Телеграфа“ есть крупное недоразумѣніе. Намъ положительно извѣстно, что въ московскомъ университетѣ не будутъ пріостановлены или отмѣнены тѣ распоряженія, которыя были сдѣланы осенью истекшаго года и клонились къ организаціи студенчества. Дѣло этой организаціи должно продолжаться и, по возможности, развиваться. Что касается до исторіи 5-го декабря, то, въ концѣ концовъ, она, по свѣдѣніямъ достовѣр-

нымъ, нисколько не подорвала первоначальныхъ предположеній относительно устройства студенческаго дѣла,— предположеній, все сохраняющихъ прежніе шансы на успѣхъ. Догадка о томъ, что этому успѣху можетъ повредить „исторія“, какъ бы предполагаетъ, что на студенческія учрежденія смотрятъ какъ на льготы; льготы эти отнимаются въ видѣ наказанія за нарушеніе порядка. Однако, ни совѣтъ университета, представлявшій высшей власти свои соображенія объ устройствѣ быта студентовъ, ни сама власть, принимавшая эти соображенія, не высказывали подобной точки зрѣнія. На студенческія учрежденія и вообще на организацію студенчества они смотрѣли какъ на необходимое условіе правильной университетской жизни, а не какъ на льготу. Отъ организаціи ожидаютъ, что она должна устранить многія „исторіи“ и, слѣдовательно, умѣстна какъ разъ, когда онѣ повторяются.

На дняхъ мнѣ придется сообщить вамъ свѣдѣнія изъ годового отчета нашего университета и тогда будетъ кстати поговорить и о столь животрепещущемъ предметѣ, каково студенчество. Вѣроятно, новый попечитель не оставитъ его безъ вниманія. Графъ Капнистъ уже вступилъ въ исправленіе своей должности. Онъ принималъ директоровъ гимназій и познакомился съ профессорами университета. Окружной инспекторъ Симоновичъ оставляетъ свой постъ. При прежнемъ попечителѣ г. Симоновичъ былъ въ Московскомъ округѣ главнымъ двигателемъ системы, господствовавшей въ министерство гр. Толстого. Поговариваютъ и еще о кое-какихъ перемѣнахъ въ личномъ составѣ гимназическаго начальства. Сближеніе учебнаго начальства съ земствомъ обнаруживается, между прочимъ, въ томъ, что нѣкоторыя открывшіяся вакансіи директоровъ народныхъ училищъ думаютъ замѣстить изъ среды земскихъ людей.

Въ городской думѣ вчера вечеромъ происходило избраніе перваго кандидата на должность городского головы. Баллотировались только двое: С. М. Третьяковъ (прежній голова) и А. А. Пороховщиковъ. Изъ 162 шаровъ первый получилъ 105 бѣ-

лыхъ и 57 черныхъ, второй—41 бѣлый и 121 черный. Избирательная горячка въ думѣ близится къ концу. Но за нею готовится возникнуть таковая же въ другой сферѣ — въ залѣ благороднаго собранія. 12-го января откроется дворянское собраніе. Ожидаютъ бурныхъ засѣданій. Говорятъ, что гр. А. А. Бобринскій готовитъ какое-то объясненіе по поводу злосчастнаго дѣла люторическихъ крестьянъ. Носятся слухи, что бывшій до гр. А. А. Бобринскаго предводителемъ кн. А. В. Мещерскій выставляетъ вновь свою кандидатуру. По поводу этой кандидатуры можно прямо сказать: изъ огня да въ полымя. Но большіе толки также и о кандидатурахъ болѣе желательныхъ въ интересахъ успѣха общественнаго дѣла.

V.

«Порядокъ», 15 января 1881 г., № 14.

Москва, 11 января 1881 г.

Сейчасъ мы получили печатный экземпляръ университетскаго отчета, который долженъ быть сообщенъ завтра присутствующимъ на торжественномъ актѣ лицамъ. Заимствуемъ изъ этого отчета важнѣйшія свѣдѣнія. Онъ имѣетъ своимъ предметомъ дѣятельность московскаго университета въ 1880 году. Въ этомъ году шесть лицъ были избраны въ почетные члены университета: епископъ Алексѣй, симпатичнѣйшій изъ московскихъ архипастырей, Я. К. Гротъ, И. С. Тургеневъ, П. В. Анненковъ, проф. Менделѣевъ и С. В. Лепешкинъ, устроитель перваго студенческаго общежитія въ Москвѣ. Избраніе этого послѣдняго лица было естественнымъ выраженіемъ признательности къ нему со стороны университетскаго совѣта. Пожертвованіе С. В. Лепешкина принадлежитъ къ числу очень крупныхъ, и только вслѣдствіе скромности жертвователя объ его благомъ дѣлѣ не было говорено такъ много, какъ говорилось, напримѣръ, о подобномъ же пожертвованіи С. С. Полякова въ Петербургѣ. С. В. Лепешкинъ выстроилъ зданіе, которое стоило

ему до 200,000 рублей, и, сверхъ того, взялъ на себя ежегодные расходы по содержанію общежитія, около 14,000 рублей въ годъ. Зданіе устроено образцово. Открытіе общежитія было задержано прежнимъ попечителемъ, кн. Н. П. Мещерскимъ, но теперь осуществляется.—Изъ отчета мы узнаемъ далѣе, что всѣ каѳедры въ университетѣ были замѣщены за исключеніемъ четырехъ каѳедръ на юридическомъ факультетѣ, который до сихъ поръ не можетъ пополниться окончательно послѣ выхода и смерти старыхъ профессоровъ и послѣ того отлива молодыхъ силъ отъ занятія юридическими науками, который слѣдовалъ непосредственно за введеніемъ судебной реформы и былъ ею обусловленъ. Теперь юридическій факультетъ, по личному составу профессоровъ, самый молодой факультетъ университета. Самымъ старымъ представляется медицинскій факультетъ, который, однако, уже началъ обновляться. За медицинскимъ факультетомъ въ этомъ отношеніи придется послѣдовать факультету физико-математическому, потомъ историко-филологическому, пока очередь опять не падетъ на юридическій. Въ виду этой постоянной потребности въ обновленіи, свѣдѣнія о лицахъ, оставляемыхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію,—представляютъ особый интересъ. Изъ 26 лицъ этой категоріи только 14 получаютъ стипендіи, и изъ числа этихъ послѣднихъ лишь 6 выдаются изъ министерскихъ суммъ. Нельзя не подивиться, право, той скупости, съ которою министерство даетъ пособія на сказанный предметъ. Изъ исторіи этого дѣла мы припоминаемъ, что первоначально размѣръ суммы, отпускаемой министерствомъ на оставленіе при университетѣ и командировки молодыхъ людей, былъ гораздо больше. Но потомъ правительство нашло, что многіе изъ оставленныхъ и командированныхъ не достигаютъ профессорскаго положенія, и заключило изъ этого, что тратятся лишнія деньги. Вслѣдствіе этого ихъ отпускъ былъ значительно сокращенъ, ожидаемаго результата, однако, не послѣдовало. Дѣло въ томъ, что извѣстный процентъ кандидатовъ на про-

фессуру всегда будетъ отпадать, и это вовсе не происходитъ отъ небрежности въ выборѣ кандидатовъ факультетами. Обстоятельства другого рода отвлекаютъ молодыхъ людей отъ профессорской карьеры. Съ другой стороны, нѣтъ никакой бѣды въ томъ обстоятельствѣ, что часть денегъ истрачивается на лицъ, не вступающихъ потомъ на университетскія каѳедры. Относительно высокое образованіе этихъ лицъ принесетъ свою пользу и внѣ университетской дѣятельности. При теперешнемъ же состояніи настоящаго дѣла университеты лишаются многихъ способныхъ кандидадовъ на каѳедры.

Студентовъ къ 1-му января 1881 года состояло въ московскомъ университетѣ 2,413 человѣкъ, на 521 чел. болѣе противъ прошлогодняго. Кромѣ того, къ тому же сроку въ университетѣ было 74 сторонніхъ слушателя и 216 аптекарскихъ помощниковъ, всего слушателей 2,703. Увеличенію студентовъ вовсе не соотвѣтствовало увеличеніе учебныхъ пособій. Пора бы серьезно подумать объ этомъ предметѣ, иначе современное положеніе его, продолжаясь, приведетъ къ прискорбнымъ результатамъ. Въ истекшемъ году поступило вновь въ университетъ 909 человѣкъ; на медицинскомъ факультетѣ числится всего 1,538 чел., на юридическомъ 381, на математическомъ отдѣленіи 235, на естественномъ отдѣленіи 77, на историко-филологическомъ 182. Если въ ближайшемъ же будущемъ не будутъ приняты зависящія отъ правительства мѣры (одни средства самого университета здѣсь еще недостаточны) къ усиленію штата преподавателей и учебныхъ пособій на медицинскомъ факультетѣ, то учащееся теперь поколѣніе медиковъ выйдетъ изъ школы плохо подготовленнымъ. Кромѣ того Москвѣ никогда не справиться въ этомъ дѣлѣ, если въ Петербургѣ не возстановятъ, а въ Одессѣ не устроятъ вновь медицинскіе курсы. Не увеличилось, въ соотвѣтствіе съ увеличеніемъ студентовъ, и количество стипендій. Въ 1880 году учреждено всего 4 новыя стипендіи, всего же стипендій роздано на сумму 118,762 р., причемъ высшій размѣръ стипендіи былъ 420 р., низшій 50 р.

Сборъ за слушаніе лекцій простирался въ истекшемъ году до 58 тысячъ руб. Студентовъ окончило курсъ 274: юридическаго факультета 70 (изъ нихъ 59 канд.), математическаго отдѣленія 44 (26 канд.), естественнаго отдѣленія 10 (9 канд.), историко-филологическаго факультета 27 (19 канд.) и медицинскаго факультета 125.

Изъ того отдѣла отчета, который говоритъ объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета, нельзя не коснуться состоянія библіотеки. Новыхъ названій поступило всего 725 въ 1,073 томахъ, считая книги и журналы вмѣстѣ. Это—на сто слишкомъ наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ. Въ параграфѣ объ астрономической обсерваторіи разсказана исторія печальнаго столкновенія обсерваторіи съ Константиновскимъ межевымъ институтомъ по поводу пользованія реверсіоннымъ маятникомъ. Маятникъ принадлежитъ институту. Дирекціи его вздумалось выставить маятникъ на выставкѣ и тѣмъ самымъ она помѣшала продолженію важныхъ работъ по изслѣдованію земной аттракціи.

VI.

«Порядокъ», 17 января 1881 г., № 16.

Москва, 14 января 1881 г.

Въ числѣ московскихъ общеполезныхъ учрежденій, основанныхъ и поддерживаемыхъ энергіею частныхъ лицъ, видное мѣсто занимаетъ „Общество для пособія нуждающимся студентамъ московскаго университета“. 10-го января, въ помѣщеніи думы, происходило годичное собраніе членовъ этого общества. Изъ отчета, прочтеннаго секретаремъ, членомъ мѣстнаго окружнаго суда В. В. Давыдовымъ, оказывается, что въ долгу за студентами и за бывшими студентами числится къ 1 января 1881 года 38.237 руб. Въ теченіе прошлаго года общество выдало пособія 216 лицамъ (5005 рублей) и внесло за слушаніе лекцій 2037 руб. 50 коп. (за 82 человѣка). Число членовъ общества растетъ, и приносимая имъ польза

увеличивается съ каждымъ годомъ. Сотни молодыхъ людей получаютъ отъ общества небольшія ссуды, благодаря которымъ имъ удается дойти до конца университетскаго курса. Къ сожалѣнію, возвратъ долга совершается очень медленно. Но это объясняется тѣмъ, что многимъ кандидатамъ университета приходится долгое время пріискивать себѣ занятіе, обезпечивающее существованіе. У насъ мало образованныхъ людей, — такая жалоба слышится часто,—но этимъ немногимъ не находится мѣста вслѣдствіе одной изъ тысячи нелѣпостей нашей жизни.

Въ составъ комитета общества входятъ и профессора (А. И. Чупровъ), и судьи, и присяжные повѣренные, и учителя. Съ этой стороны, слѣдовательно, дѣло обставлено прекрасно. Но мы думаемъ, что существуетъ одинъ недостатокъ въ организаціи общества. Студентъ, который нуждается въ пособіи или желаетъ, чтобы за него была внесена плата въ университетъ, подаетъ просьбу предсѣдателю, секретарю, казначею или прямо одному изъ членовъ комитета. Послѣдній долженъ представить къ очередному засѣданію справки о подавшемъ прошеніе студентѣ. Справки эти получаются отъ самого студента, для чего членъ комитета или самъ отправляется къ нему на квартиру или приглашаетъ его къ себѣ. Вотъ эту то процедуру мы и считаемъ не вполнѣ удобною. Было бы, думается намъ, лучше— получать свѣдѣнія о студентѣ отъ его товарищей-студентовъ. Конечно, покуда студенчество было не организовано, нельзя было и пользоваться указаннымъ средствомъ; но въ настоящее время существуютъ серьезныя основанія надѣяться, что организація учащейся молодежи недалека отъ ея признанія правительствомъ. Въ такомъ случаѣ посѣщеніе студентовъ, подавшихъ прошеніе въ комитетъ общества, или вызовъ ихъ членами комитета сдѣлается излишнимъ.

Составъ комитета почти не потерпѣлъ измѣненій въ нынѣшнемъ году. Въ предсѣдатели вновь избранъ графъ П. А. Капнистъ (новый попечитель московскаго учебнаго округа), въ

секретари В. В. Давыдовъ, въ казначеи Н. С. Тростянскій. Факультеты и курсы распредѣляются между членами комитета и кандидатами къ нимъ, причемъ послѣдніе несутъ одинаковыя съ первыми обязанности и пользуются одинаковыми правами.

Татьянинъ день прошелъ благополучно. Волненія между студентами улягутся сами собой, когда будутъ разрѣшены касса, библіотека и кухмистерская, управляемая самими студентами. Учащаяся молодежь оцѣнитъ доброжелательность и прямоту университетской корпораціи, когда послѣдней возвратятъ отнятыя у ней бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія права и обязанности. Молодежи не надо, конечно, льстить, но по меньшей мѣрѣ неосновательно ее и запугивать. На юношу можно подѣйствовать только честностью и искренностью. Предупредительное содѣйствіе полиціи приноситъ одинъ лишь вредъ.

12 января открылось также дворянское собраніе. Въ Москвѣ не повѣрили петербургской телеграммѣ о томъ, что рѣчь генералъ-губернатора будетъ особенно интересна и, конечно, не ошиблись. Въ засѣданіяхъ также не произошло еще ничего интереснаго. „Московскія Вѣдомости“ привѣтствовали открытіе собранія статьею, смыслъ которой сводится къ слѣдующему: хотя дворянство и потеряло свое значеніе въ государственной организаціи, однако оно можетъ сослужить еще службу благодаря таящейся въ немъ внутренней силѣ. Первая часть этого сужденія констатируетъ очевидный фактъ, вторая отличается благожелательствомъ и уваженіемъ къ сословію, которое недавно еще было „всѣмъ“ въ государствѣ. Казалось бы, чего же больше сторонникамъ дворянскаго принципа? Вѣдь неблагопріятнѣе для нихъ иная постановка вопроса: такъ какъ дворянство, благодаря реформамъ послѣдняго времени, потеряло свое государственное значеніе, то неумѣстнымъ сдѣлалось и его теперешнее положеніе. Тѣмъ не менѣе статья „Московскихъ Вѣдомостей“ вызвала чуть не бурю негодованія въ истыхъ дворянахъ. Въ ихъ кружкахъ вчера только и было

рѣчи, что о ней. Нашли, что Катковъ посягнулъ на священныя права сословія и оскорбилъ его. Сословный „звѣрь", сидящій во всѣхъ сословіяхъ, не любитъ правды, сказанной въ глаза, хотя бы и доброжелательной.

VII.

«Порядокъ», 20 января 1881 г., № 19.

Москва, 17 января 1881 г.

Послѣ полныхъ жизни и посвященныхъ серьезнымъ интересамъ земскихъ собраній иное впечатлѣніе производятъ собранія дворянства. Парадная обстановка и торжественность засѣданій, — эти мундиры, звѣзды и ленты, этотъ сложный церемоніалъ съ безпрестаннымъ катаніемъ шаровъ и переходомъ отъ уѣздныхъ столовъ къ губернскому и отъ губернскаго къ уѣзднымъ, этотъ изысканно-деликатный способъ обращенія предсѣдателя къ „гг. дворянамъ", этотъ полный достоинства видъ самихъ дворянъ, кочующихъ изъ залы въ буфетъ и изъ буфета въ залу, эта, наконецъ, особенная щекотливость къ вопросамъ чести, почему-то всегда развивающаяся во время дворянскихъ собраній, — все это предстаетъ передъ глазами наблюдателя какъ бы нарочно для того, чтобы рѣзче оттѣнить малую содержательность самыхъ преній. Въ провинціи дворянскія собранія вызываютъ еще кое-какую жизнь — не въ себѣ, конечно, но въ губернскомъ обществѣ. Тамъ время этихъ собраній до сихъ поръ еще — время увеселеній. Но Москва не нуждается въ собраніи дворянства для того, чтобы пользоваться благами баловъ, концертовъ и маскарадовъ. Отправляясь въ собраніе, вы встрѣчаете тамъ людей, извѣстныхъ своею серьезною общественною дѣятельностью; лучшіе земцы, напримѣръ, оказываются гласными дворянскаго собранія. Однако не они выступаютъ тамъ въ качествѣ главныхъ двигателей; они не играютъ тамъ даже второстепенной роли, они—просто безъ роли. Вотъ—человѣкъ, котораго вы встрѣ-

чаете и въ земствѣ, и въ городѣ въ качествѣ выдающагося работника и отъ котораго вы не услышите никогда какой-либо шутки насчетъ дѣла; но въ дворянское собраніе онъ зашелъ для того, чтобы повидать кой-кого изъ знакомыхъ, и, засѣвъ на хорахъ, шутитъ, что оттуда подаетъ свой голосъ. Спросите у другого, тоже выдающагося земца, въ чемъ дѣло, о чемъ „дворянинъ говорилъ сейчасъ рѣчь“, или что такое постановило дворянство, и онъ, пожалуй, не отвѣтитъ толкомъ на вашъ вопросъ. Но, можетъ быть, дворянское собраніе выставляетъ своихъ собственныхъ замѣчательныхъ дѣятелей? Собственно дворянское собраніе открываетъ доступъ къ общественной дѣятельности, или, лучше сказать, къ чему-то, съ виду похожему на нее, людямъ мало удавшимся на поприщѣ общественной дѣятельности. Прислушайтесь къ тому, о чемъ вообще говорятъ на дворянскихъ собраніяхъ. Если случайно не поднимется вопросъ „политическаго“ свойства, — вопросъ, который еще лучше могъ бы быть обсужденъ и разрѣшенъ на земскомъ собраніи, то и въ провинціи, и въ Москвѣ всѣ заботы сводятся къ двумъ предметамъ первостепенной важности. Вопервыхъ, у дворянства каждой губерніи есть свой домъ. Въ этомъ домѣ оно засѣдаетъ, а въ долгіе промежутки между засѣданіями тамъ происходятъ различныя увеселенія мѣстнаго beau-mond'a. Въ этомъ же домѣ помѣщается обыкновенно „дворянскій“ клубъ, что́ даетъ собранію дворянства обильный источникъ для всякаго рода пререканій съ клубнымъ управленіемъ по поводу содержанія въ исправности половъ, стѣнъ, печей и т. п. Каждое дворянство выслушиваетъ о своемъ домѣ отчетъ за три года и изъ этого отчета узнаетъ, сколько денегъ получено отъ клуба, сколько собрано за балы, концерты и т. п. Каждое дворянство занимается потомъ тѣмъ, что составляетъ на будущее трехлѣтіе смѣту по содержанію своего дома. Разрѣшаются вопросы: сколько брать за вечеръ, какія увеселенія допускать въ домѣ, какой паркетъ поставить въ немъ и т. п. Другую заботу создаетъ дворянскій пансіонъ, существующій при гимназіи или отдѣльно. Если пансіонъ — при гимназіи, то

выбирается особый отъ дворянства попечитель гимназіи. Попечитель не долженъ быть человѣкомъ ученымъ или компетентнымъ въ дѣлѣ воспитанія. Въ одной изъ сосѣднихъ съ московскою губерній попечителемъ состоитъ, напримѣръ, бывшій ремонтеръ, извѣстный своими романическими приключеніями, вдобавокъ скупецъ и не удѣляющій ничего изъ своего богатства на воспитаніе дворянскихъ сиротъ. Въ Москвѣ устроенъ отдѣльный пансіонъ. Этотъ пансіонъ не имѣетъ своего курса. Въ немъ помѣщаются нѣсколько десятковъ мальчиковъ, которые состоятъ приходящими учениками во всевозможныхъ учебныхъ заведеніяхъ гор. Москвы. Тутъ есть и ученики классической гимназіи, и реалисты, и воспитанники военно-учебныхъ заведеній. При мальчикахъ состоятъ репетиторы, — не знаемъ только, какъ эти послѣдніе могутъ справляться, будучи обязаны удовлетворять разнообразнѣйшимъ требованіямъ, которыя предъявляются имъ со стороны пестрой массы ихъ воспитанниковъ. Директоръ пансіона слыветъ, впрочемъ, за человѣка добросовѣстнаго и дѣльнаго. Пансіонъ устраняетъ отъ своихъ воспитанниковъ дурныя стороны пребыванія на квартирѣ какого-либо педагога-спекулятора, но, съ другой стороны, при нѣсколько бо́льшемъ числѣ воспитанниковъ пансіону поневолѣ придется усвоить нехорошія стороны закрытаго заведенія. Вотъ объ этомъ-то дворянскомъ „пансіонѣ-пріютѣ“ члены московскаго дворянскаго собранія препирались въ продолженіе двухъ дней. Московскія газеты напечатали подробные отчеты объ этихъ препирательствахъ. Московскіе корреспонденты петербургскихъ газетъ послали въ свои редакціи такіе же отчеты по телеграфу, — дѣло же, въ сущности, безъ всякаго особеннаго значенія. Безконечный, скучный, монотонный споръ шелъ о томъ, сейчасъ-ли утвердить уставъ о пенсіяхъ лицамъ, служащимъ въ дворянскомъ пансіонѣ-пріютѣ, или же отложить это по сложности вопроса. Цѣлый день отстаивалъ кн. А. В. Мещерскій, бывшій губернскій предводитель и устроитель пансіона, немедленное обсужденіе, для чего

просилъ отдѣлить данный вопросъ отъ другого—объ учрежденіи проекта новаго устава пансіона. Собраніе одобрило мысль о пенсіяхъ въ принципѣ. Тогда кн. А. В. Мещерскій заявляетъ о пожертвованіи на этотъ предметъ 20,000 руб., сдѣланномъ „неизвѣстнымъ лицомъ". Собраніе благодаритъ и избираетъ комиссію. На другой день комиссія докладываетъ, что сложность дѣла не допускаетъ немедленнаго обсужденія его. Опять тянутся, одна за другой, рѣчи кн. Мещерскаго и наконецъ спорящія стороны мирятся на трехмѣсячной отсрочкѣ. Черезъ три мѣсяца соберутъ экстренное собраніе. Итакъ, собраніе изъ двухсотъ слишкомъ человѣкъ сходилось для того, чтобы одобрить въ принципѣ мысль о пенсіяхъ служащимъ въ пансіонѣ-пріютѣ. И это былъ крупнѣйшій интересъ, изъ подлежавшихъ разсмотрѣнію. И добро бы въ самомъ дѣлѣ былъ здѣсь какой-нибудь интересъ! Но всѣ хорошо понимали, что въ сущности разбирался не проектъ о пенсіяхъ, а совершалось единоборство между теперешнимъ предводителемъ гр. Бобринскимъ и бывшимъ, желающимъ вновь сдѣлаться предводителемъ кн. Мещерскимъ. „Это не уставъ о пенсіяхъ мы баллотируемъ,—сказалъ мнѣ кто-то,—а князя Мещерскаго. Съ своимъ уставомъ онъ пускаетъ пробный выстрѣлъ. Пройдетъ его уставъ—значитъ и ему самому можно рискнуть баллотироваться". Гг. члены сидятъ, тѣшатся единоборствомъ, позѣвываютъ въ руку и поджидаютъ, не развлечетъ-ли какой-нибудь скандальчикъ. Маленькій скандальчикъ и случился. Нѣкто г. Хайновскій, частный педагогъ, имѣющій у себя свой пансіонъ-пріютъ, заявляетъ, что онъ готовъ принять къ себѣ даромъ нѣсколько дворянъ-сиротъ, если дворянское собраніе выхлопочетъ его заведенію какія-то права. Кто-то изъ членовъ собранія высказываетъ свое мнѣніе о заведеніи г. Хайновскаго,—мнѣніе, довольно нелестное. Собраніе уклоняется отъ принятія предложеннаго ему подарка. Послѣ того небольшое столкновеніе заинтересованныхъ сторонъ въ буфетѣ. Немедленно собирается толпа и спорящихъ ведутъ изъ буфета къ губернскому столу.

Требуютъ отъ предсѣдателя, чтобы г. Хайновскій былъ удаленъ изъ залы собранія. Предсѣдатель не находитъ для того достаточныхъ основаній. Для толковъ и пересудовъ — благодарная тема. И вотъ на что сводятся всѣ интересы...

Въ продолженіе засѣданія предсѣдатель оговорился и два раза, вмѣсто обращенія: „гг. дворяне", произнесъ: „гг. гласные". Это можно было бы принять за доброе предзнаменованіе.

Вчера приступили къ выборамъ. До выбора губернскаго предводителя не дошли и сегодня. Много времени займетъ баллотировка на должность попечителя Шереметевской богадѣльни. Это мѣсто одно изъ завидныхъ: квартира съ меблировкой, отопленіемъ, освѣщеніемъ, лошадьми и экипажами, и вдобавокъ 1,300 рублей жалованья при очень легкихъ обязанностяхъ. По уставу, попечителемъ долженъ быть по возможности заслуженный генералъ изъ раненыхъ. Но таковыхъ не нашлось ни одного изъ числа сорока лицъ, записавшихся въ кандидаты.

Вчерашнее засѣданіе думы ознаменовалось неудобнымъ столкновеніемъ предсѣдательствующаго съ гласными. Предсѣдательствующій, товарищъ головы Л. Н. Сумбулъ, докладываетъ о томъ, что бывшій гласный М. П. Щепкинъ жертвуетъ городу свою библіотеку изъ книгъ экономико-статистическаго содержанія, 1,200 томовъ, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы городъ уплатилъ 200 рублей на погашеніе одного неоплаченнаго счета. Въ достоинствѣ библіотеки не можетъ быть сомнѣнія, но гласный Н. П. Ланинъ находитъ, что разрѣшеніе этого вопроса въ настоящемъ засѣданіи неправильно и что предсѣдательствующій не долженъ былъ бы докладывать о немъ ранѣе дѣлъ, назначенныхъ въ повѣсткѣ. Гласный выражается рѣзко; возникаетъ препирательство между нимъ и предсѣдателемъ. Собраніе шумитъ, раздаются крики: „довольно" и заглушаютъ слова гласнаго. Предсѣдательствующій ставитъ на голоса: желаетъ ли собраніе слушать Н. П. Ланина или нѣтъ? Большинство рѣшаетъ отрицательно. Тогда раздается протестъ противъ самой поста-

новки этого послѣдняго вопроса. Гласный С. А. Муромцевъ находитъ, что право слова не можетъ зависѣть отъ желанія большинства слушать или не слушать оратора. Предсѣдательствующій ссылается на то, что о постановкѣ вопроса просилъ самъ гласный. — Нѣкоторые гласные, не пожелавшіе открыть своихъ именъ, съ очевидною цѣлью придать столкновенію такой видъ, что оно было, будто-бы, направлено противъ пожертвованія М. П. Щепкина, хотя на дѣлѣ этого совсѣмъ не было, заявляютъ черезъ предсѣдательствующаго о своей готовности принять уплату двухсотъ рублей на себя. Имъ отвѣчаютъ, что дума не можетъ имѣть дѣло съ неизвѣстными лицами, у которыхъ не достаетъ къ тому же гражданскаго мужества выступить съ своимъ предложеніемъ открыто. Дѣло, наконецъ, кое-какъ улаживается: окончательное разрѣшеніе его откладывается до слѣдующаго засѣданія. Партія, задѣтая послѣднимъ изъ приведенныхъ замѣчаній, находитъ скоро случай отвѣтить на „пику“ „пикой“ же. Городское управленіе предлагаетъ назначить комиссію для осмотра вновь выстроенныхъ казармъ. Это предложеніе мотивируется, между прочимъ, тѣмъ, что газеты упорно распространяютъ самые невыгодные слухи о качествахъ выстроеннаго думою зданія. „Зданіе казармъ,—говоритъ гласный П. М. Калашниковъ, членъ комиссіи, предлагающей новую комиссію,—представляется думою на утвержденіе. Надо же убѣдиться въ томъ, что казармы—не источникъ цынготной заразы, какъ это утверждаютъ „Современныя Извѣстія“. Тогда встаетъ другой ораторъ: „Я предлагаю выбрать въ новую комиссію трехъ редакторовъ газетъ, состоящихъ въ числѣ гласныхъ: гг. Гилярова-Платонова, Скворцова и Ланина“. Направленіе пущенной стрѣлы понятно.

Вотъ вамъ эпизодъ, ознаменовавшій открытіе московскаго „парламента“. Неловкость предсѣдателя, безтактность господствующаго большинства, полное незнакомство съ парламентарными формами, — все есть въ этомъ эпизодѣ.

VIII.

«Порядокъ», 22 января 1881 г., № 21.

Москва, 18 января 1881 г.

— „Вы слышали",—спрашиваетъ меня сегодня на выборахъ одинъ изъ дворянъ-избирателей,— „вы слышали, что въ епифанскій уѣздъ ѣздилъ ревизоръ и обнаружилъ, что вовсе и не существуетъ тѣхъ дѣлъ, о которыхъ говорилъ на судѣ защитникъ люторическихъ крестьянъ?" — „О, нѣтъ!" прерываетъ его другой, „дѣло было не совсѣмъ такъ: такой ревизоръ былъ еще въ прошломъ году, и онъ удостовѣряетъ, что положеніе люторическихъ крестьянъ одно изъ лучшихъ".—„Но, кажется". спрашиваетъ третій, „графъ хотѣлъ дать объясненіе дворянству по поводу этого злосчастнаго дѣла?"—„Да", отвѣчаетъ первый, „однако такое объясненіе какъ бы означало, что онъ набивается вновь въ предводители. Онъ дастъ его послѣ выборовъ. Цѣлая канцелярія работаетъ надъ этимъ объясненіемъ. Вѣрьте, что все дѣло—выдумка газетъ, раздуто ими въ отместку за то, что въ прошломъ году графъ поддерживалъ противниковъ мелкаго поземельнаго кредита". — „Я самъ былъ возмущенъ люторическимъ дѣломъ", замѣчаетъ новый собесѣдникъ, „но меня увѣрили вчера, что самъ графъ ничего не зналъ о злоупотребленіяхъ своего управляющаго, и теперь я, какъ и многіе, измѣнилъ свое мнѣніе."—„Въ самомъ дѣлѣ, однако, этотъ управляющій не смѣненъ по сіе время!" — „И какое вамъ, господа, дѣло до люторчанъ? вѣдь, они не нашей губерніи", разрѣшаетъ спорный вопросъ кто-то изъ толпы, окружающей разговаривающихъ.

Раздается звонокъ. Дворяне собираются къ губернскому столу. Губернскій предводитель читаетъ статьи, относящіяся до выборовъ. Первымъ баллотироваться долженъ настоящій предводитель. Онъ отказывается. „Просимъ, просимъ!" разда-

ются голоса. — „Нашъ уѣздъ проситъ ваше сіятельство не оставлять вашего поста", заявляетъ одинъ изъ уѣздныхъ предводителей. Къ нему присоединяютъ подобныя же заявленія еще три-четыре предводителя.—„Вовсе нѣтъ!" раздается чей-то голосъ сзади. Московскій уѣздъ молчитъ, хотя кто-то изъ московскихъ проектировалъ даже цѣлый адресъ. Гр. Бобринскій снова отказывается, снова его просятъ, и это повторяется еще раза три. Наконецъ гр. Бобринскій говоритъ: „Если дворянство, несмотря на мою просьбу освободить меня отъ службы, приказываетъ мнѣ оставаться, то я готовъ!" — „Нѣтъ, мы не приказываемъ, но просимъ!"—„Подчиняюсь приказанію дворянства", рѣшаетъ гр. Бобринскій.

Баллотировка изъ 304 голосовъ даетъ около 230 направо. Въ кандидаты баллотируется гр. Шереметевъ. Вы узнаете объ окончательномъ исходѣ выборовъ по телеграфу, вѣроятно, гораздо ранѣе, чѣмъ придетъ къ вамъ мое письмо. Мнѣ оставалось только записать послѣднія минуты выборовъ.

Слава Богу, наконецъ-то окончилась избирательная лихорадка! Пора приняться за спокойное обсужденіе дѣлъ.

IX.

«Порядокъ», 25 января 1881 г., № 24.

Москва, 22 января 1881 г.

Препирательства, которыя произошли въ городской думѣ по поводу намѣренія бывшаго гласнаго М. П. Щепкина пожертвовать городу свою библіотеку, о чемъ я сообщалъ вамъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ корреспонденцій, разрѣшились въ послѣднемъ засѣданіи нѣсколько неожиданнымъ образомъ. М. П. Щепкинъ взялъ свое заявленіе назадъ, предложивъ думѣ поискать въ ея нравственномъ чувствѣ оправданіе своему неблагосклонному отношенію къ его предложенію. Но было бы необходимо отличить принципіальную сторону во-

проса отъ личной. Въ возраженіяхъ противъ предложенія М. П. Щепкина не было ничего личнаго; заключалось же въ нихъ принципіальное нападеніе на образъ дѣйствій городского управленія и, въ частности, на предсѣдательствовавшаго. Если же въ городскомъ управленіи обнаруживается не совсѣмъ свѣтлый элементъ, который въ послѣднее время даже преобладалъ тамъ почти безусловно; если этотъ элементъ не внушилъ къ себѣ большого довѣрія, если его представители не отличаются большимъ тактомъ, то въ такомъ случаѣ лишь оправдалось предсказаніе такого почтеннаго стараго гласнаго, какъ самъ М. П. Щепкинъ, что управлять городомъ можно и безъ всякихъ „другихъ", причемъ подъ этими „другими" разумѣлись тогда представители наиболѣе интеллигентнаго элемента.

Впрочемъ я не стану надоѣдать вамъ разсказами о думской дѣятельности. Теперь городскіе гласные занялись разсмотрѣніемъ смѣты приходовъ и расходовъ и пренія пока не представляютъ ничего интереснаго. Отмѣчу только оригинальный способъ составленія московской смѣты. Смѣта сведена съ дефицитомъ въ 326 тысячъ рублей. На покрытіе дефицита предполагается заимствованіе изъ суммъ текущаго счета государственнаго банка. Но изъ объясненій финансовой комиссіи, сопровождающихъ смѣту, оказывается, что, какъ учитъ опытъ всѣхъ предшествующихъ лѣтъ, почти навѣрное надо ожидать превышенія доходовъ и уменьшенія расходовъ, всего примѣрно тысячъ на четыреста. Пожалуй, никакого дефицита и не будетъ, а взамѣнъ того получится остатокъ тысячъ въ сто, примѣры чему бывали не разъ. Финансовая комиссія даже перечисляетъ тѣ сборы, которые, по ея мнѣнію, должны превысить смѣтные размѣры. Если это такъ, то почему же не предусмотрѣть уже теперь приведенныя обстоятельства? Вѣдь надо же поучиться у прошлаго опыта, смѣта же — вещь, вообще основанная на вѣроятномъ исчисленіи. Зачѣмъ же игнорировать вѣроятное, даже очень вѣроятное отсутствіе дефицита и открывать, ради покрытія лишь мнимаго недочета, чрезвычайные рессурсы? Не-

нормальность въ способѣ составленія городской смѣты признаетъ и сама финансовая комиссія, но къ рѣшительнымъ заключеніямъ она не приходитъ.

Оставимъ думу. Университету въ субботу, 24 января, предстоитъ хоронить одного изъ своихъ старѣйшихъ членовъ, лишь недавно оставившаго службу, заслуженнаго профессора В. Н. Лешкова. Покойный былъ образцомъ рѣдкой отзывчивости на затрогивавшіе его интересы. Несмотря на свой преклонный возрастъ и тяжкую болѣзнь, онъ почти вплоть до самой кончины читалъ лекціи, принимая участіе въ засѣданіяхъ университетскаго совѣта и юридическаго общества и не оставлялъ пера. Съ именемъ В. Н. Лешкова связана тѣсно исторія московскаго юридическаго общества, предсѣдателемъ котораго онъ былъ въ теченіи шестнадцати лѣтъ (1864—1880). Девять лѣтъ (1871—1878) покойный редактировалъ органъ общества „Юридическій Вѣстникъ". Ученая и педагогическая дѣятельность Василія Николаевича хорошо извѣстна. До послѣдней минуты онъ оставался вѣренъ своимъ научнымъ воззрѣніямъ, проникнутымъ тѣмъ на половину славянофильскимъ, на половину либеральнымъ характеромъ, который могъ образоваться только въ человѣкѣ его поколѣнія, но и въ наше время не утратилъ своего благотворнаго вліянія на молодые умы.

X.

«Порядокъ», 31 января 1881 г., № 30.

Москва, 26 января 1881 г.

Позвольте познакомить васъ съ докладами особой комиссіи, которые будутъ обсуждаться на экстренномъ собраніи губернскаго земства, имѣющемъ открыться 3-го февраля. Извѣстно, что еще въ 1879 году московское уѣздное земское собраніе поручило управѣ доложить губернскому земскому собранію

проектъ организаціи дешеваго кредита сельскимъ обществамъ для покупки земель. Большинство отвергло проектъ вмѣстѣ съ его принципіальнымъ основаніемъ. Но дойти до отрицанія самаго факта крестьянскаго обѣднѣнія оказалось невозможнымъ, и такимъ образомъ возникла комиссія „по изысканію мѣръ къ поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія". Изъ пяти ея докладовъ особенно замѣчательны два: „О мѣрахъ для подъема земледѣлія на общинныхъ земляхъ" и „О содѣйствіи сельскимъ обществамъ для покупки земель".

Размѣры упадка земледѣльческаго промысла комиссія опредѣляетъ слѣдующими цифрами: изъ общаго числа домохозяевъ (199,360) 10% вовсе не имѣютъ земли; 15% хотя и владѣютъ надѣлами, однако хлѣбопашествомъ не занимаются; 13,7% обрабатываютъ свою землю наймомъ. Слѣдовательно, своими орудіями и лошадьми работаютъ только 61,3% домохозяевъ, только 122,179 человѣкъ. Далѣе площадь пахотной земли сократилась на 130,000 десятинъ, или на 15%; скотоводство — на 14,500 головъ крупнаго скота, или на 3,4%, и наконецъ безлошадные составляютъ 77,000 домохозяевъ или около 40%. Первую причину упадка земледѣльческаго промысла комиссія видитъ въ низкомъ экономическомъ уровнѣ крестьянской среды, на которомъ застало ее начавшееся въ 60-хъ годахъ усиленіе семейныхъ раздѣловъ. Бѣдность помѣшала новымъ хозяйствамъ стать на ноги, обзавестись рабочимъ скотомъ и орудіями и принудила ихъ бросить занятіе земледѣліемъ. Вторая причина — недостатокъ кормовыхъ средствъ, а третья — отхожіе промыслы. Переходя къ вопросу о малодоходности крестьянскихъ земель, комиссія дѣлаетъ такой выводъ: „величина надѣла сама по себѣ не оказываетъ вліянія на величину урожая; точно также ничтожно и вліяніе качества почвы. Но нельзя не усмотрѣть причинной связи между величиною урожая и распредѣленіемъ земельнаго надѣла на угодья, пашни и луга. Чѣмъ больше приходится луговъ и угодій на каждую десятину пахоты, тѣмъ урожаи выше, и наоборотъ. Вторая при-

чина малодоходности крестьянскихъ земель—недостатокъ удобренія. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ на каждую паровую десятину приходится 1,6 головъ крупнаго скота, между тѣмъ какъ нужно ихъ по крайней мѣрѣ 5. Отсюда новый выводъ: площадь, отведенная подъ пашню на крестьянскомъ душевомъ надѣлѣ, слишкомъ велика и должна быть сокращена. Словомъ, переходъ отъ трехпольной къ многопольной системѣ хозяйства, съ посѣвомъ травъ, становится безусловно необходимымъ. Лучшее къ тому средство, по мнѣнію комиссіи,— предоставить каждому члену общества полную свободу вводить на своемъ душевомъ надѣлѣ любую систему хозяйства. Но, пока существуетъ выпасъ на паровомъ полѣ, такая свобода немыслима. Отсюда выдѣленіе части общинной земли для устройства постояннаго выгона или покупка для той же цѣли новаго земельнаго участка составляетъ почти неизбѣжное условіе подъема благосостоянія чуть-ли не любой сельской общины. Два другихъ, менѣе радикальныхъ, хоть и легче исполнимыхъ средства,— это, съ одной стороны, улучшеніе существующихъ нынѣ луговъ и пастбищъ, а съ другой—выдача крестьянамъ ссудъ для покупки лошадей и коровъ.—Въ заключеніе комиссія предлагаетъ слѣдующія мѣропріятія: опыты осушки и улучшенія луговъ и пастбищъ, открытіе маслодѣльни, выдачу ссудъ для покупки скота, оказаніе содѣйствія сельскимъ обществамъ для введенія травосѣянія на общинныхъ земляхъ, распространеніе между крестьянами улучшенныхъ орудій, и наконецъ, для исполненія всѣхъ изложенныхъ порученій,— продолженіе кредита въ 5,000 рублей, открытаго комиссіи въ прошломъ году, и, сверхъ того, учрежденіе новаго въ 3,000 руб. на устройство и эксплоатацію маслодѣльни.

Почти половина другого доклада „О содѣйствіи сельскимъ обществамъ для покупки земель“ посвящена возраженіямъ противъ справедливости „извѣстной теоріи о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ“. Возраженія эти извѣстны уже изъ другого источника и мы касаться ихъ не станемъ. Сама ко-

миссія полагаетъ, что бытъ крестьянъ въ московской губерніи можетъ быть обезпеченъ только надѣломъ и личнымъ трудомъ крестьянъ, приложеннымъ къ разнымъ промысламъ. Въ настоящее время земледѣліе покрываетъ приблизительно одну треть потребностей крестьянъ, а остальные промыслы—двѣ трети; комиссія желала бы измѣненія этого отношенія въ пользу земледѣлія и полагаетъ, что прикупка земли можетъ служить однимъ изъ подобныхъ средствъ.

На первый разъ комиссія предлагаетъ отчислить для этой цѣли 50,000 р. Ссуды должны выдаваться въ размѣрѣ 95% покупной цѣны (а въ исключительныхъ случаяхъ и рубль за рубль), заемщики платятъ 4% интереса; погашеніе производится или по взаимному соглашенію или въ 21½ годъ.

Кромѣ двухъ изложенныхъ докладовъ, комиссія выработала еще доклады: о значеніи кустарныхъ промысловъ для сельскаго населенія въ московской губерніи, о вліяніи продажи скота за недоимки на экономическое состояніе крестьянскаго хозяйства и о вліяніи неумѣреннаго употребленія вина на экономическое положеніе крестьянскаго населенія. По второму изъ этихъ докладовъ комиссія предлагаетъ земству просить губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе включить въ число движимаго имущества, не подлежащаго продажѣ за недоимки, лошадей и крупный рогатый скотъ.

XI.

«Порядокъ», 10 февраля 1881 г., № 40.

Москва, 7 февраля 1881 г.

Чрезвычайное земское собраніе, о которомъ я сообщалъ вамъ въ предыдущемъ письмѣ, открыто въ среду, 4-го февраля. Составъ его теперь нѣсколько иной, чѣмъ въ очередную сессію, въ концѣ прошлаго года. Дѣло въ томъ, что наша, до

нѣкоторой степени обновившаяся, дума могла приступить къ выборамъ своихъ представителей только очень недавно, въ концѣ января. Выборы эти, какъ по своимъ результатамъ, такъ и по обстановкѣ, въ которой производились, не лишены интереса. Эти выборы, какъ извѣстно, усилили въ думѣ, съ одной стороны, интеллигенцію, а съ другой—партію цеховыхъ. Послѣдніе, почуявъ силу, рѣшились провести нѣкоторыхъ изъ своихъ кандидатовъ и въ земство. Но купечество, составляющее все-таки большинство, всѣми силами воспротивилось поползновеніямъ „черни“ и даже снизошло до уступокъ интеллигенціи, лишь бы помѣшать дерзкому замыслу своей меньшей братіи. Завязалась довольно упорная борьба. На первый разъ изъ 24 человѣкъ комплекта выбранными оказались 19 и между ними цеховыхъ ни одного. При продолженіи выборовъ прошло только два кандидата. Трое не выбраны и до сихъ поръ. Въ виду этого и въ земскомъ собраніи (которое, какъ сказано, открыло тѣмъ временемъ свои засѣданія), и въ думѣ возникъ вопросъ, чѣмъ отразятся предстоящіе выборы трехъ недостающихъ городскихъ гласныхъ на положеніи тѣхъ, которые теперь уже засѣдаютъ въ собраніи? Собраніе разрѣшило для себя этотъ вопросъ въ такомъ видѣ, что новые выборы должны быть разсматриваемы не какъ продолженіе уже состоявшихся, а какъ дополнительные, чѣмъ и признало полномочія своихъ новыхъ сочленовъ несомнѣнными. Не такъ взглянули на дѣло побѣжденные цеховые и ихъ угроза, что результаты новыхъ выборовъ могутъ кассировать, сильно взволновала нѣкоторыхъ представителей интеллигентной партіи, особенно тѣхъ, которые прошли въ земскіе гласные далеко не слишкомъ подавляющимъ большинствомъ. И вотъ возникаетъ идея компромисса, коалиціи. Интеллигенты обѣщаютъ цеховымъ самую энергичную поддержку трехъ ихъ кандидатовъ подъ условіемъ, чтобы цеховые вотировали противъ всякаго иного новаго кандидата.—Первое, что обращаетъ на себя вниманіе въ засѣданіяхъ земскаго собранія, это—докладъ губернской управы

„по протесту г. московскаго губернатора на постановленіе собранія относительно церковныхъ приходовъ". Въ послѣднюю очередную сессію, по предложенію гласнаго Д. Ф. Самарина, собраніе постановило ходатайствовать о признаніи приходовъ, въ смыслѣ церковныхъ обществъ, юридическими лицами, о возстановленіи древняго права „заручныхъ" прошеній и новой, въ сказанномъ смыслѣ, приходской организаціи. Мѣстный губернаторъ опротестовалъ это постановленіе, сославшись на „точную силу ст. 1817 т. II ч. I. св. зак.", по которой „земскія учрежденія образованы для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи или уѣзда". Губернская управа въ своемъ докладѣ нашла, что толкованіе губернаторомъ помянутой статьи въ примѣненіи къ праву ходатайства слишкомъ узко и несостоятельно, ибо, разсуждаетъ управа, „не существуетъ такой мѣры, которая бы строго ограничивалась предѣлами одной губерніи, а, напротивъ, о всякомъ постановленіи земскаго собранія можно сказать, что оно распространяется на всю имперію, а не относится до мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Установить въ этомъ отношеніи какія-нибудь границы невозможно". Въ заключеніе управа предложила собранію „остаться при прежнемъ своемъ постановленіи" — предложеніе, принятое единогласно.

Перейду теперь прямо къ работамъ, вызваннымъ извѣстнымъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ по вопросу о пересмотрѣ положенія 27-го іюня 1874. Вопросъ этотъ глубоко затрогиваетъ нужды крестьянскаго самоуправленія; онъ назрѣлъ давно и давно ожидаетъ своей очереди. Но, къ сожалѣнію, собраніе оказалось въ данномъ случаѣ не на высотѣ своего призванія и отложило дѣло въ долгій ящикъ. Прежде всего было рѣшено выбрать комиссію, а потомъ начались продолжительныя и весьма оживленныя пренія по поводу плана ея работъ. Голоса раздѣлились. Въ результатѣ дебатовъ постановлено—не стѣснять комиссію никакимъ предрѣшеніемъ вопроса о планѣ ея работъ, предоставивъ ей самой выработку

этого плана. „Подписано и съ рукъ долой"! Итакъ, до окончанія нынѣшняго года вопросъ останется открытымъ, а, можетъ, и еще долѣе: будущее всецѣло въ рукахъ комиссіи.

XII.

«Порядокъ», 13 февраля 1881 г., № 43

Москва, 9 февраля 1881 г.

Московскій хроникеръ, взявшій на себя слѣдить за движеніемъ мѣстной общественной жизни въ ея серьезныхъ проявленіяхъ, бываетъ поставленъ подчасъ въ положеніе довольно затруднительное. Внѣшнія выраженія этой жизни, имѣющія право быть записанными въ хронику, не текутъ непрерывно. Пробѣлы, происходящіе здѣсь вслѣдствіе перерывовъ, не могутъ быть пополнены свѣдѣніями изъ того источника, который въ другихъ мѣстахъ даетъ обильную пищу для разговора, и могъ бы дать ее и для пера Мы говоримъ о бюрократической сплетнѣ. Выгодная сторона московской жизни именно и состоитъ въ томъ, что Москва почти не знаетъ бюрократической сплетни,—этого тормаза, который всегда дѣйствуетъ пагубно на производительное движеніе мысли мѣстнаго общества. Немногочисленная и относительно несложная администрація, при отсутствіи центральныхъ государственныхъ учрежденій,—плохой источникъ для тѣхъ толковъ, которые для петербуржца, напримѣръ, сдѣлались неотъемлемою принадлежностью жизни. Бюрократическая сплетня сосредоточивается въ Москвѣ въ небольшомъ чиновничьемъ кружкѣ, исчезающемъ въ массѣ прочей публики, и носитъ характеръ скорѣе губернскій, нежели столичный. Это — мелкія дрязги, исключительно взаимные личные счеты, развѣ изрѣдка спутанные съ интересами болѣе общаго свойства и кое-когда оживляемые разсказомъ о какомъ-нибудь игривомъ каламбурѣ или шуткѣ высокопоставленнаго лица. Кружки, которые, будь Москва центральнымъ пунк-

томъ высшаго управленія, были бы неизбѣжно втянуты въ круговоротъ бюрократической сплетни, при настоящемъ положеніи вещей почти не занимаются ею. Послѣ предметовъ интимнаго свойства, темою для разговоровъ служатъ тѣ же явленія общественной жизни, которыя занимаютъ по преимуществу и людей другого типа, по своимъ занятіямъ и склонностямъ преданныхъ общественному дѣлу гораздо полнѣе и душевнѣе, нежели члены упомянутыхъ кружковъ. Такимъ образомъ между интеллигенціею салонной и дѣловою относительно болѣе связи или, по крайней мѣрѣ, здѣсь менѣе однимъ, отчасти разъединяющимъ условіемъ. Салонная интеллигенція не находитъ достаточно матеріала для своей болтовни въ дѣятельности администраціи и принуждена искать такой матеріалъ въ дѣятельности общественныхъ учрежденій.

Вотъ, между прочимъ, почему серьезныя проявленія нашей общественной жизни захватываютъ вниманіе публики довольно цѣльнымъ образомъ. Земство, университетъ, ученыя общества интересуютъ болѣе или менѣе всѣ кружки не только дѣлового, но, въ извѣстной степени, и свѣтскаго общества Но дѣятельность этихъ учрежденій не выражается непрерывною цѣпью внѣшнихъ событій, и въ промежутки между ними говоръ публики не имѣетъ опредѣленнаго предмета.

Пока городская дума обсуждала статья за статьей городскую смѣту, причемъ многочисленныя пререканія вовсе не затрогивали существенныхъ вопросовъ (которыхъ не мало можно было бы поднять по поводу смѣты), вашъ корреспондентъ ожидалъ, что близящееся экстренное земское собраніе дастъ пищу для его писемъ. Доклады комиссіи по вопросу о поднятіи уровня крестьянскаго благосостоянія заставляли ожидать очень многаго Но вотъ наступило земское собраніе и результаты вышли не то, чтобы не интересными, но крайне неожиданными. Пренія отличались необыкновенно общимъ характеромъ. По поводу доклада о выдачѣ пособія крестьянамъ на покупку скота и лошадей и объ устройствѣ маслодѣленъ, — мѣры,

которыя, наряду съ нѣкоторыми другими мѣрами, предлагались комиссіею въ видахъ поднятія земледѣлія въ московской губерніи, — зашелъ споръ о томъ, въ какомъ отношеніи заботы о земледѣліи должны вообще стоять къ заботамъ о фабричной промышленности. Заговорили о томъ, что фабрики развиваются на счетъ земледѣлія въ силу исторической необходимости, и о томъ, какой вредъ наноситъ населенію современное состояніе фабричной промышленности. Заспорили о томъ, можно ли и должно ли поддерживать и даже развивать земледѣліе, несмотря на то, что фабрика тѣснитъ его все болѣе и болѣе. По поводу доклада о пьянствѣ въ собраніи зашла рѣчь о вредѣ современной акцизной системы и о средствахъ ея преобразованія. И при обсужденіи другихъ докладовъ многое говорилось не столько о московской губерніи, сколько вообще о финансовомъ и экономическомъ состояніи Россіи. Съ перваго взгляда это придавало земскимъ преніямъ характеръ какъ бы безсодержательный, изъ устъ гласныхъ слышались какъ бы общія мѣста. Но не иная ли причина дѣйствовала въ этомъ случаѣ? То, что выразилось на этотъ разъ съ особенною силою въ Москвѣ, не чуждо въ нѣкоторой степени и провинціи. И тамъ на земскихъ собраніяхъ вопросы „теоретическіе“ или, вѣрнѣе, общегосударственные начали играть видную роль. Это — не случайность и не признакъ скудоумія, которое, какъ полагаютъ нѣкоторые, выѣзжаетъ на общихъ вопросахъ за недостаткомъ знакомства съ интересами и вопросами частными и мѣстными. Вѣдь въ Москвѣ, напримѣръ, эти общегосударственныя пренія ведутъ по преимуществу гласные старые, не новички, — такъ сказать, старожилы земскаго собранія Подмѣченное нами явленіе — глубокаго происхожденія. Мѣстное дѣло тормазится медленностью и косностью дѣла государственнаго. Земство начинаетъ чувствовать, что его дѣятельность рискуетъ оказаться безплодною, доколѣ живой преобразовательный токъ не захватитъ центры государственной жизни. Интересы дня теперь именно въ государственныхъ вопросахъ.

Безъ ихъ разрѣшенія трудно работать надъ вопросами мѣстными. Двадцать лѣтъ тому назадъ столица оживляла провинцію. Законъ взаимодѣйствія ведетъ къ тому, что теперь провинція должна преобразовать столицу.

Надежда на то, что не въ очень далекомъ будущемъ русской общественной мысли придется играть подобающую ей роль, живетъ въ образованныхъ кругахъ какъ московскаго, такъ и провинціальнаго общества. Этою мыслью руководились земскія собранія послѣдней очередной сессіи, когда они назначали суммы на статистическія изслѣдованія своихъ губерній и избирали комиссіи для разработки тѣхъ или другихъ мѣропріятій, большинство которыхъ, по своему значенію, выходитъ за предѣлы одной губерніи. Мало вѣрятъ тому, что ходатайства и заключенія, подаваемыя земствами въ отвѣтъ на разнообразные запросы правительства, получатъ успѣшную разработку въ петербургскихъ канцеляріяхъ; но начинаютъ понимать, что въ виду, можетъ быть, недалекаго будущаго надо подготовиться къ веденію не только земскаго дѣла и что надо запастись на этотъ конецъ необходимыми свѣдѣніями, готовымъ планомъ идей и даже законопроектами. Будущее не должно застать наше общество врасплохъ. И это понимаютъ не въ одномъ только земствѣ. Въ Москвѣ такой взглядъ былъ усвоенъ за послѣднее время, напримѣръ, — въ здѣшнемъ юридическомъ обществѣ. Два года тому назадъ, это общество склонилось съ особеннымъ предпочтеніемъ къ разработкѣ законопроектовъ. Оно приводитъ уже къ концу обширную работу по желѣзнодорожному праву и приступаетъ къ выработкѣ проекта общаго закона объ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ на фабрикахъ. Это — не единственныя предположенія названнаго общества. Когда-нибудь мы разскажемъ о нихъ читателю поподробнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщимъ о подобныхъ же работахъ другихъ ученыхъ обществъ Москвы. Знакомство съ этими работами покажетъ, можетъ быть, что русскіе люди, не одѣтые въ вицъ-мундиры, далеко не такъ мало смыслятъ въ государственныхъ дѣ-

лахъ, какъ обыкновенно утверждаютъ, когда говорятъ о неспособности русскаго общества къ осуществленію того, что съ нѣкотораго времени очень опредѣленно подразумѣвается подъ столь неопредѣленными словами, каковы—„мечтанія“ и „иллюзіи“...

XIII.

«Порядокъ», 22 февраля 1881 г., № 52.

Москва, 19 февраля 1881 г.

Обвиненіе въ томъ, что мы, русскіе, не умѣемъ пользоваться правами и учрежденіями, которыя предоставляются въ наше распоряженіе правительствомъ, слышится часто и повсюду. Оно не менѣе распространено, чѣмъ и противоположное обвиненіе правительства въ стѣсненіяхъ, которыя оно чинитъ по отношенію къ льготамъ, имъ же самимъ дарованнымъ обществу Но какія бы основанія ни представлялись для перваго изъ этихъ двухъ обвиненій, намъ всегда казалось, что высказывающіе его упускаютъ изъ виду одно важное обстоятельство. При относительной непривычкѣ нашего общества къ политической дѣятельности, всегда возможно ожидать, что представители общества, въ тѣсныхъ рамкахъ предоставленной имъ свободы, или не доглядятъ всего, что имъ открыто, или не рѣшатся на все, если ихъ не натолкнуть на то непосредственно. При такихъ условіяхъ, если правительство, дѣйствительно, хочетъ самодѣятельности общества, оно должно бы руководиться тенденціей какъ разъ противоположною той, которой оно руководилось обыкновенно, создавая права общественныхъ представителей. Надо ставить вопросъ объ этихъ правахъ не столько въ ограничительномъ, сколько въ обратномъ, распространительномъ смыслѣ, ибо при такомъ только условіи неопытные и нерѣшительные представители общества воспользуются въ возможной полнотѣ своими правами.

Эта мысль приходила намъ въ голову не разъ, между про-

чимъ, и по поводу сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ. Она находила себѣ откликъ въ томъ недружелюбномъ отношеніи къ съѣздамъ, съ которымъ ихъ учрежденіе было встрѣчено здѣсь многими компетентными лицами. Все устройство этихъ съѣздовъ, въ ихъ настоящемъ видѣ, явственно проникнуто стремленіемъ умалить въ нихъ представительство живого элемента—сельскихъ хозяевъ, и обезпечить вліяніе бюрократическаго элемента, и безъ того всегда сильнаго. Мало того,—создавъ свои съѣзды, лишь фиктивно способные представлять истинные интересы сельскихъ хозяевъ, министерство государственныхъ имуществъ возымѣло намѣреніе устранить всякую возможность другихъ параллельныхъ явленій того же рода, хотя бы болѣе способныхъ къ производительной дѣятельности. Такъ, московскому обществу сельскаго хозяйства было отказано въ ходатайствѣ о созваніи шестого всероссійскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ — на томъ основаніи, что вновь введенная система сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ—губернскихъ, окружныхъ и общаго, не оставляетъ нужды ни въ какихъ къ ней дополненіяхъ. Тяжело и отчасти съ раздраженіемъ былъ принятъ подобный отказъ обществомъ, которое играло, конечно, не послѣднюю роль въ предшествующихъ всероссійскихъ съѣздахъ и могло произвести сравнительную оцѣнку значенія съѣздовъ настоящихъ хозяевъ съ съѣздами, составленными изъ преобладающаго числа бюрократовъ. Подъ первымъ впечатлѣніемъ отказа возникла мысль —вовсе отказаться отъ всякаго участія въ предстоящемъ окружномъ московскомъ съѣздѣ, который откроется 27-го февраля. Но потомъ это предположеніе преобразовалось въ другое, на самомъ дѣлѣ болѣе рѣшительное и, надо надѣяться, болѣе плодотворное.

Года полтора или два назадъ, когда рѣчамъ объ „иллюзіяхъ“ и „мечтаніяхъ“ не было еще никакого мѣста въ печати, но когда за то на устахъ эти предметы обозначались ихъ настоящимъ именемъ, прошла какъ-то молва, что, будто-бы, составленъ проектъ такой „иллюзіи“, въ которой полагается по три

члена отъ каждой губерніи, причемъ это представительство имѣетъ быть составлено изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернской земской управы и епархіальнаго архіерея. Не мало смѣху возбудилъ подобный „иллюзіонный“ проектъ въ толкахъ о немъ. Онъ намъ припомнился теперь, когда на засѣданіи московскаго общества сельскаго хозяйства, 18-го февраля, мы слушали характеристику теперешнихъ окружныхъ съѣздовъ. Членъ общества В. Ю Скалонъ прочелъ на этомъ засѣданіи интересный докладъ, указанія и выводы котораго были подтверждены и отчасти пополнены другими членами общества во время преній — „27-го февраля,—началъ свою рѣчь докладчикъ, — имѣетъ состояться въ Москвѣ первый окружный съѣздъ сельскихъ хозяевъ. Не смотря на всю предполагаемую важность этого явленія, о немъ почти не говорятъ, къ нему не готовятся. Въ программѣ съѣзда нѣтъ вопросовъ мѣстнаго свойства и нѣтъ слуху, чтобы власть, коей вѣдать надлежитъ, пополнила этотъ недостатокъ. Въ печати также не встрѣчалось сужденій ни о съѣздѣ, ни объ его программѣ. Общество сельскаго хозяйства молчитъ. Въ чемъ же причина этого равнодушія и сдержанности, повторявшихся и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ, напримѣръ, представители земствъ отказывались отъ участія въ съѣздахъ? Причина эта лежитъ въ самомъ съѣздѣ. Его устройство не соотвѣтствуетъ его назначенію. Живые сельско-хозяйственные элементы представлены весьма неполно. Напротивъ, въ составѣ съѣзда преобладаетъ бюрократія, и все учрежденіе представляется чиновничьимъ. Крестьянство вовсе въ съѣздѣ не представлено. Немудрено, что петербургскій съѣздъ призналъ себя весьма некомпетентнымъ въ разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ области крестьянскаго хозяйства Немудрено, что въ Ярославлѣ двое старшинъ, приглашенные въ составъ съѣзда, не рѣшились проронить ни одного слова въ присутствіи губернскаго синклита. Немудрено, что земства, какъ-бы игнорируя съѣзды, собираютъ свои собственные земскіе съѣзды для разрѣшенія сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, какъ, напри-

мѣръ, одесскій съѣздъ по вопросу о хлѣбномъ жукѣ". — Интересныя свѣдѣнія сообщилъ членъ общества С. Ѳ. Шараповъ объ окружномъ съѣздѣ, бывшемъ въ Смоленскѣ. Созванный отъ четырехъ губерній, этотъ съѣздъ состоялъ почти исключительно изъ однихъ смольнянъ. Рѣшенія съѣзда отличались непрактичностью и оказались въ противорѣчіи съ рѣшеніями земскаго собранія.

Докладъ В. Ю. Скалона былъ встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ и общество послѣ продолжительныхъ преній приняло почти цѣликомъ предложенія докладчика. Рѣшеніе общества состоитъ въ слѣдующемъ. Общество признаетъ существующую теперь организацію съѣздовъ неудовлетворительною и несоотвѣтствующею назначенію съѣздовъ. Вопросъ объ этомъ общество постановляетъ внести на обсужденіе предстоящаго окружнаго съѣзда. При этомъ, съ своей стороны, общество считаетъ необходимыми слѣдующія нововведенія: 1) въ составъ окружныхъ съѣздовъ должны быть введены по три представителя отъ каждаго изъ обществъ сельскаго хозяйства, состоящихъ въ округѣ, далѣе — представители уѣздныхъ съѣздовъ сельскихъ хозяевъ, по два отъ съѣзда, и представители земства—по два отъ каждаго изъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ въ данномъ округѣ; 2) предсѣдатель съѣзда долженъ избираться самимъ съѣздомъ изъ числа его членовъ; 3) для предварительной разработки вопросовъ къ слѣдующему съѣзду и для составленія программы будущаго съѣзда каждый съѣздъ выбираетъ изъ среды своей особое постоянное бюро; 4) право возбужденія вопросовъ на съѣздѣ должно быть предоставлено, сверхъ учрежденій, упомянутыхъ въ существующемъ законѣ, еще съѣздамъ хозяевъ и частнымъ лицамъ; 5) протоколы съѣздовъ публикуются въ порядкѣ, установленномъ самими съѣздами; 6) рѣшенія окружныхъ съѣздовъ, имѣющія мѣстный характеръ, сообщаются земскимъ собраніямъ, рѣшенія же обще-государственнаго интереса вносятся окружными съѣздами въ общій съѣздъ при министерствѣ, но не представляются на личное благоусмо-

трѣніе министра, какъ это постановлено теперь. Въ заключеніе здѣшнее общество постановило возобновить ходатайство о созваніи 6-го всероссійскаго съѣзда хозяевъ въ Москвѣ, въ январѣ 1882 года.

Таково отношеніе къ настоящему дѣлу московскихъ съѣздовъ. Пусть защитники съѣздовъ, въ ихъ теперешнемъ видѣ, упрекаютъ сельскихъ хозяевъ въ томъ, что они не хотятъ воспользоваться для своего дѣла хотя бы такимъ несовершеннымъ учрежденіемъ, какъ съѣзды, и какъ бы фрондируютъ Мы скажемъ—слава Богу, что, наученные долгимъ опытомъ бюрократическаго безсилія, русскіе образованные люди начинаютъ на конецъ не довѣрять полумѣрамъ и отказываются принимать полууступки. Положеніе внутреннихъ дѣлъ заходитъ слишкомъ далеко, чтобы не сказать иногда: дайте все или не давайте ничего, но не вводите насъ во искушеніе полумѣрами. Говорить это приходится все чаще и чаще и все по вопросамъ существенной важности.

XIV.

«Порядокъ», 23 сентября 1881 г., № 262.

Москва, 20 сентября 1881 г.

Лѣтнее время для Москвы — по преимуществу пожарное время и крупные пожары, которые до сего времени, чуть не ежедневно, затемняютъ нашъ небосклонъ дымными облаками или озаряютъ его кровавымъ свѣтомъ, все какъ будто мѣшаютъ Москвѣ разстаться съ лѣтомъ. Погода говоритъ, однако, иное. Ясно, но холодно. Быстрое наступленіе холода сразу покончило разсчеты съ деревней и съ дачами, и пришла пора переселяться въ городъ и начинать зимній сезонъ. Какова-то будетъ городская жизнь въ предстоящее полугодіе? Какъ пойдетъ серьезная сторона этой жизни? На большое раздумье могутъ навести эти вопросы, если сообразить условія, въ которыхъ мы живемъ нынѣ.

Мыслящій обыватель, только что переѣхавшій въ городъ и не успѣвшій ознакомиться, какъ слѣдуетъ, съ настоящимъ настроеніемъ среды, начинаетъ съ того, что принимается за газету, заброшенную, можетъ быть, на лѣтнее время. Обстоятельствамъ угодно, что „Московскія Вѣдомости“ до сихъ поръ не потеряли окончательно значенія, даже для читателя индифферентнаго къ вопросамъ внутренней политики. Притомъ, это —единственная здѣсь изъ большихъ газетъ, которая аккуратно въ восемь часовъ утра появляется на столѣ у подписчика. Прежде чѣмъ вы получите свѣжіе нумера другихъ изданій, изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ вы узнаете новости наступающаго дня. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, прежде чѣмъ вы приступите къ какому-либо другому дѣлу, вы успѣете уже отравить себѣ предстоящій день. Въ рѣдкомъ нумерѣ пресловутаго изданія Страстного бульвара вы не прочтете чего-нибудь такого, что не перевернуло бы васъ, не возбудило бы въ васъ досады, не подлило бы горечи въ ваше существованіе. Впрочемъ кому это неизвѣстно?.. Однако, кажется, до сихъ поръ никто не подчеркнулъ одного важнаго факта въ новѣйшей исторіи „Московскихъ Вѣдомостей“. Этотъ фактъ весьма характеристиченъ и не съ одной московской точки зрѣнія. Онъ вообще рисуетъ намъ взаимное положеніе нашихъ литературныхъ охранителей и ихъ противниковъ.

Отношеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ къ своимъ противникамъ было въ разное время различнымъ. Когда-то газета почти совершенно игнорировала ихъ. Потому московская хроника ея была крайне своеобразна. Въ сферѣ свободной мысли могли происходить явленія, которыя занимали все московское общество, волновали его, возбуждали разногласіе мнѣній и споры. Тѣмъ не менѣе эти явленія проходили безслѣдно для страницъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Ихъ читатель былъ осужденъ на незнаніе многаго. Онъ не зналъ о многихъ книгахъ и ученыхъ диспутахъ, о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, объ иныхъ собраніяхъ и о многомъ другомъ. Редакціи, очевидно, были

извѣстны всѣ эти „жалкія“ происшествія въ преступной, на ея взглядъ, области, но она считала ихъ слишкомъ ничтожными, а свое дѣло слишкомъ сильнымъ для того, чтобы посвящать въ нихъ преданнаго ей подписчика.. Это олимпійское величіе, конечно, могло импонировать. Но вотъ настало иное время; въ политикѣ редакціи совершился поворотъ. Нападки противниковъ стали слишкомъ одолѣвать и нынѣ рѣшено, повидимому, обращать вниманіе на то, что̀ еще вчера обходилось съ гордымъ презрѣніемъ.

Этотъ поворотъ—знаменіе времени. Мы въ правѣ думать, что непогрѣшимые „охранители“ усомнились въ прочности своего собственнаго положенія. Они рѣшились вступить въ открытую борьбу. Способъ веденія ея достоинъ также особеннаго вниманія. „Московскія Вѣдомости“ стремятся сохранить въ ней тонъ, въ которомъ звучало бы презрѣніе. Онѣ не борятся, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не оспариваютъ противоположныя имъ мнѣнія, не обсуждаютъ непріятныя имъ явленія, но стараются поднять ихъ на смѣхъ. Въ этомъ смѣхѣ онѣ хотятъ изобразить своего противника жалкимъ. Но какъ жалокъ выходитъ самый смѣхъ! Шутка оказывается грубою и плоскою; въ концѣ-концовъ она сводится на простую брань. Въ этомъ смѣхѣ обнаруживается собственное безсиліе. Это—смѣхъ стараго грѣшника, вдругъ принужденнаго считаться съ людьми, которыми прежде онъ пренебрегалъ. Онъ находитъ ниже своего достоинства вступить съ ними въ равный споръ и хочетъ отдѣлаться презрительною шуткою. Такая шутка—приговоръ надъ самимъ шутникомъ. За мнимымъ достоинствомъ, которое она предназначена оберегать, не выступаетъ ничего. За грубо задуманною и неудачно исполненною шуткою слышится одно раздраженіе.

Таковы мысли, которыя не разъ приходили намъ въ голову, когда мы просматривали выходки нашей „старѣйшей“ газеты, которыми были иногда чуть не испещрены ея лѣтніе выпуски. Много злости, но мало, на самомъ дѣлѣ, злого подъ личиною

грубаго юмора. И эти мысли пришли намъ вновь въ голову, какъ только-что мы пробѣжали одинъ изъ послѣднихъ №№ „Московскихъ Вѣдомостей“. Ихъ редакціи особенно непріятенъ обѣдъ, который состоялся здѣсь въ честь М. Е. Салтыкова Этотъ обѣдъ поднимается на смѣхъ, т.-е. излагаются различныя подробности его, мѣстами съ отступленіями отъ истины, и изложеніе каждаго обстоятельства сопровождается эпитетами „шутовской“, „комическій“ и т. п. Подобная незамысловатая наклейка ярлыковъ предназначена изображать юморъ. Увы, московскій оракулъ позабылъ, въ чемъ состоитъ дѣйствительный юморъ, и никакою бранью не сразить ему писателя, такъ мѣтко попавшаго въ него своей сатирой съ той высоты, на которой онъ поставленъ силою своего таланта и вдохновенія!

Пріемы, которые употребляютъ въ борьбѣ наши противники,—тоже знаменіе времени. Подавленные тяжелыми условіями современной жизни, здравомыслящіе люди все же могутъ найти лучъ надежды въ видимой внутренней слабости противнаго лагеря. Въ этомъ лагерѣ одни замѣняютъ серьезный споръ грубымъ надсмѣхательствомъ, другіе думаютъ спасти міръ торжественнымъ пустословіемъ, третьи наконецъ — и эти третьи особенно интересны — расшаркиваются передъ публикой, какъ бы краснѣя за свои собственныя дѣйствія. Ихъ дѣйствія говорятъ всѣмъ одно, сами же они стараются объяснить ихъ иначе. Гдѣ же сознаніе собственной силы? Гдѣ же увѣренность въ справедливости своей программы? При такихъ обстоятельствахъ можно смотрѣть въ будущее еще безъ полнаго отчаянія.

XV.

«Порядокъ», 25 сентября 1881 г., № 264.

Москва, 19 сентября 1881 г.

Съ чего начать въ современной хроникѣ нашей городской жизни? Матеріала представляется пока немного. Въ глаза кидается произведенная лѣтомъ полицейская реформа. Все новень-

кія формы. Лица, повидимому, не новыя, будутъ ли новы нравы — это вопросъ, конечно, наиболѣе интересный Между прочимъ ходило и ходитъ много толковъ о такъ называемыхъ „праздничныхъ“, но оставимъ толки въ покоѣ и обратимся къ фактамъ. Одинъ изъ нихъ весьма характеренъ. Только что была введена новая реформа, какъ за нею послѣдовали и новыя правила о веденіи домовыхъ книгъ. Способъ вписыванія паспортовъ въ эти книги измѣнился, измѣнилась и сама форма адресныхъ листковъ. Во многихъ домахъ хозяева и управляющіе не сразу приспособились къ новому порядку. Происходили ошибки; записи и листки, представленные въ участки, забраковывались и отсылались назадъ. Составители ихъ пробовали обратиться въ участки за разъясненіями, въ чемъ именно состояла ошибка, и за наставленіемъ — какъ именно надо дѣлать записи и составлять листки. Отвѣтъ повсюду былъ одинъ: не наше дѣло учить, сами должны знать. Въ иныхъ домахъ раза по три, по четыре переписывали книги и листки и столько же разъ получали ихъ обратно. Побились, побились домохозяева, и кончили тѣмъ, что вошли въ сдѣлку, которую любезно, черезъ дворниковъ, предложили имъ участковые писаря. За 1 руб., 1 руб. 50 коп. или болѣе въ мѣсяцъ, смотря по величинѣ дома и числу обывателей въ немъ, эти господа взялись вести паспортныя книги за домохозяевъ. Интересно то, что въ ошибкахъ, за которыя паспортные листки объявлялись негодными, провинились очень многіе составители, даже люди, несомнѣнно способные понимать въ надлежащемъ смыслѣ всякіе законы и распоряженія. Такъ какъ въ разъясненіи ошибокъ обыкновенно отказывали, то въ результатѣ получилось, что многое множество домохозяевъ платитъ теперь участковымъ писарямъ вознагражденіе въ размѣрѣ 12, 18, 24 и болѣе рублей въ годъ. Мы нисколько не протестуемъ противъ этого. Веденіе паспортнаго дѣла и вообще полицейская опека — явленія столь докучливыя, что мало найдется имущихъ людей, которые не были бы готовы откупиться отъ нихъ и не такими суммами, какъ

вышеприведенныя. Мы готовы, пожалуй, думать (если это можетъ понравиться кому-нибудь), что вся вышеприведенная исторія — продѣлка писарей, о которой ничего не вѣдаетъ ихъ ближайшее начальство. Остается позавидовать лишь счастью этихъ писарей — сколько десятковъ тысячъ рублей сойдетъ такимъ путемъ въ ихъ карманы со всего городского населенія! Интересенъ слѣдующій юридическій вопросъ: за всякую просрочку въ прописке паспортовъ и вообще неисправности по отношенію къ нимъ домохозяева штрафуются теперь крупными суммами въ административномъ порядкѣ. Перейдетъ ли отвѣтственность на писарей? — Во всякомъ случаѣ, пока они благодушествуютъ, ихъ начальникамъ приходится претерпѣвать непріятности. Вамъ, конечно, извѣстно о происшествіи, имѣвшемъ мѣсто 14-го сентября у Ильинскихъ воротъ. О немъ почему-то писали мало, но говорятъ много. По поводу человѣка, раздавленнаго конкой, дѣло, если вѣрить молвѣ, дошло до цѣлой битвы между полицейскими и возбужденною толпою народа. Окончилось все, будто бы, массой арестовъ Было бы недурно, если бы разъяснили происшествіе оффиціальнымъ путемъ. Можетъ быть, молва и преувеличиваетъ его.

Если послѣднее предположеніе вѣрно, то все-таки нѣтъ ничего удивительнаго въ происхожденіи самой молвы. Повсюду замѣчается отсутствіе увѣренности. нигдѣ не чувствуется хоть какой-нибудь прочности въ существующихъ отношеніяхъ. Все живетъ изо дня въ день. Такое состояніе — самая благодарная почва для образованія всякой молвы. И не одной молвы. На что осторожна и опаслива наша дума, — однако и она затѣяла цѣлую борьбу съ обществомъ трудолюбія по поводу сдѣланнаго этимъ послѣднимъ захвата городской земли. Эпизодъ, относящійся сюда, имѣлъ мѣсто въ засѣданіи 15-го сентября. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Общество трудолюбія возымѣло мысль построить часовню въ какомъ-либо людномъ мѣстѣ города, для того, чтобы обратить доходы съ этой часовни на благія цѣли, которымъ служитъ общество. На исполненіе задуманнаго

ассигновали 30,000 рублей, составили изящный проектъ будущей постройки, мѣстомъ же ея избрали площадь у Охотнаго ряда,—мѣсто, дѣйствительно, людное. Не спросясь у городской думы, общество испросило Высочайшее соизволеніе на исполненіе своего предпріятія. Дума узнала обо всемъ этомъ лишь тогда, когда ей сообщили самое повелѣніе о постройкѣ часовни на названной площади съ предложеніемъ отвести подъ постройку надлежащее количество городской земли. Сочувствуя цѣли самой постройки, которая притомъ посвящается памяти послѣдней войны, гласные усомнились прежде всего и въ удобствѣ, и въ доходности часовни на мѣстѣ, избранномъ обществомъ трудолюбія. Вся эта площадь слишкомъ малое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ людное мѣсто для того, чтобы допускать ея застройку. Интересно, что на этомъ самомъ мѣстѣ существовалъ когда-то монастырь, и онъ былъ снесенъ въ видахъ предоставленія большаго простора уличному движенію. Что же касается до будущей доходности проектированной часовни, то въ этомъ позволительно усомниться потому, что она будетъ расположена не вдалекѣ отъ первой московской святыни — Иверской часовни. Предполагается предложить обществу трудолюбія перенести свою часовню въ новый скверъ, который устраивается теперь на мѣстѣ бывшаго Яблочнаго ряда. Впрочемъ окончательное разрѣшеніе этого именно вопроса отложено. Но не покоробитъ ли читателя вся эта исторія съ часовней, трактуемой въ качествѣ доходной статьи? Затѣмъ думу занялъ другой вопросъ. Нельзя было не обратить вниманія на фактъ распоряженія городскою землею помимо предварительнаго соглашенія съ ея хозяиномъ — городомъ. Образъ дѣйствій лицъ, которыя вошли къ высшей власти съ ходатайствомъ о постройкѣ часовни, прежде чѣмъ обратились въ думу, подвергся сильному порицанію большинства гласныхъ, принимавшихъ участіе въ преніяхъ. Въ концѣ концовъ дума постановила единогласно ходатайствовать о томъ, чтобы впредь въ дѣлахъ подобнаго рода соблюдался порядокъ, установленный закономъ...

XVI.

«Порядокъ», 8 января 1882 г., № 7.

Засѣданіе московской городской думы 4-го января представляетъ не одинъ мѣстный интересъ, а касается и общихъ вопросовъ, одинаково важныхъ какъ для Москвы, такъ и для другихъ городовъ

Въ сентябрѣ 1880 года московская дума, имѣя въ виду изданныя въ августѣ того же года обязательныя постановленія московскаго генералъ-губернатора о движеніи по улицамъ, поручила комиссіи выяснить тѣ условія, при которыхъ дума можетъ пользоваться своимъ правомъ издавать обязательныя постановленія Обязательныя постановленія были изданы генералъ-губернаторомъ на основаніи Высочайшаго указа 5 апрѣля 1879 года Дѣйствіе этого указа отмѣнено 14 августа 1881 года и комиссія въ ноябрѣ 1881 г. представила думѣ докладъ, въ которомъ предлагаетъ приступить къ изданію обязательныхъ постановленій. Между тѣмъ, въ силу указа 14 августа, московскій генералъ губернаторъ, со своей стороны, издалъ новыя обязательныя постановленія объ извозномъ промыслѣ и объ освѣщеніи обывательскихъ дворовъ и лѣстницъ.

Гласный Д. С. Охлябининъ указалъ на то, что при изданіи обязательныхъ постановленій и думою, и генералъ-губернаторомъ обыватели попадаютъ въ затруднительное положеніе; далѣе онъ указалъ, что въ силу постановленій о дворникахъ и освѣщеніи дворовъ на обывателей ложится крупный налогъ, увеличившійся противъ прежняго слишкомъ на 600.000 рублей въ годъ, въ виду же низкаго уровня развитія дворниковъ и низшихъ агентовъ полиціи постановленія о дворникахъ рѣшительно не приносятъ пользы. При значительности расходовъ и безполезности самыхъ мѣръ гласный полагаетъ, что дума, въ интересахъ обывателей, обязана ходатайствовать объ отмѣнѣ названныхъ постановленій.

Гласный В. И. Герье замѣтилъ, что обязательныя постановленія администраціи лишаютъ думу возможности пользоваться собственнымъ правомъ по 103 ст. город. положенія и потому, по его мнѣнію, нельзя оставить безъ возраженія троекратное нарушеніе правъ думы изданіемъ постановленій о дворникахъ, объ извозномъ промыслѣ и объ освѣщеніи дворовъ и лѣстницъ. Эти постановленія въ случаѣ изданія ихъ думою, были бы болѣе опредѣленны; кромѣ того сами по себѣ, они не отвѣчаютъ смыслу указа 14 августа Особыя права полиціи открываютъ низшимъ агентамъ возможность злоупотребленія властью; гласный привелъ и примѣры этому. Что же касается до права администраціи издавать постановленія помимо думы, то гласный не признаетъ его за полиціей, потому что городъ не находится въ такой исключительной обстановкѣ, чтобы подобныя чрезвычайныя мѣры были необходимы, и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ мнѣніе ген. Трепова, согласно которому администрація не должна дѣйствовать помимо города, а, напротивъ, идти съ городскимъ управленіемъ рука-объ-руку. Гласный полагаетъ, что всѣ распоряженія администраціи, имѣющія характеръ налога, должны быть установлены не иначе, какъ по соглашенію съ городскимъ управленіемъ, безъ чего подобныя постановленія не имѣютъ значенія и, въ настоящемъ случаѣ, являются недостигающими цѣли.

Гласный С. А. Муромцевъ указалъ на то, что указъ 14 августа 1881 года нисколько не измѣнилъ права генералъ-губернаторовъ, какъ то ошибочно принимаетъ комиссія въ своемъ докладѣ, и потому онъ думаетъ, что докладъ долженъ быть возвращенъ въ комиссію; кромѣ того названный гласный полагаетъ, что дума должна принять мѣры къ освобожденію обывателей отъ подобнаго полицейскаго режима, но, въ виду того, что постановленія издаются администраціею въ силу закона, онъ полагалъ бы ходатайствовать объ отмѣнѣ самаго закона, тѣмъ болѣе, что возложеніе полицейскихъ обязанностей на дворниковъ и обывателей не приноситъ ожидаемой отъ того пользы.

Товарищъ головы разъяснилъ, что дума не имѣетъ права возбуждать ходатайства объ отмѣнѣ законовъ, касающихся не одного города, а всего государства.

Гласный И. Н. Мамонтовъ обратилъ вниманіе на медленность дѣйствій комиссіи, представившей докладъ, на что предсѣдатель комиссіи П. Н Грековъ, доказывая, что комиссія исполнила какъ слѣдуетъ свою обязанность, замѣтилъ, что И. Н. Мамонтовъ—гласный изъ молодыхъ и не имѣетъ (!?) права дѣлать такія замѣчанія. По поводу этого между гласными С. А. Муромцевымъ и И. Н. Мамонтовымъ съ одной стороны, и гласнымъ П. Н. Грековымъ—съ другой возникаютъ пререканія, но предсѣдательствующій принимаетъ сторону послѣдняго.

Гласный В. М. Пржевальскій указалъ на то, что между городовымъ положеніемъ и указомъ 14 августа 1881 года существуетъ несогласимое противорѣчіе и предложилъ ходатайствовать предъ правительствомъ о разъясненіи, какъ понимать это противорѣчіе.

По произведенной баллотировкѣ, докладъ комиссіи былъ отвергнутъ, предложеніе же гласнаго Д. С. Охлябинина, принятое большинствомъ, состояло въ слѣдующемъ: принимая во вниманіе, что послѣднія два постановленія московскаго генералъ-губернатора о дворникахъ и освѣщеніи дворовъ составляютъ весьма значительный налогъ на обывателей и не приносятъ надлежащей пользы, а послѣднее, кромѣ того, опасно въ пожарномъ отношеніи, дума ходатайствуетъ объ отмѣнѣ ихъ и проситъ генералъ-губернатора на будущее время передавать на заключеніе думы проекты своихъ обязательныхъ постановленій до введенія ихъ въ дѣйствіе.

Передъ баллотировкою этого предложенія Д. Ѳ. Самаринъ пытался доказать, что это—совершенно новое предложеніе и разрѣшеніе его должно быть отложено до слѣдующаго засѣданія, но дума признала, что предложеніе Д. С. Охлябинина вытекаетъ прямо изъ разсмотрѣннаго доклада, и постановила разрѣшить его немедленно.

Студенческіе союзы и собранія.

«Порядокъ», 18 февраля 1881 г., № 48 (передовая).

Когда естественное развитіе общества встрѣчаетъ препоны по пути удовлетворенія своихъ насущнѣйшихъ нуждъ, отъ правильнаго разрѣшенія которыхъ зависитъ исходъ многихъ другихъ потребностей, тогда развитіе этихъ послѣднихъ идетъ неизбѣжно неправильнымъ путемъ, и ихъ удовлетвореніе или вовсе не достигается, или же, если и достигается, то не вполнѣ, и притомъ съ такими осложненіями, которыя вносятъ въ дѣло много лишняго и тяжелаго. Наблюдатель русской общественной жизни приходитъ къ этой истинѣ ежеминутно. Повсюду движеніе вопросовъ мѣстнаго характера тормозится и осложняется благодаря тому обстоятельству, что не разрѣшены вопросы общегосударственной важности. То же повторяется теперь и въ „студенческомъ“ вопросѣ. Источникъ университетской смуты, которая происходитъ не въ одномъ Петербургѣ, и мѣстами пріобрѣла уже хроническій характеръ, какъ извѣстно, сводится къ тому, что студенты ищутъ возможности для себя собраній и союзовъ, начальство же противится такому стремленію или по крайней мѣрѣ не спѣшитъ его удовлетвореніемъ. Вотъ тутъ то и возстаетъ передъ нами дилемма: не удовлетворить — значитъ создать безконечный источникъ университетской смуты, тяжелой и для тѣхъ, кому приходится укрощать ее; удовлетворить—значитъ создать въ

университетской жизни такой порядокъ вещей, который станетъ въ прямое противорѣчіе съ общимъ порядкомъ внѣ университета и немедленно придетъ съ нимъ въ столкновеніе; слѣдовательно, все опять закончится смутой. Вотъ наглядное доказательство тому, что у насъ нѣтъ возможности рѣшить правильно ни одного вопроса частнаго или мѣстнаго характера, потому что правильное рѣшеніе встрѣтитъ отпоръ въ общемъ порядкѣ вещей. Между тѣмъ сторонники (искренніе или мнимые—это ихъ дѣло) „стараго" порядка постоянно жалуются на то, что теперь „учащаяся" молодежь не учится, и что всѣ ея помышленія направлены на вопросы „организаціи" студенчества. Безъ сомнѣнія, въ обществѣ, которое само имѣетъ правильную организацію, университетъ могъ бы, основательно и не обременяя своей совѣсти, сказать молодымъ людямъ, затѣвающимъ въ стѣнахъ университета сходку или что-либо другое въ томъ же родѣ: „университетъ существуетъ для научныхъ и учебныхъ занятій; въ университетѣ вы должны только учиться. Если вы хотите сходокъ и т. п., то вы имѣете для этого достаточно мѣста внѣ университетскихъ стѣнъ". Съ легкою совѣстью университетъ могъ бы тогда и изгонять изъ своихъ стѣнъ серьезныхъ нарушителей университетскаго порядка, потому что онъ зналъ бы, что такое изгнаніе не повлечетъ для исключеннаго какой-нибудь административной кары или чего-либо въ томъ же родѣ. Но все это недостижимо при обстоятельствахъ, среди которыхъ мы живемъ, и университету приходится становиться въ положеніе, въ сущности противорѣчащее его природѣ. Если нужды студенчества не удовлетворяются общимъ путемъ, то молодежь поневолѣ ищетъ удовлетворенія ихъ въ рамкахъ своей университетской жизни.

Однако, скажутъ пожалуй, если, дѣйствительно, студенческія „льготы", только случай льготъ общегражданскихъ, то зачѣмъ же и давать ихъ студентамъ, доколѣ онѣ не предоставлены всѣмъ гражданамъ? Отвѣтъ на такой вопросъ очень простъ.

Всему приходитъ свое время. Потребность въ свободѣ собраній и союзовъ—потребность общечеловѣческая, но степень необходимости ея на различныхъ ступеняхъ общественнаго положенія различна. Кромѣ того различны и препятствія, которыя встрѣчаются при удовлетвореніи сказанной потребности. Взрослые, такъ или иначе, но все же имѣютъ для своей дѣятельности многія дозволенныя формы собраній, организованныя нерѣдко самимъ закономъ, студенты—ни одной. Помимо законныхъ формъ, взрослымъ всегда легче собраться для общаго дѣла, нежели студентамъ, которые даже во время пріятельской вечеринки рискуютъ стать объектомъ полицейской подозрительности. На взрослаго, въ случаѣ чего, полиція не сразу наложитъ свою тяжелую руку,—со студентомъ она привыкла не церемониться. А развѣ можно отрицать, что уже одно экономическое положеніе студента, не говоря объ естественныхъ стремленіяхъ молодости, питаетъ въ немъ усиленное стремленіе къ общенію и товарищеской дѣятельности? Экономическое положеніе студента заслуживаетъ особеннаго вниманія и съ государственной точки зрѣнія. Со времени Петра Великаго дѣло образованія въ Россіи стало серьезнымъ государственнымъ дѣломъ. До сихъ поръ оно держится по преимуществу заботами государства, которое не только содержитъ преподавателей, но поддерживаетъ матеріально и самихъ учащихся. По отношенію къ университетамъ установилось, однако, какое-то недоброжелательное положеніе. Администрація какъ-бы стремится ограничить свои попеченія содержаніемъ университетовъ въ смыслѣ зданій и совокупности учебныхъ пособій; она оплачиваетъ трудъ профессоровъ, но относится подозрительно къ учащимся. Правильно-ли это? Россія далеко еще не владѣетъ нужнымъ числомъ людей съ университетскимъ образованіемъ. Многіе относятся недоброжелательно къ студенческимъ баламъ, концертамъ и т. п., находя, что это „попрошайничество“ ставитъ студента предъ лицомъ публики въ недостойное положеніе. До извѣстной

степени лица, думающія такъ, правы. Но если вы хотите, чтобы было иначе, то дайте студенчеству отъ государства тѣ средства, которыя оно ищетъ получить отъ щедротъ благотворительности.

Мы кончаемъ тѣмъ, съ чего начали. Студенческій вопросъ—одно изъ частныхъ проявленій общаго государственнаго вопроса. Если желаютъ, чтобы онъ не волновалъ правильнаго теченія университетской жизни, то необходимо рѣшиться на нѣкоторыя преобразованія болѣе широкаго свойства. Профессоръ будетъ только профессоромъ, студентъ—только студентомъ, точно такъ же (напримѣръ), какъ губернскій гласный—только губернскимъ гласнымъ, когда всѣ эти лица будутъ увѣрены, что для удовлетворенія прочихъ своихъ потребностей они найдутъ полный просторъ внѣ своихъ профессій и положеній, въ другихъ положеніяхъ и, между прочимъ, въ качествѣ обыкновенныхъ гражданъ, наряду съ прочими гражданами. Какого-бы рѣшенія ни искали для студенческаго дѣла внѣ этой широкой постановки вопроса, рѣшенія, окончательно успокаивающаго, не найдутъ, какъ не найдутъ его и для многихъ другихъ вопросовъ, несравненно болѣе важныхъ, если не станутъ на болѣе широкій путь и не взглянутъ на дѣло съ болѣе высокой государственной точки зрѣнія. Это—истина, сила которой не ослабляется тѣмъ, что мы станемъ отворачиваться отъ нея. Отчего же у насъ всѣ частные вопросы оказываются неразрѣшимыми и всѣ, даже лучшія усилія самого правительства — организовать то или другое мѣстное дѣло — безплодными? Обвиняютъ, при этомъ, общество въ апатіи, въ недостаткѣ людей; все это несправедливо, такъ какъ причина тому заключается все въ томъ же самомъ обстоятельствѣ, а именно, что у насъ постоянно задаются невозможною цѣлью—достигнуть мѣстнаго благоустройства безъ соотвѣтственнаго тому благоустройства общественнаго; но развѣ это не все равно, что требовать отъ руки, отъ ноги — ихъ частнаго здороваго развитія, безъ всякаго отноше-

нія къ самому центру жизненныхъ функцій? Конечно, рука должна подать хлѣбъ желудку, но и желудокъ долженъ за то возвратить ей что-нибудь, иначе впослѣдствіи онь напрасно станетъ жаловаться на негодность рукъ или ихъ слабость. Будущее принадлежитъ всегда тому, кто смѣло глядитъ вь глаза истинѣ и охотно прислушивается къ ея голосу.

Изъ опытовъ Бишопа.

«Русскія Вѣдомости», 22 ноября 1884 года, № 324.

20-го ноября, во вторникъ, я былъ въ Русскомъ драматическомъ театрѣ на сеансѣ г. Бишопа, и мнѣ пришлось принять непосредственное участіе въ одномъ изъ его опытовъ. По желанію, выраженному присутствовавшими въ театрѣ лицами, предаю гласности испытанныя мною впечатлѣнія.

Опытъ состоялъ въ слѣдующемъ. Я долженъ былъ, въ отсутствіи г. Бишопа, взять по вещи у трехъ лицъ изъ среды находившейся въ залѣ публики, потомъ завернуть взятое въ платокъ и спрятать свертокъ гдѣ-либо въ театрѣ. Отъ трехъ лицъ, сидѣвшихъ въ разныхъ мѣстахъ партера, я получилъ: ключъ, нумеръ отъ платья и булавку отъ галстука, завернулъ эти предметы въ носовой платокъ и помѣстилъ свертокъ въ ложѣ бельэтажа, на пустомъ стулѣ, подъ мѣховою шапкою. По моемъ возвращеніи на сцену, туда былъ введенъ г. Бишопъ съ завязанными глазами. Взятый имъ извѣстнымъ способомъ подъ руку, я долженъ былъ сосредоточить свою мысль сначала—на мѣстѣ, гдѣ были спрятаны вещи (ложа бельэтажа), потомъ на томъ самомъ пунктѣ этого мѣста, гдѣ лежали вещи (стулъ и шапка), наконецъ на мѣстонахожденіи каждаго изъ владѣльцевъ вещей и на ихъ личности,—и г. Бишопъ послѣдовательно привелъ меня въ ложу, нашелъ спрятанныя вещи, отыскалъ (продолжая идти со мною рука объ руку) одного за другимъ ихъ владѣльцевъ и возвратилъ вещи на ихъ обыч-

ное мѣсто (такъ, напримѣръ, ключъ возвращенъ въ карманъ, изъ котораго онъ былъ вынутъ).

Слѣдующее, какъ мнѣ кажется, заслуживаетъ вниманія:

1) Съ самаго начала опыта я замѣтилъ, что сосредоточить свою мысль на данномъ мѣстѣ (ложа бельэтажа) было для меня нѣсколько трудно, такъ какъ лица и предметы, бывшіе предъ глазами, развлекали мое вниманіе. Потому я зажмурилъ глаза и, по возможности, сохранялъ ихъ въ такомъ состояніи въ теченіе всего опыта, и тогда мнѣ удавалось легко возсоздать въ своемъ воображеніи нужный образъ, какъ-то: ложу, стулъ и шапку, мѣсто въ партерѣ, гдѣ находилось данное лицо, физіономію этого лица;

2) Каждый разъ, какъ мнѣ удавалось воспроизвести въ своемъ воображеніи нужный образъ съ особенною отчетливостью, движенія г. Бишопа получали наиболѣе правильное направленіе, т.-е. онъ устремлялся къ искомому мѣсту, предмету, лицу.—Во время перехода по заламъ и лѣстницамъ я думалъ также о томъ пути, которымъ слѣдовало идти, и могъ замѣтить, что каждый разъ, какъ этотъ путь представлялся мнѣ съ ясностью, движенія г. Бишопа пріобрѣтали увѣренность и выигрывали въ точности;

3) По временамъ я ловилъ себя на томъ, что какъ будто самъ направляю г. Бишопа въ искомую сторону, удерживая его отъ уклоненій на ложный путь; но вмѣстѣ съ тѣмъ я вспоминаю нѣсколько моментовъ, когда я оставался, какъ мнѣ казалось, на мѣстѣ неподвижно, и г. Бишопъ сразу направлялъ меня въ надлежащую сторону, при чемъ это совпадало съ появленіемъ въ моей головѣ яснаго представленія о данномъ направленіи, мѣстѣ или лицѣ;

4) Когда мы приближались къ намѣченному лицу, мысль объ его мѣстонахожденіи я замѣнялъ мыслью о немъ самомъ, т.-е. я старался воспроизвести въ своей головѣ образъ этого лица, особенно его физіономію. Бакенбарды, борода и усы играли въ этомъ случаѣ существенную роль и г. Бишопъ (будучи

съ завязанными глазами) провѣрялъ ощупью присутствіе этихъ признаковъ у данной личности; и

5) Г. Бишопъ, очевидно, предполагалъ, что я самъ вынулъ изъ кармана ключъ, булавку изъ галстука и т. п., и потому просилъ меня думать также о первоначальномъ мѣстѣ нахожденія этихъ предметовъ. Однако всѣ предметы были получены мною изъ рукъ ихъ владѣльцевъ и въ каждомъ изъ трехъ случаевъ я думалъ именно объ ихъ рукахъ. Тѣмъ не менѣе вещи были возвращены г. Бишопомъ не въ руки: булавка была заколота имъ въ галстукъ, ключъ возвращенъ въ карманъ и т. д. Повидимому здѣсь болѣе дѣйствовала (какъ впрочемъ признался и самъ г. Бишопъ) простая догадка, нежели „чтеніе“ чужихъ мыслей.

Въ теченіе всего опыта я испытывалъ нѣкоторое, какъ мнѣ казалось, не особенно сильное возбужденіе и нѣсколько усиленное сердцебіеніе, точную степень котораго я самъ, конечно, опредѣлить не могу. Приступая къ опыту, я имѣлъ намѣреніе отнестись къ своему положенію съ возможною критикою; но критическое настроеніе невольно ослаблялось по мѣрѣ сосредоточенія мысли на томъ или другомъ образѣ.

Письма изъ Москвы.

ВТОРАЯ СЕРІЯ.

I.

«Вѣстникъ Европы», 1885 г., кн. I.

15 декабря 1884.

...Еще въ началѣ ноября послѣдовало у насъ благопріятное измѣненіе въ погодѣ. Сѣрая осень, заполонившая Москву навозною грязью, смѣнилась быстро бѣлою, здоровою и бодрящею зимою. И такъ хороша стала Москва въ молодомъ зимнемъ нарядѣ, что, какъ разсказываютъ, знаменитая вѣнка, прибывшая сюда какъ-разъ къ этому времени, нашла первопрестольную столицу привлекательнѣе самой Вѣны. Что́ еслибы подобное превращеніе открыть намъ въ самомъ ходѣ московской жизни! еслибы и въ Москвѣ зажилось получше, чѣмъ въ любой Вѣнѣ! Думается, однако, что далеко еще до подобнаго превращенія. Зима пришла и городская жизнь вошла въ свою обычную колею; средній человѣкъ обезпеченной толпы завертѣлся въ своемъ колесѣ „дѣлъ“ и „увеселеній“; но нѣтъ и слѣда какого-либо благотворнаго возбужденія. Человѣка же мыслящаго не покидаетъ сѣрое, сумрачное настроеніе нашихъ дней. Не Москва создаетъ его; но, благодаря своимъ особенностямъ, московская жизнь вполнѣ воспроизводитъ дѣйствіе общихъ причинъ. Въ болѣющемъ сердцѣ не

прекратилась отзывчивость на явленія окружающаго міра, не водворился еще успокоительный индифферентизмъ, а затруднительность и безплодность личнаго участія въ общемъ токѣ помутившейся жизни чувствуется сильнѣе и сильнѣе. Тина, никогда не исчезавшая, вновь даетъ знать себя. — Наводящаго уныніе отовсюду больше, нежели отраднаго — достаточно оглянуться хотя бы на недавнее прошлое Населеніе, которое откочевывало на лѣто изъ столицы въ ея округи, возвращалось назадъ съ невеселыми мыслями. Кто прожилъ лѣто подъ самой Москвою, тотъ испыталъ хроническую стужу и сырость, да насмотрѣлся на луга и поля съ травами и хлѣбомъ, почти уничтоженными дождями. Полусгнившее, непросохшее сѣно, полусгнившіе, несвезенные на гумно снопы, да охавшій вокругъ нихъ народъ, — такова была подмосковная картина и въ іюлѣ, и въ августѣ Изъ болѣе далекихъ мѣстъ дачники возвратились съ воспоминаніями, еще болѣе безотрадными. Мѣстами и тамъ та же сырость и систематическое изгниваніе урожая; на сѣверныхъ же окраинахъ чернозема—почти безусловный неурожай. На первое время все это служило благодарною темою для разговоровъ: для сенсаціонныхъ новостей пока недоставало еще своихъ, московскихъ. Южныя части тульской и тамбовской губ., сѣверные уѣзды воронежской и восточную половину орловской губ. постигъ почти полный неурожай — не мало москвичей возвратились именно оттуда. Мѣстами, какъ говорили, не были выручены даже сѣмена. Съ конца августа крестьяне начали распродажу скота, въ ливенскомъ уѣздѣ, напр, жеребята продавались за гривенникъ и пятиалтынный, обыкновенныя рабочія лошади — за два и за три рубля; главными покупателями являлись живодеры, и большія дороги, ведущія отъ ярмарочныхъ мѣстъ, обагрялись кровью ободранныхъ конскихъ труповъ. Уже въ сентябрѣ крестьянскія семьи изъ нѣсколькихъ дворовъ сходились подъ общую кровлю въ тѣхъ видахъ, чтобы получить нѣкоторый запасъ корма изъ полусгнившихъ соломенныхъ крышъ оставленныхъ дворовъ, а также для того, чтобы сбе-

речь на топливѣ, которымъ служитъ та же солома. Въ одномъ изъ хлѣбородныхъ уѣздовъ земское собраніе, никогда не отличавшееся благосклоннымъ отношеніемъ къ крестьянамъ, опредѣлило въ двѣсти двадцать тысячъ рублей минимальную цифру позаимствованія изъ продовольственнаго капитала, необходимаго въ настоящемъ году.

Впрочемъ скоро изъ-за тумана привозныхъ новостей выступили свои мѣстныя, московскія. Тутъ съ самаго начала года происходила какая-то безтолковщина. Въ мартѣ мы читали въ своихъ газетахъ: „торговля плохо идетъ предъ праздниками"; въ апрѣлѣ извѣстіе о томъ же варіировалось такъ: „полный застой торговли, не смотря на наступившую эпоху дешевыхъ товаровъ"; въ іюнѣ: „тяжелое торговое настроеніе", и вдругъ оповѣщалось, что „нижегородскую ярмарку, сверхъ ожиданія, слѣдуетъ считать удачною"; и дѣйствительно, она имѣла относительный успѣхъ, правда, при условіи значительнаго пониженія цѣнъ на мануфактурные и иные товары; осенью же опять пошли тревожные слухи о близкомъ банкротствѣ нѣкоторыхъ крупныхъ фирмъ. — Съ безтолковщиной въ области своего самоуправленія москвичи должны были окончательно свыкнуться еще къ концу прошлаго года. Городское самоуправленіе прожило послѣдній годъ при безголовицѣ, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, — безголовицѣ, которая разстраивала нормальное теченіе дѣлъ въ городской думѣ и управѣ, и однако была неизбѣжна въ силу сложившихся обстоятельствъ; большинству же послѣ ухода послѣдняго головы Б. Н. Чичерина безголовица сверхъ того представлялась необходимой „по принципу". Въ земскомъ самоуправленіи московскаго уѣзда старые хозяева, издавна управлявшіе уѣздомъ и сослужившіе большую службу дѣлу народнаго образованія, вдругъ ни съ того, ни съ сего, вслѣдствіе обыкновенной избирательной интриги, были выбиты изъ своихъ позицій „кирпичниками". Кирпичники—представители партіи многочисленныхъ владѣльцевъ подмосковныхъ кирпичныхъ и иныхъ заводовъ, противники народнаго образо-

ванія „по принципу“ и главные сторонники улучшенныхъ путей сообщенія, по которымъ бы ихъ кирпичъ могъ удобно доставляться въ столицу. Кирпичники овладѣли земскимъ самоуправленіемъ съ гикомъ и трескомъ, сразу пустили кругомъ свою кирпичную пыль въ видѣ всякаго рода клеветъ, долженствовавшихъ опозорить ихъ противниковъ, а чрезъ годъ вдругъ выдали себя въ откровенномъ заявленіи: „мы ничего такъ не желаемъ, какъ — сохранить все въ томъ же видѣ, какъ было до насъ“. Экономическія воззрѣнія „кирпичниковъ“ если не своеобразны, то достаточно элементарны. Въ послѣднемъ земскомъ собраніи предсѣдатель уѣздной управы г. Пфейферъ прямо совѣтовалъ облагать налогомъ на устройство лечебницъ при фабрикахъ не хозяевъ фабрикъ, но только рабочихъ—ибо „кого ни обложи, а налогъ въ концѣ концовъ заплатятъ тѣ же рабочіе“. Этотъ откровенный взглядъ не понравился, впрочемъ, болѣе вылощеннымъ предводителямъ партіи и „извѣстный богатый фабрикантъ“ „энергично возставалъ противъ обложенія рабочихъ“; собраніе же раздѣлило грѣхъ пополамъ, предположивъ обложить совмѣстно и фабрикантовъ, и рабочихъ. Эпизодъ, происшедшій въ самомъ концѣ собранія, до-нельзя характеренъ для нашего времени. По предложенію управы, рѣшительно ничѣмъ не мотивированному, собраніе отняло земскую субсидію у одной изъ народныхъ школъ. Послѣ того пошли между гласными частные толки о томъ, что будто бы означенное предложеніе было вызвано свѣдѣніями о „неблагонамѣренности“ учительницы, дававшей дѣтямъ учить наизусть что-то изъ стихотвореній Некрасова. Чтобы ослабить тяжелое впечатлѣніе, произведенное такими толками, предсѣдатель собранія, уѣздный предводитель дворянства, предложилъ собранію оффиціально выразить, что, постановляя о прекращеніи субсидіи данной школы, оно вовсе не руководилось свѣдѣніями о степени благонадежности учительницы, и поставленное на голоса это предложеніе... провалилось.

Не легче и по вопросу о судѣ и правосудіи. Почти что

на дняхъ въ здѣшнемъ юридическомъ обществѣ возглашалось на разные лады, что правый судъ, созданный уставами 20 ноября, есть надежнѣйшая опора власти, а въ ушахъ все еще стоялъ шумъ отъ крика, исходившаго съ извѣстнаго бульвара противъ того же суда и въ интересахъ той же власти и, правда, факты какъ будто удостовѣряли, что и на суды бываетъ острастка.

Живя въ той же безтолковщинѣ, москвичи еще осенью были озадачены рядомъ тяжелыхъ и таинственныхъ новостей. Будничная же жизнь шла своимъ чередомъ Въ собраніи акціонеровъ рязанской желѣзной дороги произошла борьба двухъ партій, изъ которыхъ каждая работала надъ умноженіемъ числа голосовъ, принадлежащихъ ей по акціямъ; правленіе обратилось за совѣтомъ къ юрисконсультамъ, которые, не касаясь партійнаго раздѣленія, отвѣчали по существу закона и устава, и вотъ — изъ среды лицъ, оставшихся недовольными заключеніемъ юристовъ, былъ выпущенъ по ихъ адресу печатный памфлетъ, а вслѣдъ затѣмъ другіе юристы, основываясь на этомъ памфлетѣ, подняли противъ своихъ собратьевъ формальное обвиненіе въ томъ, что они дали безнравственную консультацію. Обвиненіе было пригнано ко времени общаго собранія присяжныхъ повѣренныхъ, когда должны были происходить выборы въ члены совѣта; однако, сверхъ ожиданія, собраніе не состоялось. — Всю осень городу грозила скотская чума и все время этой чумы земскіе ветеринары пререкались съ ветеринарами правительственными, причемъ первые упрекали вторыхъ въ незаконномъ потакательствѣ скотовладѣльцамъ, а вторые первыхъ — въ излишней къ нимъ придирчивости.—Пожаръ Солодовниковскаго пассажа освѣтилъ собою всю Москву и обнаружилъ, что при стройкѣ пассажа было допущено нарушеніе элементарныхъ строительныхъ правилъ; городская дума взволновалась и назначила изъ своей среды особую комиссію для опредѣленія условій построенія пассажей, но не успѣла комиссія (въ теченіе двухъ мѣсяцевъ) выбрать себѣ даже предсѣдателя, какъ Солодовни-

ковъ потребовалъ разрѣшеніе на возобновленіе сгорѣвшаго зданія, такъ что думѣ придется разсуждать о данномъ предметѣ. не дожидаясь заключеній своей комиссіи.

Медлительность, съ которою двигается наше городское самоуправленіе, весьма замѣчательна. Одно время водопроводное дѣло остановилось только потому, что предсѣдатель водопроводной комиссіи, переѣхавъ изъ деревни въ Москву, не захватилъ съ собою бумагъ комиссіи, которыя онъ бралъ съ собою въ деревню, о чемъ и было доложено думѣ, а въ городской управѣ случился даже и такой казусъ Въ нынѣшнемъ году она постановила рѣшеніе по частной просьбѣ, поданной почти десять лѣтъ тому назадъ: проситель ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему уличной горговли какимъ-то товаромъ на праздникахъ того года, когда было подано прошеніе, и милостивое разрѣшеніе, дѣйствительно, послѣдовало чрезъ десять лѣтъ послѣ этихъ праздниковъ! Проситель, кажется, успѣлъ уже умереть, не дождавшись распоряженія управы.

Событій, преисполненныхъ внутренними противорѣчіями, можно было бы насчитать и еще достаточное количество. Въ маѣ текущаго года московская городская дума учредила читальню въ память И С. Тургенева на капиталъ въ 10,000 рублей, пожертвованный В. А. Морозовою. За лѣто успѣли воздвигнуть самое зданіе читальни на счетъ той же жертвовательницы и на немъ появилась вывѣска: „Безплатная народная читальня въ память И. С. Тургенева"; вывѣска повисѣла нѣсколько дней и была неожиданно снята по чьему-то приказанію,—говорили, что нѣсколько поспѣшили съ вывѣской, не дождавшись надлежащаго разрѣшенія на открытіе читальни. Однако нынѣ разрѣшеніе уже пришло, но предположенная вывѣска болѣе не появляется. Читальня въ память И С Тургенева разрѣшена кѣмъ слѣдуетъ, но слова „въ память И С. Тургенева" на вывѣскѣ будутъ замазаны, распорядителей не мало занимаетъ вопросъ, какъ поступить имъ съ замазаннымъ мѣстомъ, чтобы не изуродовать внѣшняго вида

надписи. Есть и другіе признаки того, что мы готовы вернуться кое въ чемъ къ временамъ, давно прошедшимъ Съ этой точки зрѣнія въ высшей степени интересенъ докладъ городской управы „о вознагражденіи полицейскихъ чиновъ за пріемъ подписки на „Вѣдомости московской городской полиціи". Эти „Вѣдомости" принадлежали въ прежнія времена полиціи, теперь же онѣ составляютъ доходную статью города, но подписка на нихъ принимается попрежнему чрезъ посредство полицейскихъ чиновъ. И вотъ городская управа замѣтила, что число подписчиковъ, къ ущербу городской казны, стало уменьшаться. Причина заключается, очевидно, въ томъ, что съ передачею въ пользу города дохода отъ „Вѣдомостей", который обращался прежде на добавочное жалованье полицейскимъ чинамъ, для этихъ послѣднихъ прекратился уже интересъ въ увеличеніи названнаго дохода. Потому, по мнѣнію управы, „слѣдовало бы отчислять въ пользу полицейскихъ чиновъ извѣстный процентъ съ денегъ, собираемыхъ ими по подпискѣ на „Вѣдомости", въ томъ предположеніи, что они будутъ попрежнему интересоваться пріобрѣтеніемъ возможно большаго числа подписчиковъ". Съ каждаго экземпляра предполагается удѣлять полиціи за комиссію 25 коп. Признаемся, насъ очень интересуетъ эта новая роль полицейскихъ чиновъ, до сихъ поръ свойственная лишь книгопродавцамъ. Живо представляется положеніе мирнаго обывателя, къ которому, противъ его желанія, комиссіонеръ-полицейскій явится съ предложеніемъ о подпискѣ. Подписаться — значитъ платить четыре рубля, которые желалъ бы не тратить; не подписаться— значитъ отнять у полицейскаго чина его четвертакъ, но мы не знаемъ, много ли среди обывателей найдется охотниковъ ссориться съ своимъ ближайшимъ начальствомъ изъ-за четвертака. Дума уже утвердила проектъ управы, а согласіемъ въ его пользу со стороны высшей полицейской власти управа заручилась еще раньше. Не понимаемъ только одной непослѣдовательности. Если комиссіоные четвертаки предназначаются на по-

ощреніе отдѣльныхъ полицейскихъ чиновъ по сбору подписки, то слѣдовало бы и отдавать ихъ этимъ чинамъ прямо на руки; между тѣмъ, комиссіонныя суммы должны, по проекту, поступать въ распоряженіе оберъ-полиціймейстера. Спрашивается, думаетъ ли управа ограничиться этимъ случаемъ возвращенія къ старому времени, когда каждая услуга со стороны полиціи оцѣнивалась и покупалась на деньги, или не предложитъ ли она полиціи особаго вознагражденія за исполненіе и другихъ, возложенныхъ на нее обязанностей? Во всякомъ случаѣ для города было бы полезно поощрить кого слѣдуетъ, ну, напр., хоть въ дѣлѣ очищенія тротуаровъ. Прошлою весною, во время большого таянія снѣга, тротуары зачастую не очищались отъ полуталой грязи даже на такихъ улицахъ, какъ Тверская, въ самомъ ея бойкомъ мѣстѣ; а теперь, съ наступленіемъ зимы, рѣдко гдѣ можно замѣтить, чтобы они посыпались пескомъ. Въ чемъ другомъ, а въ отношеніи внѣшняго благоустройства Москва въ послѣдніе годы испытала несомнѣнный регрессъ. Временно, въ эпоху коронаціи, полицейская дѣятельность оживилась въ этомъ направленіи, но, какъ оказалось, для того только, чтобы потомъ заглохнуть совершенно. Полная апатія царитъ въ этой сферѣ, хотя казалось бы, что въ наше время ближе всего было бы начать съ очищенія авгіевыхъ конюшенъ въ прямомъ ихъ смыслѣ, не увлекаясь другимъ, переноснымъ и весьма произвольнымъ значеніемъ того же термина. Но объ очищеніи города отъ навоза мало заботится и городская дума, такъ долго дремавшая въ послѣднее время надъ водопроводнымъ проектомъ. Лѣтъ черезъ пять Москва должна быть залита, по принятому проекту, водою; однако осталось безъ вниманія, какимъ путемъ море воды, притянутое изъ Мытищъ, будетъ стекать съ московской почвы и не превратитъ ли оно ее, за плохимъ состояніемъ водостоковъ, въ обширное болото? Общая сонливость не помѣшаетъ этому вопросу на долгое время оставаться открытымъ, а для возрастанія самой сонливости окажется не мало благопріятныхъ условій.

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, интересуется московское общество въ настоящее время? Лицамъ, которыя не отстали еще отъ „политики", нѣкоторую пищу далъ процессъ Рыкова и его сподвижниковъ; но каково бы ни было значеніе этого процесса, онъ, во всякомъ случаѣ, не составляетъ злобы дня. Городскіе выборы—но объ нихъ даже и не говорили въ обществѣ, кромѣ кружковъ, непосредственно связанныхъ съ городскимъ управленіемъ, да газеты, по обязанности, печатали объ этомъ предметѣ статьи, которыя почти не читались Кто будетъ городскимъ головою—вопросъ, столь жгучій два года тому назадъ, никого не интересуетъ Не лучше и съ другимъ вопросомъ: кто будетъ губернскимъ предводителемъ дворянства, взамѣнъ гр. Шереметьева, умершаго скоропостижно; только изрѣдка, въ какомъ-либо дворянскомъ салонѣ, вы услышите тѣ или другія тонкія соображенія на этотъ счетъ. Интересъ совершенно иного рода овладѣлъ нашей интеллигенціей всѣхъ ярусовъ и оттѣнковъ: съ пріѣздомъ Ирвинга Бишопа, „всемірно-извѣстнаго чтеца чужихъ мыслей", началось чуть не всеобщее столоверченіе и вожденіе другъ друга съ завязанными глазами. Повторяется то же, чему свидѣтелями мы были въ эпоху нравственнаго и умственнаго застоя предъ послѣднею турецкою войною, когда запасъ нервной дѣятельности. за отсутствіемъ другихъ путей, нашелъ себѣ широкій исходъ въ спиритизмѣ. Тогда спиритизмъ составилъ главную злобу дня, и ему отдавалась чуть не половина московской публики. Война, связанныя съ нею испытанія и волненія, заставили насъ сразу и надолго позабыть таинственныя области духовъ, къ которымъ мы опять возвращаемся въ настоящее время. Ирвингъ Бишопъ какъ бы открылъ москвичамъ новые, истинные пути, и немного помогли разоблаченію бишопизма опыты проф. Шереметьевскаго въ университетѣ. Профессорскіе опыты не были, да и не могли быть столь же искусны, какъ эксперименты самого Бишопа; они не удовлетворили любопытства большой публики, но раззадорили ее и вмѣстѣ съ тѣмъ по-

ощрили къ самостоятельному изслѣдованію бишопическихъ явленій. Прежде многіе воздерживались отъ спиритизма просто изъ стыдливости. стыдно было признаться въ своемъ увлеченіи областью духовъ; теперь тѣ же лица вертятъ другъ друга ради якобы „научной“ цѣли. Въ домахъ, гдѣ собирались не иначе какъ для „умныхъ“ разговоровъ или съ какими-либо художественными цѣлями,—въ домахъ, гдѣ карточныхъ столовъ и въ заводѣ не было,—теперь вы встрѣчаете „научные“ опыты бишопизма. Такъ или иначе они волнуютъ участвующихъ, отвлекаютъ ихъ вниманіе отъ нерадостныхъ впечатлѣній окружающаго міра и удовлетворяютъ извѣстнымъ образомъ естественную потребность въ нервномъ возбужденіи, въ нервной дѣятельности

О процессѣ Рыкова и его сподвижниковъ все же приходится сказать нѣсколько словъ. Злую шутку сыграли судьи съ уѣзднымъ городкомъ Скопинымъ. Отвѣчая на вопросы о лучшемъ устройствѣ городского самоуправленія, скопинцы въ 1862 году заявили, между прочимъ (по вопросу объ избирательномъ цензѣ), что „умъ лучше всякаго капитала“, и вслѣдъ затѣмъ „умъ“, подсказавшій имъ это рѣшеніе, показалъ во-очію, какъ изъ двѣнадцати тысячъ основного капитала можно сдѣлать двѣнадцать милліоновъ непогасимаго долга. Описывать ли всѣ перипетіи возникшаго отсюда процесса, только-что оконченнаго разбирательствомъ, воспроизводить ли всю картину раскрывшагося передъ нашими глазами нравственнаго растлѣнія? Ежедневные органы сдѣлали все это безъ насъ, а въ хроникѣ московской жизни достаточно отмѣтить, что, строго говоря, вовсе не знаменитымъ судебнымъ дѣломъ интересовалась публика, ходившая въ судъ и толковавшая о немъ на основаніи печатныхъ и устныхъ сообщеній. Дѣло Рыкова и К⁰ обсуждалось въ судѣ, но не оно составляло предметъ сужденія въ обществѣ. Репортеры удостовѣрили, что праздную, нестройную толпу, наполнявшую лавки для „публики“, прокуроръ принялъ какъ бы за представительницу всего общества, и ре-

портеры похвалили прокурора: такое его обращеніе произвело на нихъ „пріятное“ впечатлѣніе, хотя трудно понять, что же именно здѣсь было пріятнаго: то-ли, что представитель карающей власти обращался съ своею рѣчью къ массѣ общества, какъ разъ въ такомъ случаѣ, когда подобное обращеніе наименѣе умѣстно (хорошъ былъ бы судъ, еслибы судили не присяжные, а случайная публика!), то-ли, что подобнымъ обращеніемъ принижалось значеніе сидѣвшихъ тутъ же присяжныхъ, которые искусственно низводились на степень простыхъ слушателей, или еще что-либо третье? Прокуроръ возглашалъ: „гг судьи, гг. присяжные!“, но искалъ этихъ судей въ „народѣ“, а сидѣвшіе сзади прокурора репортеры радовались такому чрезвычайному обстоятельству! Сама публика не попалась, впрочемъ, въ ловушку и вмѣсто того, чтобы судить Рыкова, судила самого прокурора. Одни наслаждались его плавною, легкою, блестящею рѣчью, другіе искали, къ чему бы въ ней прицѣпиться. Одни даже не замѣтили, какъ искусно вышелъ ораторъ изъ неожиданнаго затрудненія, созданнаго ему главнымъ подсудимымъ, который предъ самымъ началомъ своей рѣчи былъ выведенъ, за неприличное поведеніе, изъ залы, такъ что оратору пришлось, можетъ быть, опустить многое — и жесты, и слова, — расчитанное на присутствіе подсудимаго предъ самымъ лицомъ обвинителя. Другіе, напротивъ, нашли въ рѣчи прокурора непримиримыя противорѣчія. Эти другіе еще раньше, съ самаго начала процесса, заинтересовались тою, наполовину замаскированною, борьбою, которая во все продолженіе его шла между предсѣдательствующимъ и прокуроромъ, съ одной стороны, защитниками подсудимыхъ, подсудимыми и допрашиваемыми лицами — съ другой. Допрашивался ли свидѣтель, читался ли какой-либо документъ, давалъ ли свое заключеніе экспертъ, все вниманіе предсѣдателя и прокурора устремлялось на то, чтобы не было сказано или прочитано нѣчто лишнее. Достаточно было просидѣть въ залѣ съ полчаса, чтобы два-три раза услышать, какъ то или другое показаніе

иногда на самомъ интересномъ мѣстѣ, прерывалось замѣчаніемъ предсѣдателя: „это къ дѣлу не относится!“ или восклицаніемъ прокурора: „я васъ объ этомъ не спрашиваю!“ Многое „не относящееся“ къ дѣлу можно было узнать изъ особыхъ напечатанныхъ книжекъ, имѣвшихся у судей, прокурора, подсудимыхъ и присяжныхъ, но содержаніе этихъ книжекъ осталось тайною для присяжныхъ и „народа“. Весь слѣдственный матеріалъ, вся фактическая сторона дѣла были заранѣе раздѣлены на двѣ части: на показную и на обреченную тайнѣ и трудная задача руководителей процесса состояла въ томъ, чтобы не перейти установленной границы. Она и не была перейдена, но за то все судебное разбирательство превратилось въ какую-то толкотню „вокругъ да около“, вопреки задуманнымъ результатамъ; публика ушла изъ судебной залы съ яснымъ сознаніемъ о существованіи сказанной границы и съ не очень-то темными представленіями о томъ, что скрывалось за нею Могла ли она при такихъ условіяхъ послѣдовать всецѣло за прокуроромъ въ его аргументаціи? Обвинитель увѣрялъ своихъ слушателей, что всѣ „негодующіе честные люди“ стоятъ за нимъ „въ эту торжественную минуту“, что онъ говоритъ „отъ ихъ имени“ и не замѣчалъ, что процессъ лишь раздразнилъ „негодующихъ честныхъ людей“, но мало чѣмъ удовлетворилъ ихъ. Обвинитель говорилъ также „отъ лица государства и справедливо карающей власти его“, онъ торжествовалъ, что лишь вмѣшательство судебной власти остановило Рыкова въ его безчинствахъ, но онъ и не намекнулъ на то, когда же „справедливо карающая власть“ коснется тѣхъ, которые стояли за Рыковымъ; напротивъ, изъ словъ обвиненія приходилось заключить, что въ подобной карѣ нѣтъ даже и надобности. „Банкъ жилъ цѣлою сложною системою подкупа и въ ней заключалась особенно тлетворная и отталкивающая его сторона“. Но, училъ обвинитель, не на подкупаемаго, а на подкупавшаго должна пасть вся отвѣтственность. „Рыковъ, пользуясь человѣческою слабостью, совращалъ и подкупалъ всѣхъ (?) кого могъ.. На душу Рыкова в с е ю

тяжестью падаетъ этотъ грѣхъ" Итакъ, невѣжественный, даже „не особенно умный" Рыковъ признавался всецѣло отвѣтственнымъ за испорченность и продажность тѣхъ, кому ввѣрено попеченіе объ общественномъ благѣ, можетъ быть даже объ интересахъ правосудія! Такова была мораль обвиненія... Защита не нашлась, что отвѣтить; она защищала вѣдь подсудимыхъ, а не общество; практически для подсудимыхъ было даже выгодно согласиться съ ученіемъ прокурора.

Такимъ образомъ и рыковскій процессъ далъ намъ новый, яркій примѣръ противорѣчій, которыя наполняютъ собою общественную жизнь нашего времени. О подобныхъ же противорѣчіяхъ, всплывшихъ наружу по поводу городскихъ выборовъ и о многомъ другомъ въ томъ же родѣ, мы поведемъ рѣчь въ слѣдующемъ письмѣ.

II.

«Вѣстникъ Европы», 1885 г., кн. 2

15 января 1885

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца, не взирая на праздничное время, въ нашемъ обществѣ преобладали дѣловые интересы. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимали извѣстія изъ фабрично-промышленной области. Они прибавляютъ еще черту къ характеристикѣ многихъ нашихъ фабрикантовъ и свидѣтельствуютъ о современномъ состояніи фабричнаго дѣла. Застой, который въ теченіе послѣднихъ лѣтъ почти хронически чувствуется въ сбытѣ хлопчато-бумажныхъ издѣлій, отразился наконецъ рѣзкими формами во взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ. Въ представленіи нѣкоторыхъ весьма солидныхъ фабрикантовъ, — трудно сказать, въ какой мѣрѣ основательно или нѣтъ, — признаки близящагося промышленнаго кризиса обрисовались съ такою осязательностью, что они рѣшились немедленно же, не

дожидаясь истеченія контрактныхъ сроковъ, сократить работу на своихъ фабрикахъ. „Святость договора“, которую въ другихъ случаяхъ они же были бы готовы защищать со всею энергіею, была отложена въ сторону. Представители двухъ наиболѣе извѣстныхъ и солидныхъ фирмъ выступили инициаторами этой операціи: Беръ, соучастникъ Кнопа,—того Кнопа, векселя котораго обращаются на биржѣ, какъ говорится, наравнѣ съ деньгами, и Морозовъ,—воплощенный, во всѣхъ отношеніяхъ, „хозяинъ“ стараго закала Оба преслѣдовали одну и ту же цѣль, но выбрали для того различныя средства. Какъ бы увѣренный въ своемъ правѣ, Беръ пошелъ прямымъ путемъ и принялся непосредственно за сокращеніе рабочаго времени. Двумъ тысячамъ его рабочихъ контракты обезпечивали шестидневную работу съ оплатою ея понедѣльно; онъ произвольно понизилъ норму сначала до пяти, потомъ до четырехъ дней, уменьшивъ такимъ образомъ возможный рабочій заработокъ на одну треть. Напротивъ Морозовъ предпочелъ окольный путь прямому. Неожиданно онъ отдалъ своимъ директорамъ приказаніе взимать съ рабочихъ штрафы вдвое противъ установленной имъ же таксы и когда встрѣтилъ со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ отпоръ, то предпочелъ измѣнить директорскій персоналъ, нежели отмѣнить свое приказаніе. Надо замѣтить мимоходомъ, что нѣтъ ничего произвольнѣе на здѣшнихъ фабрикахъ, какъ штрафы. Мы знаемъ фабрики, гдѣ этимъ обоюдоострымъ средствомъ пользуются, дѣйствительно, разумнѣйшимъ образомъ, не обращая его въ спеціальный источникъ дохода; но не такъ было, какъ говорятъ, на фабрикѣ „Саввы Морозова сынъ и К°“ при ея восьми тысячахъ рабочихъ. Хозяева издавна держались здѣсь того взгляда, что „благодѣянія“, доставляемыя рабочимъ, должны оплачиваться ими же самими, и потому покрывали штрафнымъ доходомъ расходы по содержанію фабричныхъ школъ и больницъ. Теперь же, удваивая штрафы, „сынъ Саввы Морозова“ имѣлъ въ виду свою особую цѣль: непомѣрными штрафами онъ расчитывалъ

вызвать многочисленные отказы отъ работы и сократить такимъ путемъ самое число рабочихъ При этомъ возвышеніе штрафовъ послѣдовало, если можно такъ выразиться, самымъ „политичнымъ“ манеромъ: исполнители записывали двойныя взысканія, но „такса“ взысканій оставалась для видимости неизмѣняемою, такъ что вся процедура происходила до поры до времени втихомолку и, въ случаѣ чего, возможно было сложить отвѣтственность съ хозяина на директоровъ или на контору. Въ обоихъ мѣстахъ,—и на Вознесенской мануфактурѣ у Бера, и въ Орѣховѣ-Зуевѣ у Морозова,—принятыя мѣры привели въ концѣ-концовъ къ безпорядкамъ съ ихъ обычными послѣдствіями. Не мало поучительнаго почерпается изъ сообщеній въ печати объ этихъ чрезвычайныхъ происшествіяхъ. Сообщенія о происходившемъ на Вознесенской мануфактурѣ одинаково настаиваютъ на особой „достовѣрности“ передаваемыхъ ими извѣстій и столь же одинаково подчеркиваютъ полную правоту рабочихъ, характеризуя дѣйствія Бера, какъ „нарушеніе самаго основного пункта условія“, какъ „неосновательныя“, „несправедливыя“, а требованія рабочихъ, какъ „скромныя“ и „законныя“. Для того, чтобы власть могла вмѣшаться въ дѣло, потребовалось, чтобы предварительно произошло столкновеніе между рабочими и завѣдывавшимъ техническою частью англичаниномъ, и чтобы часть фабричнаго имущества была „попорчена“. Только уже послѣ такихъ фактовъ и ихъ неизбѣжныхъ послѣдствій, могла явиться на сцену статья 1359 уложенія о наказаніяхъ, преслѣдующая самовольное, со стороны содержателей фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ, пониженіе рабочей платы; помимо иныхъ соображеній она указала надлежащій путь и дирекція фабрики въ концѣ концовъ была вынуждена отнестись съ уваженіемъ къ „святости“ заключенныхъ ею контрактовъ. Рабочіе получили „полный“ расчетъ съ 1 декабря по 1 января, не смотря на прогулъ при забастовкѣ, причемъ размѣръ декабрьскаго заработка былъ опредѣленъ по аналогіи ноябрьскаго, а со 2 января работы

возобновились подъ условіемъ соблюденія шестидневнаго рабочаго, т.-е. первоначально договореннаго, рабочаго времени. Въ принципѣ результатъ достигался справедливый, хотя, конечно, было бы лучше для обѣихъ сторонъ, еслибы дѣло началось прямо съ примѣненія статьи 1359. „Полученныя изъ достовѣрнаго источника свѣденія должны прекратить преувеличенные разсказы о случившемся на „Вознесенской мануфактурѣ"—такъ оканчивается одно напечатанное сообщеніе и почти тѣми же словами начинается другое. Изъ этихъ же сообщеній мы узнаемъ еще одинъ важный фактъ: со второго января на фабрикѣ возобновились работы только при 1,400 рабочихъ, а слѣдовательно фабрика будетъ производить столько же, сколько она производила прежде двумя тысячами, работая по четыре дня въ недѣлю.

Прокурору судебной палаты обязано своею правильною постановкой событіе на Вознесенской мануфактурѣ; какіе именно результаты достигнуты въ Орѣховѣ-Зуевѣ, на фабрикѣ Морозова, пока еще не выяснилось. Повидимому, вторая исторія отличается отъ первой своими бо́льшими размѣрами, но не характеромъ. И здѣсь недовольство развилось и приняло печальный характеръ и обширные размѣры прежде, нежели явилась на сцену 1359 статья.

Подъ впечатлѣніемъ происшедшаго состоялось объявленіе новаго обязательнаго постановленія московскаго генералъ-губернатора касательно взаимныхъ отношеній хозяевъ и рабочихъ на фабрикахъ столицы и ея уѣзда. Это постановленіе составляетъ довольно обдуманный опытъ регламентированія сказанныхъ отношеній и появилось бы давно, если бы не глухая и настойчивая оппозиція, съ которою проектъ встрѣчался постоянно фабрикантами. Интересно, что, сообщая новыя правила, указываютъ теперь на тотъ фактъ, что въ свое время они находились на разсмотрѣніи московской городской думы; а между тѣмъ стоитъ припомнить, какую именно роль сыграла въ настоящемъ случаѣ эта дума. Проектъ фабричныхъ

правилъ вырабатывался въ особой комиссіи, учрежденной генералъ-губернаторомъ и составленной какъ изъ фабрикантовъ, такъ и изъ представителей науки, по большей части изучавшихъ фабричные порядки на Западѣ путемъ личнаго ознакомленія съ ними. Проектъ былъ близокъ къ окончанію уже въ 1881 году, а потомъ былъ переданъ на обсужденіе думы. Продержавъ его довольно долго въ своей комиссіи, дума покончила тѣмъ, что вовсе устранила себя отъ этого дѣла. „Хозяева" фабрикъ и иныхъ промышленныхъ заведеній, составляющіе добрую часть думскихъ гласныхъ по всѣмъ тремъ разрядамъ, не могли примириться съ самою мыслью о какой-либо регламентаціи ихъ отношеній къ рабочимъ. Одинъ изъ ихъ интеллигентныхъ представителей, онъ же бывшій руководитель въ мѣстномъ уѣздномъ земствѣ партіи „кирпичниковъ", о которой я писалъ въ прошломъ письмѣ, не стѣсняясь, высказался противъ обсужденія правилъ. „Если они основаны на дѣйствующемъ законѣ,—говорилъ онъ,—то пусть спросятъ лучше сенатъ или какое-либо юридическое учрежденіе о томъ, соотвѣтствуютъ ли предполагаемыя правила закону; если же желаютъ ввести что-либо новое, то дума не призвана обсуждать законопроекты!" Итакъ, когда нужно, тогда могутъ пригодиться всякіе аргументы; дума вняла въ данномъ случаѣ приведеннымъ соображеніямъ и, придравшись въ чемъ-то къ формальной сторонѣ дѣла, оставила проектъ генералъ-губернатора безъ разсмотрѣнія. Только съ наступленіемъ 1885 года онъ получилъ, уже безъ новаго обсужденія въ думѣ, силу обязательнаго постановленія.

Между тѣмъ московская дума обновилась. Послѣ выборовъ, бывшихъ въ концѣ прошлаго года, мы получили новую думу, но врядъ ли она отличается чѣмъ существенно отъ старой. Въ личномъ составѣ ея, сравнительно съ прежнимъ, конечно, есть перемѣны. Въ спискѣ выбывшихъ гласныхъ встрѣчаются имена, почтенныя и извѣстныя. Между прочимъ выбылъ Д. Ѳ. Самаринъ, представлявшій въ послѣднее время главную интеллигентную силу купеческой партіи, его выходъ состоитъ въ

связи съ оборотомъ, который приняло дѣло о городскомъ водоснабженіи, когда думою были частью отвергнуты, частью существенно измѣнены основныя заключенія, выработанныя комиссіей подъ его предсѣдательствомъ. Властный, почти не терпѣвшій возраженій голосъ Д. Ѳ. Самарина не разъ доводилъ его до непріятныхъ личныхъ столкновеній съ ораторами противоположнаго лагеря, но, дѣйствуя внушительно на союзниковъ, не разъ также онъ выручалъ ихъ въ моменты наиболѣе затруднительныхъ положеній, въ которыя они попадали благодаря собственной неумѣлости или безтактности. Д. Ѳ. Самаринъ былъ въ думѣ послѣднимъ представителемъ кружка, во главѣ котораго стояли когда-то его братъ, Юрій Самаринъ, кн. А. А. Щербатовъ и кн. В А. Черкасскій Было время, что эти люди вершили всѣ думскія дѣла, вкладывая духовный элементъ въ стремленія московскаго большого купечества Въ спискѣ новыхъ городскихъ гласныхъ не находимъ также В. Ю. Скалона. Въ прошломъ году это имя исчезло со страницъ земской хроники, а нынѣ оно отстраняется уже отъ городского самоуправленія. Такъ измѣняются отношенія и группировка личностей! А между тѣмъ въ исторіи московскаго земства В. Ю. Скалону принадлежитъ, можетъ быть, наипочетнѣйшее мѣсто. Обладая цѣльнымъ и широкимъ взглядомъ на задачи русскаго самоуправленія, владѣя большою иниціативою, настойчивостью и послѣдовательностью характера, В. Ю. Скалонъ былъ долгое время душою московскаго уѣзднаго земства, которое во многомъ могло служить образцомъ прочимъ русскимъ земствамъ. Въ городское хозяйство онъ былъ бы способенъ внести ту же широту и ясность воззрѣній, ту же энергію, которыя отличали его въ земскомъ дѣлѣ, если бы безпредѣльная косность нашей городской управы и вообще всего хозяйственнаго механизма города Москвы не составила къ тому препятствія, непреоборимаго для усилій единичнаго человѣка. Вмѣсто выбывшихъ гласныхъ въ спискѣ встрѣчаются, хотя и рѣдко, новыя имена, не менѣе почтенныя, но было бы пріятнѣе, если-бы имена новыхъ дѣятелей

присоединялись къ именамъ старыхъ, а не пополняли бы собою промежутки, образовавшіеся вслѣдствіе ихъ удаленія. Всѣхъ новыхъ имень въ спискѣ городскихъ гласныхъ можно насчитать болѣе семидесяти, но, по существу дѣла, никакого обновленія думы не произошло. Характеристическая черта новыхъ думскихъ выборовъ состоитъ въ томъ, что въ результатѣ рѣзче, чѣмъ когда-либо, обнаружилось старое больное мѣсто нашей думы —непримиримый и рѣзкій разладъ между партіею большого купечества, съ одной стороны, и мѣщанствомъ съ другой Психологія обѣихъ партій, можетъ быть, выяснится изъ слѣдующихъ замѣчаній. Благодаря дѣйствующему порядку городскихъ выборовъ, „большіе“ купцы сразу завладѣли большинствомъ въ думѣ. Они не имѣли никакого искренняго расположенія къ занятію городскими дѣлами, не преслѣдовали какихъ-либо высшихъ цѣлей, но, съ другой стороны, для нихъ было несравненно выгоднѣе стоять у дѣла, нежели вовсе отойти отъ него. Интеллигенціи, желавшей руководить городскою жизнью и вносившей въ городское хозяйство тѣ или другіе идеалы, приходилось ютиться около купеческой партіи, и эта послѣдняя встрѣчала интеллигенцію охотно, ибо нуждалась въ дѣятеляхъ для черной и постоянной работы. Такимъ-то образомъ состоялся первоначальный союзъ купеческой партіи съ блестящими представителями славянофильской тенденціи: И. С. Аксаковымъ, Самаринымъ и друг. Интеллигенція работала, а купечество попускало ее въ этомъ настолько, насколько это дозволяли его собственные интересы. Руководящіе мотивы въ этомъ случаѣ были довольно разнообразны. Уже одно приличіе, одно положеніе, какъ господствующей партіи, обязывало до извѣстной степени пещись о благоустроеніи города, съ другой же стороны, это благоустроеніе служило источникомъ для обогащенія многочисленной арміи подрядчиковъ, такъ или иначе примыкавшей къ купечеству. Однако заботы о „благоустроеніи“ не должны были бить купечество по карману. Думское большинство не поддавалось ни на какія ловушки, разставляемыя

интеллигенціею, какъ скоро рѣчь заходила о подоходномъ налогѣ, объ измѣненіи системы выборовъ и т. п. Вопросы о водоснабженіи, о канализаціи и т. п затягивались и затягиваются на многіе годы изъ опасенія, чтобы то или другое предпріятіе не хватило бы слишкомъ по карману. Подчиняясь давленію высшаго правительства, городъ тратилъ милліоны на возведеніе казармъ, а полугнилое, полуразрушенное, служащее источникомъ всякихъ заболѣваній, зданіе гостиннаго двора продолжаетъ стоять нетронутымъ и доднесь. Могло казаться, что при подобныхъ условіяхъ рано или поздно купечество и интеллигенція разойдутся серьезно, но судьба подготовила нѣсколько иную комбинацію. Незамѣтно выросла въ думѣ мѣщанская партія или „черная сотня". У насъ подъ этимъ именемъ разумѣютъ весьма сплоченную группу мѣщанъ и ремесленниковъ, выходящую изъ третьяго разряда избирателей. Незамѣтные въ началѣ, они научились мало-по-малу управлять выборами по третьему разряду по-своему и уже въ 1880 году доставили въ думу контингентъ гласныхъ болѣе чѣмъ въ сорокъ человѣкъ. Постоянныя собранія въ мѣщанской и ремесленной управѣ, извѣстная административная и экономическая связь выработали въ нихъ достаточную дисциплину, несвойственную вообще русскимъ людямъ. Сорокъ человѣкъ „черной сотни" являлись аккуратно въ думу, на каждое ея засѣданіе, и, какъ одинъ человѣкъ, подавали свой голосъ. На обыкновенныхъ засѣданіяхъ рѣдко бывало болѣе 60—70 гласныхъ, и „черная сотня" сдѣлалась вершительницею многихъ вопросовъ. Для городской управы создалось положеніе, почти невозможное. Избранные въ многолюдныхъ собраніяхъ думы большинствомъ, составленнымъ изъ большого купечества, члены городской администраціи были отдаваемы на истязаніе „черной сотни" въ обыкновенныхъ думскихъ засѣданіяхъ. Выходъ изъ головъ С. М. Третьякова находился въ прямой связи съ однимъ изъ возникшихъ такимъ путемъ скандаловъ. Ораторы „черной сотни", при необыкновенной словоохотливости, выражались неуклюже,

часто вовсе непонятно, но за ораторами, плохо выслушиваемыми, стояла сплоченная толпа, въ родѣ театральнаго хора, и съ нею приходилось считаться. А считаться приходилось во многомъ. Старые, дореформенные порядки, не отжившіе отчасти и теперь, выработали сильный, почти инстинктивный антагонизмъ ремесленнаго сословія къ купечеству; ненависть къ „большому“ купечеству проникала, если позволительно такъ выразиться, въ плоть и кровь членовъ „черной сотни“. „Черную сотню“ прежде всего просто возмущаетъ фактъ господства купечества въ думѣ безъ отношенія къ самому направленію этого господства; но потомъ у обѣихъ партій обнаружилась и дѣйствительная разница въ интересахъ. Не надо заблуждаться, предполагая въ настоящемъ случаѣ увидѣть въ гласныхъ третьяго разряда представителей низшаго слоя городского населенія, его рабочаго класса. Совершенно напротивъ. „Черная сотня“, какъ и купечество, состоитъ изъ тѣхъ же хозяевъ только — разрядомъ ниже, побѣднѣе. Это—хозяева разныхъ промышленныхъ заведеній малаго калибра, которые очень хорошо понимаютъ свои хозяйскіе интересы и, можетъ быть еще энергичнѣе богатыхъ фабрикантовъ готовы постоять за свои прерогативы. Изъ цивилизующихъ отраслей городской дѣятельности лишь одна, къ счастью, пользуется ихъ особымъ сочувствіемъ; это—городскія школы. Городскія школы нужны именно нашей ремесленной буржуазіи, тогда какъ для купечества ихъ существованіе есть просто вопросъ приличія въ ряду прочихъ вопросовъ городского благолѣпія. Купеческія дѣти или ограничиваются домашнимъ воспитаніемъ, или же образуются въ коммерческомъ училищѣ, а также въ гимназіяхъ и университетахъ; для ремесленной же буржуазіи городскія школы составляютъ предметъ насущной необходимости. Вотъ почему при обсужденіи городскихъ смѣтъ мы ежегодно слышимъ рѣзкія пререканія по вопросу объ увеличеніи числа школъ. гласные третьяго разряда, весьма скупые во всемъ другомъ, здѣсь всегда бываютъ недовольны ограниченными

предположеніями управы. Но, напримѣръ, въ вопросѣ о городскихъ больницахъ тѣ же гласные долго держались другого образа дѣйствій. Городскія больницы существуютъ прежде всего для чернорабочаго класса и прислуги; хозяинъ-ремесленникъ предпочитаетъ во время болѣзни оставаться у себя на дому и больница для него—учрежденіе чуждое. На эту статью городского расхода онъ смотритъ подозрительно, какъ вообще подозрительно онъ относится къ хозяйничанью администраторовъ, поставленныхъ волею купеческой партіи Лишь въ самое послѣднее время, изъ страха холеры, гласные третьяго разряда прониклись вдругъ мыслью о спасительности санитарной дѣятельности настолько, что даже рекомендовали ее въ качествѣ главнаго пункта той программы, которой, по ихъ мнѣнію, долженъ держаться будущій голова.

Года три тому назадъ вся комиссія „о пользахъ и нуждахъ общественныхъ“,—комиссія, въ которой работали когда-то лица въ родѣ Юрія Самарина, оказалась составленною изъ гласныхъ „черной сотни“, подъ предсѣдательствомъ г. Пузанова, костюмера по профессіи и предсѣдателя портняжнаго цеха. Доклады комиссіи стали поражать трудностью понять ихъ смыслъ, такъ что однажды дума оффиціально возвратила комиссіи ея докладъ въ виду полной его недоступности для пониманія. Этотъ случай, въ ряду многихъ другихъ подобныхъ, научилъ „черную сотню“ искать сближенія съ интеллигенціею Думы. Недовольная общимъ ходомъ городского хозяйства, интеллигенція, въ свою очередь, признала въ „черной сотнѣ“ естественную оппозицію правящему большинству и пыталась вступить съ нею въ союзъ Одно время руководительство „сотнею“ пріобрѣлъ покойный редакторъ „Русскихъ Вѣдомостей“ Н. С. Скворцовъ и умѣлъ справляться съ трудною задачею съ большимъ тактомъ. Главная трудность этого дѣла состояла въ томъ, чтобы внушить представителямъ третьяго разряда воззрѣнія, сколько-нибудь выходящія изъ круга партійныхъ интересовъ, и склонять ихъ къ рѣшеніямъ, имѣющимъ въ виду не столько пользы

ремесленнаго сословія, сколько дѣйствительныя пользы всего города, взятаго въ его цѣломъ. Смерть Н. С. Скворцова положила конецъ попыткамъ этого рода. Послѣ него отношеніе интеллигенціи къ „черной сотнѣ“ стало двоякое. Одни отказались отъ мысли найти какую-либо общую почву для компромисса съ третьимъ разрядомъ; безтактныя выходки выбросковъ этого послѣдняго по вопросамъ, которыми затрогивалось достоинство всей думы, особенно содѣйствовали тому, чтобы оттолкнуть симпатіи отъ ремесленной оппозиціи. Другіе же поступили иначе. Не расчитывая на то, чтобы стать руководителями оппозиціи, они начали заигрывать съ нею, подлѣзываться къ ней, усматривая въ ней будущую силу и въ надеждѣ самимъ подняться при помощи этой силы.

Выборы, бывшіе въ концѣ прошлаго года, были блестящимъ успѣхомъ для „черной сотни“. Теперь она считаетъ въ своихъ рядахъ почти шестьдесятъ человѣкъ, кромѣ лицъ изъ другихъ разрядовъ, которыя по тѣмъ или другимъ соображеніямъ рѣшаются протянуть ей руку. Вся партія чувствуетъ себя настолько сильною, что рѣшается уже думать о собственномъ кандидатѣ на должность городского головы, и съ другой стороны кандидаты, наиболѣе ретивые, сами ищутъ ея содѣйствія. Купеческая партія плохо подготовилась къ обороту, который слѣдовало бы считать не совсѣмъ неожиданнымъ. На баллотированіи записками купцы выставили отъ себя кандидата, о которомъ и заранѣе можно было бы знать навѣрно, что онъ откажется отъ кандидатуры, а затѣмъ большинство записокъ оказалось за двумя кандидатами оппозиціи. Одинъ изъ нихъ—извѣстный строитель, прожектеръ и „патріотъ“, А. А. Пороховщиковъ, издавна добивающійся мѣста городского головы и въ этихъ видахъ заполонившій печатную литературу многочисленными „письмами“ къ гласнымъ и къ избирателямъ. Въ этихъ письмахъ онъ, не стѣсняясь никакими преувеличеніями, изобличалъ разнообразнѣйшія язвы городского хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ почти каждое письмо оканчивалъ

столь же разнообразнѣйшими „патріотическими“ зазываніями. Его изобличенія привлекли къ нему наивныя сердца „черной сотни“, а патріотизмъ пріобрѣлъ расположеніе публицистовъ Страстного бульвара. А. А Пороховщиковъ баллотировался въ головы на всѣхъ выборахъ, чуть ли не съ самаго введенія въ дѣйствіе новаго городового положенія. На первой баллотировкѣ онъ получилъ только пять избирательныхъ шаровъ, на послѣдней онъ имѣлъ ихъ уже болѣе сорока, и, чего добраго, въ нынѣшнемъ году будетъ весьма близокъ къ избранію. gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo... Въ одномъ отношеніи было бы, можно думать, полезно избраніе А. А. Пороховщикова: со смѣлостью отчаяннаго прожектера онъ сразу встряхнулъ бы спящее городское хозяйство, затѣялъ бы, не стѣсняясь никакими затратами, массу капитальнѣйшихъ работъ на благоустроеніе города, поднялъ бы, что называется, дымъ коромысломъ, а въ концѣ концовъ, безъ сомнѣнія, привелъ бы городъ къ неоплатнымъ долгамъ и банкротству, какъ это случилось съ нимъ самимъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Другимъ кандидатомъ оппозиціи выступаетъ И. Н. Мамонтовъ. Это—человѣкъ университетскаго образованія и дѣловой, но съ довольно узкими, по мнѣнію многихъ, воззрѣніями на предстоящія задачи, не лишенный также доли узкаго доктринерства. Указываютъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ все разсуждаетъ о необходимости выработать планъ городского хозяйства, а на самомъ дѣлѣ самъ никакого плана не представляетъ. Онъ пріобрѣлъ симпатіи третьяго разряда въ бытность свою предсѣдателемъ финансовой комиссіи, когда систематично придирался къ управѣ по поводу чуть не каждой статьи городской смѣты и старался уменьшить расходы чуть не по каждому параграфу. Обозначились также и другіе кандидаты. Изъ сферъ, постороннихъ по отношенію къ думѣ, ей рекомендуютъ въ головы предсѣдателя нижегородскаго ярмарочнаго комитета П. В. Осипова, извѣстнаго въ думѣ какъ предсѣдателя комиссіи по наблюденію за мощеніемъ улицъ. Его счи-

таютъ болѣе талантливымъ изъ названныхъ кандидатовъ, но весьма вѣроятно, что менѣе, чѣмъ кто другой, онъ пожелаетъ стать выше узкихъ стремленій того коммерческаго кружка, къ которому принадлежитъ самъ, хотя въ рѣчахъ своихъ и старается блеснуть образованіемъ, употребляя выраженія въ родѣ: „инициатива этого инициатора“, и произнося „претендентъ“, вмѣсто „прецедентъ“. Наконецъ есть еще кандидатъ, который самъ предлагаетъ себя въ головы. Это — владѣлецъ одной изъ богатыхъ подмосковныхъ, подобно другимъ старымъ барамъ пустившій свое владѣніе подъ дачи. О томъ, какіе порядки онъ завелъ бы въ думѣ и городской управѣ, можно судить по тому, что̀ учреждено имъ на его дачахъ. Кто желаетъ нанять дачу, тотъ приглашается подать въ контору особое письменное о томъ заявленіе; письменный контрактъ предусматриваетъ всѣ мелочи, а непредусмотрѣнное контрактомъ считается необязательнымъ (напр., проѣздъ къ дачѣ въ экипажѣ по существующей дорогѣ не допускается, если о томъ не сказано въ контрактѣ); дачникъ получаетъ билеты разныхъ цвѣтовъ для хожденія по дорожкамъ парка: по однѣмъ дорожкамъ надо гулять съ краснымъ билетомъ, по другимъ — съ зеленымъ и т. п.; кто, отправляясь на прогулку, позабудетъ билеты или перемѣшаетъ цвѣта, тотъ рискуетъ быть вовсе недопущеннымъ въ паркъ особою стражею, нарочно для того оставленною. Сдѣлайся такое лицо городскимъ головою и, можетъ быть, вся Москва зашагаетъ по тротуарамъ съ билетами, а городская управа, и безъ того проникнутая канцеляризмомъ и формализмомъ, превратится и вовсе въ бюрократическое учрежденіе.

Во всякомъ случаѣ этотъ послѣдній кандидатъ въ головы отличается смѣлостью и рѣшительностью своихъ сужденій. На происходящемъ теперь губернскомъ земскомъ собраніи говорилось, между прочимъ, о томъ, слѣдуетъ ли допускать недоимщиковъ къ участію въ земскихъ выборахъ, и почтенный кандидатъ высказался, не колеблясь, за ихъ допущеніе, ссылаясь

на свою собственную административную практику. „Полагаютъ, — говорилъ онъ, — что устраненіе недоимщиковъ отъ участія въ выборахъ побудитъ ихъ къ исправной уплатѣ земскихъ податей; я, на основаніи своей административной опытности, думаю, что это не случится". Такое сужденіе заставило слушавшихъ спросить у оратора: развѣ когда-либо ему приходилось уже испробовать обсуждаемую мѣру?—на что отвѣтъ, конечно, получился отрицательный. Впрочемъ по данному вопросу интереснѣе другое обстоятельство. Вопросъ о недоимщикахъ, возбужденный высшею властью, обсуждался предварительно въ тринадцати уѣздныхъ собраніяхъ, и изъ нихъ десять, по весьма понятнымъ основаніямъ, высказались въ томъ смыслѣ, что право избранія должно парализоваться неисправностью въ уплатѣ земскихъ сборовъ. Иной оборотъ получило дѣло въ губернскомъ собраніи. Сюда явились, въ качествѣ губернскихъ гласныхъ, по большей части представители помѣщичьяго класса, а помѣщики-то, какъ давно извѣстно, и суть первые земскіе недоимщики. Рѣшеніе губернскаго земства склонилось въ пользу этихъ послѣднихъ и на запросъ правительства послѣдовалъ отвѣтъ въ смыслѣ сохраненія дѣйствующаго порядка. По другому однородному вопросу губернское собраніе оказалось болѣе строгимъ. Спрашивалось, не слѣдуетъ ли устранить изъ земскаго самоуправленія духовенство, какъ классъ, не несущій земскихъ тягостей? Отвѣтъ послѣдовалъ въ утвердительномъ смыслѣ. Одобряя такое рѣшеніе, Б. Н. Чичеринъ и другіе находили однако, что несправедливо лишать цѣлый классъ общества избирательныхъ правъ, а потому полагали ходатайствовать о распространеніи земскаго обложенія и на духовенство и eo ipso на включеніе его въ земское представительство. Это предложеніе было отвергнуто собраніемъ, правда, очень незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Любопытно, что въ этомъ случаѣ противниками земскихъ правъ духовенства выступили нѣкоторые изъ представителей стараго барства, горячіе защитники розги (о чемъ вопросъ обсуждался три года тому на-

задъ) и строгіе блюстители всякой „благонамѣренности“ въ дѣйствіяхъ земскаго собранія. Въ ихъ рѣчахъ живо чувствовался презрительный взглядъ на „попа“, брошенный свысока старымъ „бариномъ“.....

III.

«Вѣстникъ Европы», 1885, кн. 4.

1-го марта 1885.

За отсутствіемъ болѣе крупныхъ интересовъ приходится возводить на степень „интереса дня“ хотя бы судебные процессы, которые даютъ, впрочемъ, не мало матеріала для ретроспективныхъ взглядовъ и оцѣнокъ.

„Дѣйствія прокурорскаго надзора всегда будутъ законны!“ — сказалъ недавно въ здѣшнемъ окружномъ судѣ одинъ изъ товарищей прокурора въ отвѣтъ на какое-то заявленіе, сдѣланное защитникомъ. Но неужели и товарищъ прокурора тверского окружного суда, избравшій свою служебную дѣятельность для сведенія личныхъ счетовъ съ мѣстнымъ мировымъ судьею, почиталъ себя тоже дѣйствующимъ на законномъ основаніи? Дѣло этого послѣдняго, разбиравшееся недавно въ судебной палатѣ съ участіемъ присяжныхъ, надѣлало въ Москвѣ не мало шума и, дѣйствительно, заслуживаетъ особаго вниманія. Въ уѣздномъ городкѣ товарищъ прокурора принялъ дѣятельное участіе въ мѣстной избирательной борьбѣ, сталъ чуть не главнымъ двигателемъ избирательной агитаціи и, замѣтивъ въ рядахъ своихъ противниковъ одного изъ мировыхъ судей, преслѣдовалъ его и оскорбленіями, и застращиваніями, не стѣсняясь пользоваться для такой цѣли своими къ нему служебными отношеніями. Съ особою настойчивостью, не соотвѣтствующею существу дѣла, онъ домогался возбужденія дисциплинарнаго судопроизводства надъ мировымъ судьей; когда

же мировой съѣздъ приступилъ къ сужденію объ этомъ предметѣ, то, предвосхищая распоряженіе предсѣдателя, товарищъ прокурора оскорбительнымъ для противника тономъ предложилъ ему удалиться изъ залы засѣданія и наконецъ все свое заключеніе обратилъ лишь въ новый способъ оскорбленія противника. Въ результатѣ—нанесеніе оскорбленнымъ оскорбителю обиды дѣйствіемъ и разоблаченіе всего бывшаго путемъ судебнаго разсмотрѣнія Обвинитель не скрывалъ неприглядности поступковъ пострадавшаго товарища прокурора; присяжные признали наличность столкновенія, но только — частнаго характера и судъ приговорилъ подсудимаго къ аресту на гауптвахтѣ на двѣ недѣли.—Иное преступленіе составляло предметъ другого выдающагося процесса послѣднихъ дней. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣла молодая, красивая женщина изъ разряда тѣхъ полупогибшихъ и несчастныхъ существъ, которыхъ такъ щедро плодитъ полуневѣжественная среда городскихъ мастерскихъ, надѣляя ихъ на всю жизнь изломанною, нелѣпо направленною натурою. Отдавшись вполнѣ своему обольстителю, по профессіи наборщику, будущая подсудимая думаетъ лишь о томъ, чтобы достать денегъ для своего возлюбленнаго, отъ котораго слышитъ постоянные попреки въ ничегонедѣланьи. Не находя работы, она скитается сначала по городу въ роли побирушки, а дома выдаетъ полученныя пособія за деньги, добытыя работой. Не довольствуясь такимъ заработкомъ, который все же оказался черезъ-чуръ скуднымъ, и понуждаемая тѣми же попреками, она рѣшается на проституцію и съ перваго же раза попадаетъ въ руки стараго развратника, который, въ видахъ окончательнаго закрѣпленія добычи за собою, кормитъ ее нѣкоторое время одними обѣщаніями и наконецъ рѣшается выдать ей пять рублей, отобравъ у нея въ свое обезпеченіе ея паспортъ. Обида, горе, отчаяніе въ возможности заработать что-либо путнымъ образомъ разрѣшаются убійствомъ сластолюбиваго старика,—убійствомъ, въ которомъ присяжные констатируютъ заранѣе обдуманное намѣреніе и корыстную цѣль и за

которое судъ приговариваетъ виновницу къ двѣнадцатилѣтней каторгѣ. Это дѣло разбиралось здѣсь уже вторично, вслѣдствіе того, что первое производство было кассировано сенатомъ; въ первый же разъ присяжные признали подсудимую виновною лишь въ нанесеніи ударовъ, причинившихъ смерть, но безъ намѣренія лишить жертву жизни и не съ цѣлью ограбленія, а потому и приговоръ суда ограничился тогда полуторагодовымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Въ ближайшемъ будущемъ предстоятъ еще нѣкоторые уголовные процессы, достойные вниманія, и если они состоятся, то мы узнаемъ не мало интереснаго изъ жизни разнообразнѣйшихъ слоевъ нашего общества Между прочимъ въ судъ поступитъ законченное слѣдствіе о нѣкоемъ аферистѣ, который началъ свою дѣятельность съ путешествій по Волгѣ во главѣ хора пѣвицъ, а окончилъ ее тѣмъ, что сдѣлался полезнымъ, если не нужнымъ, человѣкомъ въ дѣлѣ проведенія уставовъ разныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Афера, приведшая его на скамью подсудимыхъ, велась ловко и тонко, возымѣла сначала громадный успѣхъ, хотя въ сущности опиралась на почву еще болѣе эфемерную, чѣмъ аферы Рыкова и другихъ ему подобныхъ. Явившись въ Москву съ подложнымъ уставомъ одесской биржевой артели, нашъ герой напечаталъ въ газетахъ смѣлый вызовъ желающихъ взять паи въ новомъ предпріятіи и обѣщалъ будущимъ пайщикамъ, на точномъ основаніи „устава“, самыя привлекательныя выгоды, принималъ отъ нихъ взносы не иначе какъ чрезъ посредство государственнаго банка, набралъ кучу такихъ взносовъ, высылалъ исправно ежемѣсячный дивидендъ по всѣмъ паямъ и былъ изобличенъ лишь тогда, когда внезапно оповѣстилъ пайщиковъ о состоявшейся, будто бы, на основаніи того же „устава“, ликвидаціи дѣлъ затѣяннаго предпріятія.

Въ городской думѣ тоже запахло судомъ. Думское меньшинство подало свою довольно несообразную программу, а одинъ изъ разумнѣйшихъ представителей большинства не на-

шелъ предложить ничего лучшаго, какъ разослать эту программу по ея напечатании гласнымъ, чтобы „каждый дома въ покоѣ прочелъ, обсудилъ ее и затѣмъ далъ ей употребленіе, какое слѣдуетъ". Тогда членъ меньшинства, обиженнаго подобной выходкой, сочинилъ еще болѣе неприличный пасквиль на думское большинство, и извѣстная большая газета воспроизвела его на своихъ столбцахъ; большинство отъ лица всей думы порѣшило возбудить судебное преслѣдованіе противъ газеты, въ свою очередь напечатавъ „возраженіе" въ собственномъ органѣ, т.-е. въ „Вѣдомостяхъ московской городской полиціи", а оберъ-полиціймейстеръ, узнавъ о такомъ употребленіи „Вѣдомостей", посадилъ подъ арестъ ихъ редактора. Трудно разобраться во всей этой путаницѣ отношеній, да, по-правдѣ сказать, и не стоитъ.—Въ сферахъ городского самоуправленія теперь празднество по случаю избранія городскимъ головою С. А. Тарасова, бывшаго въ сороковыхъ годахъ правителемъ канцеляріи московскаго оберъ-полиціймейстера, а во время севастопольской кампаніи завѣдывавшаго снабженіемъ войскъ сукнами, въ послѣднее же время состоявшаго почетнымъ мировымъ судьею.

Не праздничное настроеніе подмѣчается и въ темной массѣ. Досужій фельетонистъ оповѣстилъ о видѣніи нѣкоего монаха, которому было сказано, что въ наступившемъ году хлѣба родится много, а ѣсть его будетъ некому; вслѣдъ затѣмъ пропечатали въ газетахъ о грозномъ гласѣ, слышанномъ будто бы въ Іерусалимѣ, и о молитвѣ, найденной якобы во гробѣ Господнемъ; далѣе сообщили извѣстіе о трехъ ожидаемыхъ кометахъ и вотъ темный людъ толкуетъ о предстоящихъ бѣдахъ, облекая ихъ то въ форму кровопролитной войны, то въ форму мора или голода. А тутъ еще, подобно тому какъ это было въ Римѣ предъ нашествіемъ Ганнибала, послѣдовали другія чудесныя знаменія: въ смоленской губерніи открылся вулканъ, у одного изъ помѣщиковъ оказалась курица, поющая пѣтухомъ, — календарь же Гатцука, опираясь на Брюса, уже

давно предсказываетъ близкое воцареніе въ нѣкоторой землѣ государя, „подобнаго Юлію Кесарю и Александру Македонскому“.

Все это, если хотите, отзывается провинціей, но вѣдь чѣмъ Москва не провинція? И во многихъ другихъ отношеніяхъ наша „столица“ отличается подобнымъ же характеромъ. Его придаетъ Москвѣ прежде всего отсутствіе центральныхъ государственныхъ учрежденій и сколько-нибудь крупныхъ частей арміи. Извѣстные интересы притягиваютъ къ себѣ мѣстное общество несравненно болѣе, чѣмъ это могло бы быть въ настоящей столицѣ. Къ тому же и наше общество — употребите-ли вы это слово въ тѣсномъ смыслѣ интеллигенціи, или въ болѣе широкомъ смыслѣ „культурнаго“ слоя населенія, малочисленнѣе общества петербургскаго, а потому живетъ оно тѣснѣе, сплоченнѣе, и въ каждомъ изъ его угловъ интересы другого угла принимаются относительно живо и сочувственно. Это мы говоримъ не въ одинъ укоръ, но и въ прямую похвалу. Ту же сплоченность вы легко замѣтите и въ наиболѣе свѣтлыхъ сторонахъ общественной жизни. Возьмите, напр., интересы университетскаго міра. Московскій университетъ и все, что группируется вокругъ него,—главнѣйшій изъ мѣстныхъ источниковъ умственнаго возбужденія нашего общества; университетское дѣло всегда—дѣло всемосковское, университетская извѣстность—извѣстность всемосковская, университетскій скандалъ—скандалъ всемосковскій, университетскій праздникъ—праздникъ всей Москвы. Кромѣ студентовъ у насъ почти нѣтъ образованной молодежи, включая въ то число и „свѣтскую“ молодежь; кромѣ профессуры у насъ почти нѣтъ оффиціальныхъ положеній, особенно выгодныхъ и почетныхъ; кромѣ знаменитаго Татьянина дня у насъ нѣтъ праздника, способнаго объединить все образованное общество. „Этотъ Татьянинъ день представляется для меня совершенною новостью и неожиданностью“, такъ признавался мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ администраторъ, только что прибывшій отъ васъ управлять нашей „столицей“. „Какой же это

—университетскій праздникъ, когда не университетъ, а вся Москва приходитъ въ какое-то волненіе!“ „Волненіе“ начинается оффиціальнымъ торжествомъ въ актовой залѣ университета и находитъ свое завершеніе въ заздравныхъ тостахъ и возліяніяхъ въ ресторанахъ и трактирахъ. Можно замѣтить, что годъ отъ году теряетъ свое прежнее значеніе первая, оффиціальная часть празднествъ, и все больше и больше интересъ ихъ сосредоточивается на второй, неоффиціальной. Въ связи съ тѣмъ годъ отъ году сказывается тенденція смягчить ея грубый, трактирный характеръ и внести въ нее наиболѣе осмысленности. Въ малыхъ кружкахъ празднованіе проходило лучше, чѣмъ на оффиціальномъ актѣ, и серьезность минуты, такъ или иначе ощущаемая всѣми, придала ему, дѣйствительно, осмысленный характеръ.

На дняхъ открылась здѣсь дѣятельность новаго ученаго общества, которое въ настоящее время составляетъ предметъ общаго интереса и съ которымъ связываются большія надежды. Учрежденное при университетѣ „психологическое“ общество вѣрнѣе было бы назвать философскимъ—такъ широка его программа, такъ далеко простираются намѣренія его учредителей и руководителей. При спеціальномъ характерѣ и направленіи другихъ ученыхъ обществъ новое общество легко можетъ сдѣлаться центромъ научныхъ работъ наиболѣе общаго свойства. Оно, несомнѣнно, можетъ войти также въ живое общеніе съ большою публикою, чему первый опытъ былъ уже сдѣланъ. Такъ, въ одно изъ воскресеній психологическое общество засѣдало публично вкупѣ съ обществомъ любителей россійской словесности, чествуя память великаго астронома и философа Джіордано Бруно. Такое чествованіе должно было послужить откликомъ на подобное же торжество, происходившее нѣсколькими днями раньше во многихъ мѣстахъ на Западѣ и вызванное тѣмъ фактомъ, что въ Римѣ задумали соорудить памятникъ великому мыслителю. Такимъ образомъ и общество любителей словесности, такъ долго и не совсѣмъ по своей винѣ обрѣтавшееся чуть не въ полномъ покоѣ, вновь начинаетъ свою дѣятельность. Засѣ-

данiе въ память Бруно было уже не первымъ публичнымъ засѣданiемъ его въ текущемъ академическомъ году

Провинціализмъ Москвы отражается также въ томъ особенномъ участіи, которое большинство общества принимаетъ въ здѣшнихъ театральныхъ дѣлахъ. Опытъ настоящей зимы окончательно удостовѣрилъ, что казеннымъ театрамъ долгое время придется служить единственнымъ надежнымъ оплотомъ серьезныхъ видовъ драматическаго искусства. Много нарождалось за послѣдніе годы частныхъ театральныхъ предпріятій, но всѣ они, если не считать тѣхъ, которые направлялись на эксплоатацію болѣе низменныхъ вкусовъ публики, кончали плачевно вслѣдствіе денежнаго банкротства. Частная антреприза не въ состояніи окупать самое себя—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ ей пришлось бы конкурировать съ казенною сценою. При такихъ условіяхъ, обезпечивающихъ этой послѣдней несомнѣнное и исключительное господство. нельзя не пожелать, чтобы отношеніе высшихъ руководителей театральнаго дѣла къ московскимъ театрамъ было самымъ серьезнымъ. Начать съ того, что было бы желательно въ мѣстной театральной администраціи встрѣтить лицъ, болѣе компетентныхъ, чѣмъ мы встрѣчали доселѣ. Съ 1883 года, съ введеніемъ новой системы приглашенія артистовъ по контрактамъ, съ возвышеніемъ окладовъ и съ возникновеніемъ новыхъ вліяній въ театральномъ дѣлѣ, составъ исполнителей измѣнился значительно къ лучшему, особенно на оперной сценѣ, а между тѣмъ на административныхъ постахъ, замѣщаемыхъ не по контрактамъ, а по назначенію, и поднесь фигурируютъ личности, ничего общаго съ театромъ не имѣющія. Пусть имена останутся въ неприкосновенности; но то, что не разъ уже писалось о вторженіи въ театръ многочисленныхъ „подпоручиковъ“, представляетъ сущую правду. Эти господа, какъ бы чувствуя свою некомпетентность, сначала держали себя съ нѣкоторою осторожностью, потомъ же попривыкли къ своему новому положенію и готовы заявлять себя настоящими

хозяевами При подобныхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ высшее театральное начальство въ Петербургѣ, конечно, поступаетъ разумно, держась строго системы постояннаго центральнаго контроля; однако, съ другой стороны, что же хорошаго для правильнаго теченія дѣла въ такомъ порядкѣ, при которомъ мѣстная власть не можетъ ступить шагу безъ разрѣшенія высшей? Не говоря уже о приглашеніи артистовъ и другихъ исполнителей, о постановкѣ новыхъ пьесъ и оперъ и т. п. крупныхъ мѣропріятіяхъ, здѣшнее театральное управленіе не имѣетъ собственной власти на утвержденіе недѣльнаго репертуара, на кратковременный отпускъ артиста (даже въ свободное отъ спектаклей время[1]), на приплату нѣсколькихъ рублей какимъ-нибудь статистамъ или рабочимъ. Высшему начальству тоже слѣдуетъ поставить много въ упрекъ. Оно постоянно запаздываетъ съ своими отвѣтами по существеннѣйшимъ вопросамъ, тормазитъ тѣмъ и путаетъ веденіе дѣла на мѣстѣ, а по временамъ вноситъ въ него замѣшательство неудачными проявленіями собственной инициативы. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ году, въ самый разгаръ сезона, оперная труппа, вслѣдствіе настоятельныхъ приказаній изъ Петербурга, была занята въ теченіе многихъ недѣль разучиваніемъ новой оперы; время было потеряно для постановки другихъ возможныхъ и необходимыхъ новинокъ, въ концѣ же концовъ оказалось, что разучиваемая опера не можетъ идти, такъ какъ послѣдніе акты ея еще не написаны композиторомъ! Въ театральномъ дѣлѣ, гдѣ существуетъ такое обширное поле для проявленія страстей и самолюбія, гдѣ такъ много почвы для всяческой интриги, особенно желательно существованіе компетентной власти, дѣйствующей во всемъ съ увѣренностью и послѣдовательностью, съ быстротою и настойчивостью. Что можно сдѣлать изъ театра, обладая хотя долею этихъ качествъ, о томъ свидѣтельствуетъ маленькій нѣмецкій театрикъ, въ продолженіе всей зимы собиравшій въ свои стѣны лучшую часть московской образованной публики. Москвичей восхищали здѣсь своею игрою сначала Поссартъ, потомъ Барнай. За обоими осталась

репутація большихъ артистовъ, вокругъ обоихъ сгруппировались партіи поклонниковъ, обоимъ устраивались овации, и въ заключеніе обоихъ чествовали торжественными пиршествами. Поссартъ со сцены увлекъ всѣхъ своимъ музыкальнымъ голосомъ, поразилъ игрою, обдуманною до мельчайшихъ деталей, импонировалъ тонко проведенною декламаціей, внѣ сцены восхитилъ публику, принявъ живое участіе въ юбилеѣ ветерана русской сцены И. В. Самарина, и, конечно, остался лишь вѣренъ своей декламаціонной школѣ, когда, не справившись, какъ слѣдуетъ, съ русскими нравами, на прощальномъ обѣдѣ назвалъ „современнымъ царемъ мысли, подобнымъ Вольтеру“... рецензента, который съ замѣчательною неутомимостью пропагандировалъ его самого какъ „царя“ современной трагедіи. Барнай, напротивъ, привлекъ къ себѣ всѣхъ необыкновенною простотою и естественностью, которыя одинаково характеризовали его и какъ актера, и какъ человѣка; увлекалъ публику тѣмъ, что, играя, самъ увлекался безотчетно, и, какъ всякій творецъ по вдохновенію, былъ временами то выше, то ниже своего, болѣе равномѣрнаго компатріота и соперника. При скудости общественной жизни, при необходимости пробавляться въ этой сферѣ новостями, на половину тяжелыми, на половину скандальными, было что-то особенно пріятное въ этомъ умственномъ возбужденіи, вызванномъ появленіемъ двухъ замѣчательныхъ артистовъ, въ этой борьбѣ партій, обусловленной ихъ естественнымъ соперничествомъ. На время какъ бы воскресли добрыя старыя времена, когда чуть ли не однимъ театромъ общество ограждалось отъ окончательнаго паденія и застоя.

IV.

«Вѣстникъ Европы», кн 5

14 апрѣля 1885.

Въ то время какъ одинъ изъ нашихъ маститыхъ писателей направился къ художественному воспроизведенію бѣдствій жизни, которыя гнѣздятся въ нашихъ московскихъ трущобахъ, эти самыя трущобы вдругъ стали предметомъ величайшаго вниманія со стороны городского самоуправленія, но не по чувству христіанскаго милосердія, а изъ эгоистическаго страха, связаннаго съ ожиданіемъ холеры. Этотъ страхъ впервые далъ себя знать еще прошлымъ лѣтомъ, и тогда уже закипѣла дѣятельность санитарныхъ попечителей, избранныхъ думою изъ числа гласныхъ и двадцати санитарныхъ врачей, приглашенныхъ за вознагражденіе Трудно сказать, что выйдетъ изъ дѣятельности собственно санитарныхъ попечителей. Не подлежитъ пока сомнѣнію ихъ необычная ревность, но не видно въ ихъ дѣйствіяхъ какого-либо обдуманнаго плана. Тутъ и тамъ стараніями попечителей закрываются зловредные стоки, устроенные изъ частныхъ владѣній въ рѣку; однако задержанныя такимъ образомъ нечистоты начинаютъ безнаказанно догнивать на открытомъ воздухѣ и лежатъ,—разбросанныя по дворамъ внутри города. Ночлежные дома переписываются и описываются со всею тщательностью и строятся грандіозные проекты объ устройствѣ образцовыхъ ночлежныхъ пріютовъ, но во владѣніи самихъ санитарныхъ попечителей оказываются зданія съ двухъ-ярусными подвалами, съ полнымъ отсутствіемъ свѣта въ нижнихъ ярусахъ, недоступныя ни для кого изъ санитаровъ. Спускъ нечистотъ въ рѣку путемъ потайныхъ трубъ возбуждаетъ преслѣдованія, а между тѣмъ на виду у всѣхъ, процвѣтаетъ систематическое отравленіе Москвы-рѣки многочисленными фабриками и учрежденіями, и въ этой сферѣ

всякіе протесты оказываются или неуспѣшными или даже вовсе неумѣстными. Да къ чему говорить только о спускахъ? Въ дѣлѣ отравленія рѣки у насъ существуетъ фактъ, несравненно болѣе выдающійся. Въ теченіе каждой зимы въ Москву-рѣку подъ видомъ чистаго снѣга сваливаются съ дворовъ и улицъ сотни тысячъ, если не милліоны, пудовъ несомнѣннаго навоза—и продѣлывается все это подъ ближайшимъ и „строжайшимъ“ наблюденіемъ кого слѣдуетъ. Съ наступленіемъ весны, когда ледъ и снѣгъ нѣсколько подтаятъ, уже не въ первый разъ глазамъ москвичей открывается отвратительнѣйшее зрѣлище. Вдоль всей набережной рѣки, по обоимъ берегамъ ея, въ самомъ центрѣ города лежатъ горы грязи и навоза, толстою пеленою покрывающія каменную настилку набережныхъ, а потомъ весенній разливъ подхватываетъ ихъ на свои могучія плечи и несетъ внизъ по теченію, оставляя на днѣ рѣки не мало органическихъ осадковъ, благопріятствующихъ развитію различныхъ эпидемій. Какъ видно, мы все еще расположены чистить свои авгіевы конюшни по способу, указанному Геркулесомъ, да можетъ быть такой классическій способъ наиболѣе къ лицу Бѣлокаменной, пріютившей въ своихъ стѣнахъ наиболѣе крѣпкихъ столповъ классицизма. Усовершенствованные способы намъ не удаются. Такъ недавно мы потерпѣли новое фіаско по вопросу о водоснабженіи. Сколько времени было потрачено на обсужденіе этого предмета, сколько энергіи ушло на то, чтобы разрушить предположеніе думской комиссіи о постройкѣ водопровода на собственныя средства города! Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ думѣ пришлось выслушать категорическій отказъ частныхъ предпринимателей, мотивированный неудобоисполнимостью условій, поставленныхъ имъ городомъ. И теперь придется вновь или измѣнять условія или самимъ взяться за дѣло, которое съ такою предупредительностью мы хотѣли сдѣлать предметомъ частной аферы.

Но пока мы толкуемъ лишь о ночлежныхъ домахъ, опасаясь, что именно тамъ-то и зародится столь страшная для насъ

холера. Эти толки впрочемъ не совсѣмъ новые: по справкѣ оказывается, что отъ роду имъ ровно двадцать одинъ годъ. Въ 1864 году, по почину полиціи, возникъ вопросъ о состояніи ночлежныхъ пріютовъ, а въ 1885 году онъ, можетъ быть, будетъ приведенъ къ достодолжному разрѣшенію. Въ теченіе этого времени частная благотворительность въ лицѣ братьевъ Ляпиныхъ успѣла воздвигнуть безплатный ночлежный пріютъ, который вмѣщаетъ въ себѣ болѣе тысячи ночлежниковъ и является единственнымъ, сколько-нибудь удовлетворительнымъ учрежденіемъ этого рода. Близь знаменитаго Хитрова рынка возвышается новый четырехъэтажный кирпичный корпусъ, нижній этажъ котораго отданъ подъ контору и женское отдѣленіе, а въ трехъ верхнихъ расположено мужское отдѣленіе. Сухой домъ, большія окна, бетонный полъ, центральное отопленіе, искусственная вентиляція, стѣны и нары, окрашенныя газовою смолою, нѣкоторые признаки дезинфекціи, безъ всякаго однако контроля надъ состояніемъ здоровья приходящихъ посѣтителей, безъ какихъ-либо предосторожностей противъ распространенія заразительныхъ болѣзней,—такова внѣшняя сторона этого учрежденія. При переполненіи дома ночлежниками приходится воздуха не болѣе одной кубической сажени на четырехъ ночлежниковъ. Въ низкой и сырой мѣстности, заливаемой иногда разливомъ рѣки Москвы, расположенъ ночлежный пріютъ, устроенный самимъ городомъ. Онъ занимаетъ три старыя кирпичныя постройки, съ сырымъ подвальнымъ помѣщеніемъ, деревянными полами, и съ самаго своего возникновенія служитъ разсадникомъ тифа и возвратной горячки. Однако внутренняя дисциплина, водворенная въ этомъ домѣ, создала ему благопріятную репутацію среди пришлаго сельскаго населенія, такъ что, по засвидѣтельствованію думской комиссіи, крестьяне, пріѣзжающіе въ Москву съ разными продуктами для продажи, оставляютъ свои воза сторожамъ на постоялыхъ дворахъ и появляются въ числѣ ночлежниковъ городского пріюта, удаляясь отъ разгула, царствующаго на постоялыхъ дворахъ. Въ этомъ послѣднемъ

отношеніи городской пріютъ составляетъ счастливое исключеніе въ своей области; въ остальныхъ, частныхъ ночлежныхъ домахъ, гдѣ ночлежники имѣютъ дѣло съ съемщиками отдѣльныхъ квартиръ, царятъ нравы, наиболѣе обычные въ помѣщеніяхъ этого рода. Укрывательство завѣдомо краденаго и руководительство воровствомъ, корчемство и содержаніе тайныхъ притоновъ разврата, торговля паспортами, ростовщичество и всякаго рода барышничество находятъ себѣ главныхъ представителей въ лицѣ сказанныхъ съемщиковъ Санитарныя условія частныхъ ночлежныхъ пріютовъ — самыя плачевныя. Изъ осмотра 167 квартиръ, вмѣщающихъ слишкомъ шесть тысячъ платныхъ посѣтителей (по 5 и по 3 коп. за ночлегъ), оказалось, что большинство изъ нихъ занимаютъ одну комнату, меньшинство двѣ, три и болѣе. Нары расположены безъ всякаго порядка, будучи устроены вездѣ, гдѣ представляется къ тому возможность, нигдѣ не окрашены и не раздѣлены перегородками на отдѣльныя мѣста. Ночлежники вынуждены ложиться очень тѣсно другъ къ другу, безъ различія возраста и пола; ложатся также сплошь на полу, не оставляя на немъ пустого мѣста. Подстилками служатъ грязныя рогожи и дерюги, никакой вентиляціи не существуетъ, если не считать форточекъ, почти никогда не раскрываемыхъ въ интересахъ сохраненія тепла; грязь покрываетъ все сплошною массою; всѣ необходимыя принадлежности содержатся крайне неопрятно, на дезинфекцію не существуетъ и намека. Количество воздуха на каждаго ночлежника рѣдко подымается здѣсь выше половины кубической сажени и напротивъ—часто спускается до одной пятой. Между тѣмъ годовая плата, вносимая квартирохозяевами домовладѣльцамъ, равняется двадцати пяти рублямъ за кубическую сажень, тогда какъ та же плата въ хорошихъ барскихъ квартирахъ и въ лучшихъ частяхъ города колеблется между десятью и пятнадцатью рублями. Отвратительное помѣщеніе ночлежнаго дома цѣнится домовладѣльцами вдвое дороже, чѣмъ равная ему по величинѣ удобная, хорошо отдѣланная квартира для состоятельнаго семейства!

Въ такой-то грязи жило и живетъ московское бродячее населеніе. Своимъ санитарнымъ врачамъ дума обязана ознакомленіемъ съ этою грязью и въ особенности—санитарному врачу Д. Д. Дувакину. Докладъ врачей повидимому смутилъ управу, такъ что она, не медля, внесла въ думу предложеніе о немедленномъ устройствѣ временныхъ лѣтнихъ бараковъ на 4,500 человѣкъ, стоимостью 40,000 рублей, объ установленіи обязательныхъ постановленій для всѣхъ вообще ночлежныхъ квартиръ и объ устройствѣ четырехъ ночлежныхъ домовъ стоимостью въ триста тысячъ рублей. Комиссія о „пользахъ и нуждахъ общественныхъ", вся состоящая изъ представителей „черной сотни", отвѣтила на это еще болѣе широкими предположеніями; но потомъ въ самой думѣ дѣло какъ-то замялось и пока ограничились ассигнованіемъ всего 15,000 рублей на лѣтніе бараки Оптимисты вообще надѣются, что вступленіе въ должность новаго городского головы оживитъ думскую и управскую дѣятельность и подвинетъ впередъ городское хозяйство. Такая надежда можетъ раздѣляться лишь тѣми, кто не обращаетъ вниманія на общія условія думской дѣятельности.

Образованное общество занято въ настоящую минуту передвижною выставкою, представленіями мейнингенцевъ, публичными лекціями и нѣсколькими выдающимися, одинъ за другимъ слѣдующими уголовными процессами. Съ передвижной выставки, по распоряженію властей, снята извѣстная картина Рѣпина, впрочемъ уже послѣ того, какъ многія тысячи посѣтителей успѣли съ нею ознакомиться. На публичныхъ лекціяхъ особое вниманіе привлекъ въ послѣднее время И. И. Иванюковъ, профессоръ петровской земледѣльческой академіи, прочитавшій свою лекцію дважды. Предметомъ своего чтенія онъ избралъ пессимизмъ современнаго общества. По мнѣнію лектора, современное образованное общество не удовлетворено экономическимъ положеніемъ народныхъ массъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что измѣненія къ лучшему не могутъ слѣдовать быстро и въ недалекомъ будущемъ; отсюда—пессимизмъ, усиливающійся еще

болѣе въ виду кажущихся успѣховъ реакціи Неудовлетворенное состояніе общества существовало въ первыя времена христіанства, также — во время французской революціи; однако тогда сторонники новыхъ идеаловъ не впадали въ пессимизмъ, потому что вѣрили слѣпо въ быстрое торжество новаго порядка вещей. У насъ нѣтъ такой вѣры; но лекторъ предостерегаетъ слушателей отъ преувеличенной оцѣнки значенія реакціи и въ ожиданіи лучшихъ временъ приглашаетъ къ нравственной работѣ надъ самимъ собою, опираясь въ этомъ случаѣ на авторитетъ К. Д. Кавелина. Имя этого послѣдняго мыслителя слышится здѣсь часто Его „Задачи этики“ задѣли, какъ видно, мыслящую часть публики за живое, и были здѣсь, въ Москвѣ, въ различныхъ кружкахъ предметомъ многихъ рефератовъ и оживленныхъ преній. Однѣ за другою вскрываются темныя стороны нашей общественной жизни и поневолѣ обращаютъ къ вопросамъ нравственности. Уголовные процессы, о которыхъ я замѣтилъ выше, не лишены такого значенія. Предъ лицомъ суда мы видѣли маститаго предводителя дворянства, который въ увлеченіи борьбы съ купеческою партіею своего уѣзда допустилъ явныя неправильности на избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ; мы видѣли тамъ же представителей купеческаго элемента, которые въ увлеченіи борьбой съ дворянствомъ не разбирали средствъ, когда низвергали своихъ противниковъ. Предводитель дворянства обвинялся въ томъ, что открывалъ избирательные съѣзды втихомолку отъ избирателей - купцовъ; купеческіе „молодцы“ привлекались къ суду за попытку купить избирателей уѣзда за счетъ хозяйскаго кармана. На скамьѣ подсудимыхъ мы наблюдали также ловкую интриганку, которая, занявъ въ аристократической семьѣ мѣсто воспитательницы, обворовала свою воспитанницу. Поджогъ — также видная тема современнаго разговора. Ужасный пожаръ дома Хоткевича, въ которомъ погибло болѣе двадцати человѣкъ, слѣдуетъ, какъ говорятъ, приписать поджогу, и, если это такъ, то хроника нашего уголовнаго суда обогатится еще однимъ знаменитымъ

дѣломъ. Прошло предъ судомъ вновь и знаменитое дѣло дѣтей Мельницкихъ, въ которомъ присяжные второго состава повторили вердиктъ своихъ предшественниковъ Такая, нужно думать, не случайная послѣдовательность нашего жюри не умѣритъ, конечно, злобы, которою проникнуты къ нему „охранительные“ органы. Столпъ московской охранительной печати уже дважды аргументировалъ противъ суда присяжныхъ математическими выкладками, оказавшимися при ближайшемъ разборѣ ихъ произведеніемъ замѣчательнаго невѣжества. Теперь та же аргументація опирается на циркуляръ одного губернатора, рекомендовавшаго своимъ подчиненнымъ открытое неуваженіе къ судебнымъ приговорамъ. Итакъ, близкая къ намъ провинція опередила Москву. Здѣсь лишь негласнымъ путемъ давали чувствовать, что и на судъ бываетъ управа, тамъ же не задумались предъ открытымъ походомъ администраціи противъ суда

Въ короткое время въ московскомъ округѣ сошли въ могилу одинъ за другимъ выдающіеся дѣятели крестьянской реформы Въ рязанской губерніи скончался князь С. В. Волконскій, во Владимірѣ—А. П. Смирновъ. Послѣ нихъ остались интересные матеріалы, судьба которыхъ пребываетъ въ неопредѣленности. Какъ разъ въ здѣшнемъ юридическомъ обществѣ, по иниціативѣ В. Ю. Скалона, возбужденъ вопросъ о собираніи и изданіи матеріаловъ по исторіи крестьянской реформы; этою работою думаютъ ознаменовать близящееся двадцатипятилѣтіе величайшаго акта прошлаго царствованія. Остается пожелать только, чтобы юридическому обществу удалось привлечь матеріальныя средства для выполненія широко задуманнаго предпріятія. По этому поводу невольно припоминается случай, который показываетъ, какъ самое простое дѣло глохнетъ при прочихъ благопріятныхъ условіяхъ, если оно не попадаетъ въ энергичныя руки. Лѣтъ шесть тому назадъ въ обществѣ сельскаго хозяйства возникла мысль основать въ Москвѣ центральную земскую библіотеку, въ которой были бы сосредоточены изданія всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ; тогда же

покойный А. И. Кошелевъ, обѣщавъ на это предпріятіе десять тысячъ рублей, предложилъ здѣшней публичной библіотекѣ при Румянцовскомъ музеѣ принять на себя осуществленіе задуманнаго учрежденія. Но директоръ музея отнесся къ предложенію самымъ холоднымъ образомъ, такъ что все дѣло заглохло при самомъ его началѣ, хотя въ рукахъ его начинателей уже находилась значительная коллекція земскихъ изданій. Потомъ эта коллекція вновь разошлась по отдѣльнымъ рукамъ и никто больше не думалъ объ учрежденіи, во всякомъ случаѣ не безполезномъ.

V.

«Вѣстникъ Европы», 1885 г., кн. 7.

30 мая 1885 г.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ТОРЖЕСТВО ВЪ СМОЛЕНСКѢ.

Два дня, 20 и 21 мая, будутъ долго жить въ памяти смольнянъ. Не забудутъ этихъ дней и пріѣзжіе гости, которымъ пришлось провести ихъ въ Смоленскѣ. Дѣйствительно, въ этомъ торжествѣ было нѣчто такое, что заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

По-правдѣ сказать, сначала какъ-то не вѣрилось, чтобы изъ затѣяннаго вышло что-нибудь достаточно цѣльное и грандіозное. Интеллигентная жизнь нашей провинціи не отличается ни самостоятельностью, ни силою; подмосковная провинція особенно вяла и бѣдна въ этомъ отношеніи. Близость большого центра даетъ себя знать, и въ окружающихъ Москву губернскихъ городахъ, въ средѣ немногочисленной и разрозненной мѣстной интеллигенціи, вы найдете мало собственныхъ мѣстныхъ интересовъ. Все стремится къ столицѣ и живетъ ея умственною жизнью, — въ той мѣрѣ, въ какой чувствуетъ

потребность жить. Эта черта подмосковной провинціи не зависитъ отъ степени многолюдства того или другого города. Тула, напримѣръ, выдается и своею относительною величиною, и цифрою своего населенія, и развитіемъ своей промышленности, а между тѣмъ умственная жизнь Тулы не только не богаче, но несомнѣнно скуднѣе умственной жизни другихъ небольшихъ губернскихъ городовъ. Гораздо бо́льшее значеніе принадлежитъ въ этомъ случаѣ степени отдаленности отъ Москвы. Тула, Рязань, Владиміръ, Тверь отстоятъ отъ столицы не далѣе ста восьмидесяти верстъ; Смоленскъ, будучи первымъ городомъ по западному пути, удаленъ отъ Москвы, напротивъ, почти на четыреста верстъ,—болѣе чѣмъ Орелъ, почти столько же, сколько Нижній. Удаленность — залогъ нѣкоторой самостоятельности; и вотъ небольшой и немноголюдный городъ, славный своими военными преданіями, пожелалъ прославить себя также мирнымъ торжествомъ. Задача была не изъ легкихъ. Праздновалась память великаго композитора; музыкальное торжество стояло на первомъ планѣ, но не слѣдовало придавать ему исключительнаго характера.

Природныя условія Смоленска даютъ хорошую обстановку для торжественныхъ событій. Чудное мѣстоположеніе на высокой горѣ, на берегу историческаго Днѣпра, открываетъ обитателямъ прелестные виды вдаль и обезпечиваетъ имъ здоровый, чистый воздухъ, дозволяющій забыть о городѣ въ самомъ его центрѣ. Группы густой зелени разбросаны по всему городу и мѣстами окаймляютъ красивые пруды, которые легко держатся на верху горы. Внѣшній видъ Смоленска дышетъ здоровьемъ, радостью; взоръ, брошенный съ смоленскихъ высотъ на живописныя окрестности, настраиваетъ мысль на широкія думы, на поэтическія мечтанія. Житель грязной, душной, пропахшей всякимъ смрадомъ столицы, перенесенный на нѣсколько дней въ этотъ маленькій городокъ, съ жадностью втягиваетъ въ грудь его сельскій воздухъ, живо обѣгаетъ его зеленые уголки и закоулки, на цѣлые часы забывается въ

выдающихся надъ пропастью бесѣдкахъ, устремляя свой восхищенный взоръ въ раскрытую предъ нимъ живописную даль, и уже заранѣе, не видавъ еще никакихъ приготовленій къ торжеству, не вкусивъ ничего отъ его первыхъ впечатлѣній, настроенъ по-праздничному. Провинціальный характеръ города служитъ прямо на пользу задуманнаго дѣла. На пользу его служитъ и провинціальный характеръ самихъ городскихъ обывателей. Только въ провинціи можно встрѣтить такое неподдѣльное вниманіе со стороны хозяевъ по отношенію къ ихъ гостямъ. Значительной части пріѣзжихъ отводится помѣщеніе въ частныхъ квартирахъ и гостей ожидаетъ здѣсь пріемъ, рѣдкій по своему радушію. Лучшія комнаты отдаются въ ихъ распоряженіе; экипажи, лошади, прислуга предоставляются къ ихъ исключительнымъ услугамъ; почти на недѣлю нарушается обычное теченіе домашней жизни, большой кругъ семей живетъ эту недѣлю чужою жизнью; слышатся претензіи со стороны хозяевъ, обойденныхъ распорядительнымъ комитетомъ и не получившихъ къ торжественному дню постояльцевъ. Вѣроятно, въ этомъ же родѣ встрѣчаютъ горожане въ военное время какую-либо дружественную армію, избавившую городъ отъ грозившей опасности.

Недостатокъ въ благоустроенныхъ гостиницахъ вынудилъ распорядительный комитетъ обратиться къ безвозмездному и радушному гостепріимству частныхъ обывателей, и это обстоятельство, какъ кажется, повліяло въ томъ смыслѣ, что приглашенія разсылались нѣсколько скупо, изъ опасенія оставить приглашенныхъ безъ достаточно комфортабельнаго пріюта. Нельзя однако не пожалѣть объ этомъ. Гости, въ виду особенностей случая, могли бы быть не особенно взыскательными, ихъ же многочисленность служила бы только къ вящшей торжественности праздника. Если не ошибаемся, разсылая свои приглашенія отдѣльнымъ лицамъ, намѣченнымъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, комитетъ не посылалъ отъ себя оффиціальныхъ извѣщеній о предстоящемъ торжествѣ въ различныя

учрежденія, участіе которыхъ въ немъ было желательно, или по крайней мѣрѣ не разослалъ такихъ извѣщеній въ достаточномъ количествѣ. Мы знаемъ ученыя учрежденія и общества, которыя не получили подобныхъ извѣщеній, а будь таковыя присланы,—увеличилось бы и число депутатовъ и во всякомъ случаѣ—число привѣтствій, обиліе которыхъ могло лишь способствовать успѣху торжества. По нашему времени, празднованіе въ память Глинки представляло то выгодное свойство, что оно не встрѣчало возраженій со стороны той части печати, откуда идетъ вѣчное и неизбѣжное противодѣйствіе, способное разстроить любой праздникъ, если только онъ связывается съ воспоминаніями объ успѣхахъ, одержанныхъ человѣчествомъ въ борьбѣ генія съ окружающимъ его невѣжествомъ. Праздникъ въ честь генія музыкальнаго творчества казался обскурантамъ болѣе законнымъ, чѣмъ могло бы показаться имъ чествованіе памяти, напр., геніальнаго писателя,— и комитету, который распоряжался смоленскимъ торжествомъ, былъ открытъ свободный путь для наибольшаго его оглашенія. Думается намъ, что въ этомъ отношеніи было исполнено не все возможное Напрасно было расчитывать особенно на самопроизвольныя проявленія интереса и сочувствія, какія могло оказать комитету русское общество, а потому не зачѣмъ было и скромничать; надо всегда помнить, что успѣхъ любого общественнаго дѣла зависитъ много отъ его организаціи. Въ Россіи же, при нашей тяжеловатости на подъемъ, искусная организація должна бы составлять предметъ особой заботливости со стороны устроителей того или другого дѣла, не исключая и торжественныхъ празднествъ.

Помимо „безобидности",— если правильно такъ выразиться, — Глинкинскаго праздника существовала, повидимому, и другая причина, которая расположила къ нему сферы, встрѣчающія обыкновенно съ недовѣріемъ всякую мысль о какомъ-либо умственномъ возбужденіи общества. Извѣстная группа поклонниковъ великаго композитора, цѣня въ немъ своего, родного,

генія, черезчуръ усиленно подчеркивала національную сторону смоленскаго торжества и тѣмъ самымъ, съ умысломъ или безъ умысла, льстила одностороннему и близорукому патріотизму, который такъ легко и такъ невѣрно отождествляетъ народную самобытность съ народною отчужденностью. Такая тенденція чувствовалась уже раньше, во время приготовленій къ празднику, и съ нею явились на праздникъ весьма многіе, во власти которыхъ было сообщить ему тотъ или другой характеръ. Усиленное выраженіе ея стало причиной неловкихъ шаговъ, породило личныя столкновенія, раздѣлило ближайшихъ участниковъ празднества на два, несогласные между собою, лагеря. Къ чести распорядительнаго комитета надо сказать, что онъ стоялъ въ сторонѣ отъ этой борьбы, хотя, повидимому, не вполнѣ воспользовался своею распорядительною властью для ея подавленія. Для большой публики многое оставалось невскрытымъ или непонятнымъ—къ счастью для внѣшней гармоніи праздника. Но кое-что замѣчено было и профанами. Такимъ образомъ прелестный городокъ, столѣтія бывшій ареною кровавой борьбы западныхъ элементовъ съ восточными, сталъ въ наши дни очевидцемъ совсѣмъ иной борьбы, въ которой западъ столкнулся съ востокомъ въ области музыкальнаго творчества! И надъ этимъ споромъ, съ высоты своего величія, невозмутимо вѣялъ безсмертный духъ Глинки, чуждый, какъ и каждый геній, какой-либо односторонности. Изъ-за чествованія памяти генія выступало порою стремленіе присвоить себѣ этого генія, какъ исключительное достояніе, и освятить его именемъ только свое исключительное право на первенство... Но въ любой борьбѣ отвлеченнаго характера всегда можно найти какую-либо болѣе реальную, конкретную подкладку. Стороннему человѣку было крайне интересно констатировать тотъ фактъ, что въ соперничествѣ двухъ партій музыкальнаго міра отчасти выразилось уже позабытое въ другихъ областяхъ интеллектуальной жизни старинное соревнованіе Петербурга съ Москвою. Взаимное недовѣріе, взаимное недовольство, взаимная придирчивость скры-

вались подъ оболочкою борьбы за идею. И что, можетъ быть, наиболѣе интересно, такъ это то, что представителями народной „самобытности“ явились на этотъ разъ по преимуществу петербуржцы, тогда какъ противоположная тенденція представлялась Москвою и вообще провинціей.

Внѣшняя сторона приготовленій къ празднику и самаго праздника прошли удачно. Дня за три до открытія памятника начался пріемъ иногородныхъ гостей на вокзалѣ желѣзной дороги. Распорядители дежурили тамъ денно и нощно, предупредительно встрѣчали пріѣзжающихъ и развозили ихъ по квартирамъ, сдавая съ рукъ на руки гостепріимнымъ хозяевамъ. То-и-дѣло съ горы и на гору, отъ города къ вокзалу и отъ вокзала къ городу, сновали экипажи, то спѣша на встрѣчу къ поѣзду, то увозя съ него прибывавшихъ пассажировъ. Публика собиралась изъ обѣихъ столицъ, изъ городовъ западнаго края, изъ ближайшихъ губернскихъ центровъ, каковы Калуга, Орелъ или Тула. Когда-то слава и гордость петербургской оперной сцены, Е. А. Лавровская, пріѣхала изъ Кіева. Къ воскресенью, 19 мая, всѣ были уже въ сборѣ; оставалось полить улицы, и небо, какъ бы отвѣчая общему желанію, оросило ихъ за ночь обильнымъ дождемъ. Понедѣльникъ, 20 мая, былъ первымъ днемъ торжества. Его многочисленные участники столпились подъ высокими сводами собора, слушая заупокойную литургію по чествуемомъ композиторѣ. Въ церковной части праздника отдана должная дань генію стройнымъ исполненіемъ его херувимской. Представляя чудному сочетанію звуковъ самому говорить за своего творца, первенствующій въ церковномъ служеніи опускаетъ всякое собственное „слово“ и безъ проповѣди переходитъ къ панихидѣ Группа женщинъ подъ правымъ клиросомъ, по преимуществу представительницъ артистическаго міра, выдѣляется, какъ всегда, своимъ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ совершаемому обряду; но и торжественно-грустное „со святыми упокой“ не подавляетъ торжественно-радостнаго настроенія: гдѣ чествуется память генія, тамъ мѣсто не печали,

а радости, не отчаянія, а смѣлыхъ упованій и надеждъ. За церковнымъ богослуженіемъ слѣдуетъ торжественное засѣданіе комитета и открытіе самаго памятника. Толпа отправляется на верхъ горы; тамъ противъ зданія дворянскаго собранія разстилается широкимъ четыреугольникомъ центральный садъ города, именуемый „блонь“, и въ этомъ саду, на площадкѣ противъ сказаннаго зданія, воздвигнутъ памятникъ, еще окутанный полотномъ Въ достаточно обширномъ и свѣтломъ залѣ дворянскаго собранія, предъ лицомъ собравшейся публики комитетъ открываетъ свое засѣданіе. Одна за другой подходятъ къ столу депутаціи, возлагаютъ на столъ свои вѣнки, произносятъ привѣтствія, выслушиваютъ слово благодарности отъ предсѣдателя. Хозяинъ музыкальной части празднества, М. А. Балакиревъ, получаетъ чрезъ посредство комитета отъ здравствующей сестры Глинки, Л. И. Шестаковой, роскошную дирижерскую палочку, которою онъ и дирижируетъ въ моментъ открытія памятника. Публика, очевидно, ждетъ краснорѣчивой рѣчи, но, какъ нарочно, большинство депутатовъ говорятъ не смѣло и неслышно Бойко и громко сказанное привѣтствіе депутата петербургской оперной труппы артиста Стравинскаго вызываетъ громкіе апплодисменты. Прочитанные адресы написаны какъ-то на одинъ ладъ и не поражаютъ оригинальностью своего содержанія. Въ адресѣ с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества Глинка называется „величайшимъ изъ славянскихъ композиторовъ“; кое-кто невольно, слыша эти слова, вспоминаетъ о Шопенѣ и вопросительно глядитъ на депутата Съ другой стороны, по мнѣнію благотворительнаго общества, все значеніе Глинки исчерпывается его вліяніемъ на славянскій міръ. „Онъ открылъ славянству иные пути, онъ опредѣлилъ исторію славянской музыки“. Для остального міра Глинка интересенъ лишь тѣмъ, что „далъ ему великіе образцы славянскаго генія“. Это примѣненіе къ музыкальной области шаблонной славянофильской мѣрки, повидимому, одобряется невзыскательною публикою Провинція не избалована краснорѣчіемъ;

ясное и громкое чтеніе по писанному само по себѣ заслуживаетъ одобренія. Необычайный восторгъ одушевилъ залу, когда одинъ изъ депутатовъ, въ видѣ привѣтствія, прочелъ свое собственное стихотвореніе и съ колѣнопреклоненіемъ поднесъ его присутствовавшей тутъ же Л. И. Шестаковой Все оказалось въ должномъ порядкѣ: и рѣчи, и адресы, и телеграммы, и даже стихотвореніе. Въ продолженіе всей этой пестрой смѣны лицъ и голосовъ, глазъ съ трудомъ отрывался отъ благородной и стройной фигуры главнаго хозяина праздника, предсѣдателя комитета, князя Г. В. Оболенскаго. Въ рѣдкомъ лицѣ можно встрѣтить такое привлекательное сочетаніе выраженія ума, сердечной доброты и благородства. Преисполненный достоинства, нѣсколько тихій и меланхоличный тонъ его внятной рѣчи сглаживалъ шероховатости другихъ и поддерживалъ въ залѣ то сосредоточенно-торжественное настроеніе, безъ котораго праздникъ потерялъ бы половину своей обаятельной прелести.

Обширная наружная терраса примыкаетъ къ залѣ со стороны, обращенной къ саду. Нарочно устроенная, деревянная широкая лѣстница, обитая краснымъ сукномъ, спущена съ террасы въ садъ, къ подножію памятника; пространство вокругъ памятника окружено канатомъ, за которымъ толпится густая масса народа. Многочисленное собраніе спускается изъ залы внизъ, депутаціи съ вѣнками размѣщаются вокругъ памятника, на террасѣ помѣщается оркестръ. За общимъ гуломъ не слышно, какія рѣчи, стоя на вершинѣ лѣстницы, произносятъ другъ предъ другомъ предсѣдатель комитета и городской голова; всѣ понимаютъ, что происходитъ передача памятника отъ комитета въ достояніе города. Наконецъ раздаются звуки „Славься“ и нѣсколько медленно сползаетъ съ памятника покрывающее его полотно. Предъ нами Глинка, „какъ живой“, около пюпитра съ нотами, съ дирижерской палочкой въ рукахъ. Для композитора избрана поза дирижера и некрасивая сторона его малаго роста какъ будто недостаточно скрадена художникомъ.

Громкое „ура“ привѣтствуетъ открытіе памятника; потомъ слѣдуетъ народный гимнъ, а далѣе одинъ за другимъ выступаютъ еще два поэта, произнося свои стихотворенія съ непокрытыми головами у самаго подножія памятника. Въ одномъ изъ стихотвореній авторъ его патетически спрашиваетъ у присутствующихъ: „гдѣ-жъ русскій селянинъ, зачѣмъ не между нами?“ и два раза цитируетъ Байрона въ переводѣ русскихъ писателей.

Первый актъ праздника оконченъ. Медленно расходятся его участники и публика по домамъ.

Главный интересъ сосредоточивался, конечно, на музыкальной части празднества. Если бы Смоленскъ обладалъ сколько-нибудь обширнымъ театромъ, приспособленнымъ для оперы, то ничего лучшаго нельзя было бы придумать для достодолжнаго чествованія памяти великаго композитора, какъ два спектакля, изъ которыхъ на одномъ послѣдовало бы полное исполненіе „Жизни за царя“, на другомъ — „Руслана и Людмилы“. При желаніи къ этому можно было бы присоединить еще концертъ, составленный изъ прочихъ произведеній Глинки въ области оркестра и вокальной музыки. Но о такой роскоши нечего было и думать. Вмѣсто спектаклей приходилось вообще ограничиться одними концертами. Залъ дворянскаго собранія представлялъ удобное концертное помѣщеніе, но вниманіе распорядителей остановилось не на немъ. Залъ понадобился для торжественной трапезы, а концерты были перенесены въ садъ Лавриновича, въ находящійся тамъ деревянный театръ. Кромѣ того здѣсь вліялъ и матеріальный расчетъ: сборъ въ театрѣ обѣщалъ быть выше, чѣмъ въ залѣ. Конечно, соображеніе такого рода имѣло законное основаніе: надо вспомнить, какими крохами у насъ приходится собирать пожертвованія на памятники нашимъ великимъ людямъ, какими затрудненіями было обставлено это дѣло и въ данномъ случаѣ, чтобы не осудить распорядителей за ихъ расчетливость. Однако все-таки нельзя не пожалѣть о происшедшемъ выборѣ концертнаго помѣщенія. Театръ Лавриновича — не болѣе какъ большой деревянный ящикъ, сбитый изъ

тонкихъ досокъ, не удовлетворяющій элементарнымъ требованіямъ акустики. Температура внутри театра быстро понижается до уровня внѣшней температуры и свѣжая погода, бывшая во время концертовъ, заставила публику оставаться въ театрѣ въ верхнемъ платьѣ и съ покрытыми головами, что̀ не мало вредило торжественности собранія. Въ дворянскомъ залѣ, при полной возможности соблюсти должный этикетъ относительно одѣянія и при хорошихъ акустическихъ условіяхъ помѣщенія, концерты вышли бы много параднѣе по виду и блестящѣе по исполненію. Впрочемъ неизбалованная въ музыкальномъ отношеніи смоленская публика осталась довольна и настоящею обстановкою музыкальнаго торжества: не только, не взирая на крайне высокія цѣны, она переполнила собою ложи и партеръ театра, но и окружала его толпою извнѣ, съ жадностью ловя въ воздухѣ долетавшіе съ эстрады звуки. Памятникъ Глинкѣ принадлежитъ Смоленску не по одному своему мѣстонахожденію. Онъ—смоленскій и потому, что именно смольняне внесли на его сооруженіе немалую лепту. Концертъ, данный при закладкѣ памятника да два концерта при его открытіи, оплаченные по преимуществу кошельками смольнянъ, послужили солидными источниками, изъ которыхъ составился капиталъ памятника. Смоленскъ показалъ хорошій примѣръ общественной иниціативы въ достойномъ дѣлѣ. Въ то время какъ вся Россія чуть не десятилѣтія собирается сооружать иные памятники, смольняне сумѣли уже воздать должное памяти своего великаго сородича. Но возвратимся къ концертамъ. Неудовлетворительныя условія помѣщенія и необходимость замѣнить оперные спектакли простымъ концертнымъ исполненіемъ не измѣняли, конечно, существа дѣла. Богатый репертуаръ Глинкинскихъ произведеній съ успѣхомъ могъ бы исполнить программу обоихъ предположенныхъ концертовъ и два дня, избранные для чествованія памяти великаго композитора, могли бы сосредоточить вниманіе присутствующихъ исключительно на его звукахъ и на его имени. Средства для того были на-лицо. Подъ рукою былъ хорошій

оркестръ, составленный, въ числѣ 60 человѣкъ, изъ лучшихъ силъ оркестра московской оперы; былъ хоръ, образованный на-половину изъ лучшихъ же хористовъ московской оперы и изъ мѣстныхъ любителей, достаточно дисциплинированныхъ; были солисты, каковы г-жи Платонова, Лавровская и Климентова, гг. Барцаль, Карякинъ, Стравинскій и Хохловъ. Тѣмъ не менѣе Глинкѣ былъ отданъ только первый концертъ. Въ двѣнадцати номерахъ программы было представлено все его творчество: и „Жизнь за царя", и „Русланъ", и другія меньшія произведенія. Во второмъ концертѣ вниманіе публики уже отвлекалось отъ Глинки и вмѣсто него предъ нею выступили его „послѣдователи".

Спеціалисты остались довольны исполненіемъ обоихъ концертовъ, а восторгамъ публики содѣйствовала, помимо того, ихъ эффектная обстановка. Если сама публика, одѣтая въ пальто разныхъ цвѣтовъ и покроевъ, укутанная въ шарфы, обутая въ галоши, съ разнообразными покрышками на головахъ, являла изъ себя зрѣлище мало торжественное, то видъ изъ зрительной залы на сцену соотвѣтствовалъ особенностямъ случая. При первыхъ звукахъ увертюры вспыхнуло электрическое освѣщеніе и въ глубинѣ сцены, позади размѣщеннаго на ней оркестра, раздвинулся занавѣсъ и глазамъ присутствующихъ предсталъ бюстъ Глинки, окруженный цѣлою декораціей изъ живой зелени и изъ вѣнковъ, привезенныхъ депутаціями. Первое впечатлѣніе этой простой по замыслу, но художественно исполненной картины было такъ сильно, что вся зрительная зала буквально въ одинъ голосъ выразила поразившее ее неожиданное изумленіе. Новый красивый эффектъ ожидалъ ее послѣ окончанія первой увертюры (изъ „Жизни за царя"). Предсѣдатель комитета, занимавшій мѣсто въ первомъ ряду креселъ, поднявшись съ мѣста, заявилъ дирижеру, что знаменитость русской оперной сцены, Анна Яковлевна Пе́трова, супруга перваго Сусанина, Ѳ. А. Петрова, сама бывшая первою исполнительницею Вани, прислала собственноручно вышитую

ею шелкомъ лиру для возложенія у бюста Глинки. Этотъ трогательный знакъ памяти, выказанный со стороны маститой артистки, былъ привѣтствованъ шумными апплодисментами и присланный даръ тутъ же возложенъ на назначенное ему мѣсто. Апплодисментами же публика наградила исполнителей; однако, чтя торжественный характеръ праздника, она ни разу не нарушила назначеннаго порядка исполненія требованіями повторенія выслушанныхъ номеровъ. Не въ обиду кому-либо будь сказано, но въ этомъ отношеніи смоленская публика проявила бо̀льшую дисциплину и бо̀льшій тактъ, чѣмъ иногда можно встрѣтить въ публикѣ столичной.

Въ промежуткѣ между двумя концертами, занявшими подрядъ два вечера, состоялся 21 мая въ залѣ дворянскаго собранія обѣдъ, который радушные хозяева дали по подпискѣ пріѣхавшимъ гостямъ. Сервировка и кулинарная сторона этой торжественной трапезы стяжали новые лавры и распорядителямъ, и извѣстному московскому ресторану „Эрмитажъ“. Но что касается до краснорѣчія, то, какъ извѣстно, оно далеко не культивируется у насъ съ такою заботливостью, какъ кулинарное искусство. За полчаса до начала обѣда никто еще не зналъ, будутъ ли произноситься какія-либо рѣчи и если будутъ, то о чемъ именно. На этотъ счетъ не было приготовлено никакого плана. Все сложилось случайно и довольно оригинально. Послѣ тоста за здравіе Государя Императора, тостовъ въ память Глинки и въ честь сестры его, Л. И. Шестаковой, послѣ отвѣтнаго слова послѣдней, прочтеннаго гр Шереметьевымъ, послѣдовала первая рѣчь, въ настоящемъ смыслѣ этого слова Ораторъ предложилъ „поднести къ устамъ сію заздравную чашу“ за многолѣтіе М. А. Балакирева, на обѣдѣ не присутствовавшаго. Онъ предложилъ почтить его какъ хозяина музыкальной части праздника, какъ непосредственнаго ученика Глинки, какъ талантливѣйшаго изъ современныхъ русскихъ композиторовъ. Ораторъ выражалъ сожалѣніе по поводу того, что не всѣ русскіе одинаково цѣ-

нятъ высокое значеніе почтеннаго дирижера, приписывалъ это обстоятельство обычному и непростительному пренебреженію русскихъ людей къ роднымъ дарованіямъ, сравнивалъ судьбу ученика Глинки съ судьбою самого Глинки, геній котораго тоже такъ долго оставался непризнаннымъ. Произнесенное съ внѣшней стороны безукоризненно, притомъ нѣсколько въ церковно-славянскомъ стилѣ, это „слово“ Т. И. Филиппова произвело однако въ части публики нѣкоторое смущеніе. Большинство ожидало, что первая большая рѣчь будетъ посвящена памяти самого Глинки, а взамѣнъ того пришлось выслушать апологію какъ бы въ защиту его ученика. Неизвѣстно для чего кому-то былъ брошенъ вызовъ и онъ былъ принятъ. Въ неровной, но оживленной импровизаціи, кн. Н. П. Трубецкой, одинъ изъ дѣятельныхъ виновниковъ появленія въ Москвѣ русскаго музыкальнаго общества, задумалъ снять съ русскаго общества и съ русскихъ музыкальныхъ дѣятелей упрекъ въ рутинерствѣ. Онъ указалъ на успѣхъ совершившагося смоленскаго торжества, на готовность, съ которою общество откликнулось на призывъ комитета по возведенію памятника Глинкѣ, и усматривалъ въ этомъ признакъ того значительнаго прогресса, который совершился въ дѣлѣ русскаго музыкальнаго образованія за послѣднія 20—30 лѣтъ. Съ именами двухъ братьевъ Рубинштейновъ, съ учрежденіемъ императорскаго музыкальнаго общества и консерваторій связано воспоминаніе о первыхъ, наиболѣе трудныхъ шагахъ въ этой области. Ораторъ закончилъ тостомъ въ память покойнаго Н. Г. Рубинштейна, за многолѣтіе здравствующаго А. Г. Рубинштейна, за процвѣтаніе всѣхъ русскихъ музыкальныхъ обществъ и школъ. Только послѣ того присутствующіе услышали рѣчь, посвященную самому Глинкѣ; но, въ виду произнесеннаго раньше, нельзя было уже говорить, не коснувшись хотя косвенно проявленной распри. Г-нъ Нечаевъ изъ Вильны припомнилъ слова Достоевскаго о всечеловѣчности русскаго генія, провелъ параллель между Пушкинымъ и Глинкою, указалъ на присущую обоимъ отзывчивость ко вся-

кой національности, на всеобъемлемость ихъ творчества и такимъ образомъ напомнилъ присутствующимъ, что геній, по природѣ своей, стоитъ выше всякой односторонности и составляетъ равное достояніе всѣхъ направленій. Не отличавшаяся легкостью и выработанностью формы рѣчь Нечаева произвела сильное впечатлѣніе, благодаря высказаннымъ въ ней мыслямъ. Многіе однако чувствовали себя утомленными и ощущали какую-то неловкость. Только этимъ обстоятельствомъ объясняется вполнѣ тотъ фактъ, что живое слово благодарности, обращенное однимъ изъ гостей по адресу радушныхъ хозяевъ смольнянъ, было встрѣчено съ особеннымъ удовольствіемъ. У всѣхъ отлегло отъ сердца, какъ скоро представился приличный поводъ оставить область общихъ темъ. Обѣдъ пришелъ къ концу. Въ концѣ обѣда узнали, что въ память торжества присутствующіе на немъ имѣютъ получить особую медаль. На медали этой вычеканена, между прочимъ, слѣдующая надпись, отнесенная, конечно, къ Глинкѣ: „И долго будетъ онъ народу тѣмъ любезенъ, что чувства добрыя онъ лирой возбуждалъ“ Мы не знаемъ въ точности, кого именно слѣдуетъ благодарить за такое, соединенное съ искаженіемъ, незаконное и безвкусное злоупотребленіе стихомъ Пушкина.

Нашъ отчетъ оконченъ. Кто многое можетъ, съ того много и спрашивается. Если мы позволили себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по адресу почтенныхъ устроителей смоленскаго празднества, то потому лишь, что въ организаціи его они обнаружили достаточное искусство и энергію. Повторяемъ: Смоленскъ далъ поучительный примѣръ всему русскому обществу. Онъ еще разъ удостовѣрилъ, что при желаніи и настойчивости можно достигнуть многаго въ хорошемъ дѣлѣ. Нужно только не утомляться въ борьбѣ съ инертностью другихъ и самому не поддаваться ея тлетворному вліянію. Повторяя слова одного изъ ораторовъ смоленскаго торжества, мы заключимъ его описаніе слѣдующими строками: „Чествованіе памяти генія есть праздникъ идеи, торжество же идеи есть торжество свѣта

надъ тьмою. Устроители смоленскаго праздника стяжали себѣ великую честь тѣмъ, что въ наше скудное идейною жизнью время дали русскому обществу возможность испытать вновь нѣсколько прекрасныхъ мгновеній высокаго умственнаго и нравственнаго возбужденія". Честь имъ, и слава, и спасибо!

VI.

«Вѣстникъ Европы», 1885 г., кн. 11.

15 октября 1885 г.

Неожиданная кончина Василія Ивановича Орлова, этого неутомимаго изслѣдователя народной жизни, составляетъ свѣжую рану въ текущей жизни московскаго общества. Василій Ивановичъ умеръ 37 лѣтъ отъ роду,—въ возрастѣ, который наименѣе всего располагалъ ожидать потерю человѣка, на видъ здороваго, поражавшаго окружающихъ своею стальною энергіею, но на самомъ дѣлѣ, какъ обнаружилось, уже подкошеннаго невзгодами трудовой, безъ отдыха проведенной жизни. Земская статистика понесла въ лицѣ покойнаго крупную утрату. Около десяти лѣтъ онъ работалъ на ея пользу, занимая, по приглашенію московской губернской управы, постъ предсѣдателя земскаго статистическаго бюро и выѣзжая, по приглашенію многихъ другихъ земствъ, изъ Москвы то въ ту, то въ другую изъ сосѣднихъ губерній для того, чтобы на мѣстѣ руководить статистическимъ изслѣдованіемъ и обучать новичковъ этому дѣлу. Съ именемъ Василія Ивановича связано введеніе раціональныхъ пріемовъ статистическаго описанія мѣстностей,— обстоятельство, дозволившее одному изъ представителей земства назвать покойнаго въ надгробной рѣчи „отцомъ русской земской статистики". Его похороны соединили вмѣстѣ людей земства, литературы и науки. Кружокъ собравшихся отдать послѣднюю дань праху усопшаго не былъ особенно многочисленъ, но въ средѣ этого кружка сознавался глубокій смыслъ печальнаго

собранія, — чувствовалось живое и тѣсное единеніе людей труда, потерявшихъ одного изъ своихъ наиболѣе сильныхъ и дорогихъ сотоварищей...

Москва видѣла за это время и иныя похороны. Въ скудной обстановкѣ, на дачѣ, загнанной вглубь грязнаго двора на Ширяевомъ полѣ, въ загородныхъ Сокольникахъ, въ нижнемъ этажѣ, вдавленномъ въ землю, скончался заслуженный артистъ императорской драматической труппы Иванъ Васильевичъ Самаринъ,—послѣдній изъ той „стаи славныхъ", которымъ здѣшній Малый театръ обязанъ своею—увы!—уже прошлою славою. Въ тѣсную комнату былъ втиснутъ обитый бархатомъ темнаго цвѣта гробъ; поверхъ гроба лежала кисейка, прикрывавшая бренные останки покойнаго; вокругъ гроба тѣснились усердствующіе и любопытствующіе дачники и лишь изрѣдка, какъ будто бы по установленной очереди, появлялись сослуживцы покойнаго,—„придворные" артисты Малаго театра Небольшіе пенсіонные рубли, составлявшіе вознагражденіе артиста за его полувѣковую дѣятельность, поневолѣ втѣснили его жизнь въ узкія рамки нужды и расчетливой экономіи! Но насколько эта жизнь была скромна, чтобы не сказать скудна, настолько похороны были пышны и парадны. Длинная вереница вѣнковъ предшествовала погребальной колесницѣ; по обѣимъ сторонамъ длиннаго пути стояла густая толпа, заранѣе оповѣщенная газетами о предстоящемъ направленіи печальнаго шествія. На другой день газетные отчеты распространялись о „величаво торжественномъ" зрѣлищѣ погребальнаго шествія, передавали подробности этого „выдающагося" событія, отмѣчали присутствіе на похоронахъ „всего, что есть у насъ почтеннаго и представительнаго", удостовѣряли наличность на всѣхъ улицахъ густой многотысячной толпы народа, пришедшаго „поклониться праху артиста", перечисляли вѣнки, приводили рѣчи... Да, дѣйствительно, были вѣнки, были и рѣчи; и въ заботѣ объ ихъ многочисленности Москва обнаружила, какъ это съ нею не разъ случалось, „самобытность", игнорируя принятые обычаи, не

стѣсняясь необходимыми приличіями. У Крáсныхъ воротъ весь „величаво-торжественный“ кортежъ былъ неожиданно остановленъ въ своемъ движеніи нѣкіимъ „знаменитымъ“ чудодѣемъ слова, которому вздумалось именно здѣсь возложить на гробъ „изящный“, хотя и металлическій вѣнокъ „отъ себя“ и произнести „приличную“ рѣчь. Тотъ же голосъ раздался вторично надъ самою могилою покойнаго. Постороннее краснорѣчіе на похоронахъ артиста понадобилось, повидимому, для того, чтобы восполнить пробѣлы, оставленные краснорѣчіемъ самихъ артистовъ, изъ которыхъ одинъ съумѣлъ лишь произнести чужое четверостишіе, а другой прочелъ болѣе длинное, но также чужое стихотвореніе. И вотъ, вмѣсто теплаго слова со стороны товарищей умершаго по искусству, вмѣсто серьезной оцѣнки его почтенной дѣятельности со стороны его почитателей, бывшіе у могилы услышали разъясненіе по толковому словарю сокровеннаго смысла слова „прекрасное“. Отъ „чародѣя слова“ они услышали также, что „люди знанія, чародѣи слова, рѣзца и кисти, умирая, не перестаютъ жить своими безсмертными трудами, тогда какъ жребій артиста сценическаго искусства таковъ, что могила уноситъ съ собою все, ничего не оставляя на память и удивленіе потомства“. Ораторъ, взявшійся такимъ образомъ восхвалять покойнаго артиста, не потрудился даже загляну̀ть, какъ слѣдуетъ, въ его некрологъ. Можно было бы припомнить, напримѣръ, тотъ фактъ, что Самаринъ извѣстенъ также какъ драматургъ, написавшій не одно драматическое произведеніе, изъ числа несходящихъ и поднесь съ театральнаго репертуара; и помимо того Самарина будетъ еще чѣмъ вспомнить и будетъ чему поучиться у него,— хотя бы тому уваженію, съ которымъ онъ всегда относился къ своему искусству, — уваженію, которое онъ такъ старался всегда передать своимъ ученикамъ и котораго, увы, недостаетъ нѣкоторымъ „чародѣямъ слова“.

Впрочемъ „событія“ не перестаютъ рождать спросъ на „краснорѣчіе“. За торжественными похоронами И. В. Самарина

слѣдовало... празднованіе двадцатипятилѣтняго юбилея служенія въ штатѣ московской полиціи полицмейстера второго отдѣленія г. Москвы, д. с. с. И. П. Поль. „Торжество“ это, встрѣченное, какъ оповѣстили Москву иныя изъ ея газетъ, тоже „всеобщимъ сочувствіемъ“, являетъ собою, если не ошибаемся, первый примѣръ столь публичнаго чествованія дѣятеля полицейской службы. Изъ приведенной въ печати выписки изъ біографіи И. П. Поль мы узнали, что онъ не мало потрудился на своемъ вѣку на пользу общества и имѣетъ за собою серьезныя заслуги не только по дѣятельности полицмейстера, когда ему поручалось управленіе выставокъ всероссійской, промышленно-художественной и ремесленной, но и по предшествовавшей этой дѣятельности должности чиновника особыхъ порученій, когда ему неоднократно приходилось исполнять обязанности полицмейстера всѣхъ трехъ отдѣленій, а за болѣзнью брандъ-маіора, даже и его должность. Большая колонная зала гостиницы „Эрмитажъ“, гдѣ происходило празднество, названное „скромнымъ“ и „семейнымъ“, была убрана зеленью, цвѣтами, гирляндами, тропическими растеніями и вѣнками съ иниціалами юбиляра. На обѣдѣ присутствовало болѣе полутораста человѣкъ сослуживцевъ, друзей и знакомыхъ юбиляра, въ числѣ коихъ были начальники отдѣльныхъ частей и многія лица, занимающія высокое въ Москвѣ положеніе Юбиляру пришлось получить въ этотъ день тридцать привѣтственныхъ телеграммъ и выслушать „трогательныя“ рѣчи, которыя произвели на присутствующихъ „особенное“ впечатлѣніе Справедливо считая трудъ общественнаго дѣятеля полиціи по охраненію человѣка, въ широкомъ значеніи этого слова, важнымъ и нравственно отвѣтственнымъ, одинъ изъ ораторовъ намѣтилъ отношеніе къ вѣрной полицейской стражѣ въ странахъ образованныхъ и упомянулъ объ отношеніи къ той же стражѣ „въ нашемъ дорогомъ отечествѣ“, говоря, что до реформы, по праву или предвзято, общество относилось къ чинамъ полиціи менѣе сочувственно, чѣмъ оно относится теперь, когда, благодаря современному состоянію цивилизаціи, въ большихъ

городахъ и въ столицахъ въ особенности стали понимать „высокое“ значеніе и назначеніе полиціи, отдавая справедливость заслугамъ ея дѣятелей по мѣрѣ добросовѣстности и пользы исполненія ими своей „святой“ и трудной обязанности. „Иванъ Петровичъ Поль,— сказалъ ораторъ,—стяжалъ себѣ славное, честное и доброе имя, непоколебимое довѣріе, общее расположеніе и славу самаго виднаго дѣятеля г. Москвы“. Сказанная рѣчь не замедлила появиться и въ печати, точно такъ же, какъ въ той же печати появилось вслѣдъ затѣмъ благодарственное письмо юбиляра, спѣшившаго выразить гласно свою признательность иниціаторамъ и участникамъ „семейнаго“ праздника.

Отъ хроники свѣтскаго краснорѣчія случай представляетъ возможность перейти къ краснорѣчію духовному. Не только среди духовенства, но среди всего московскаго люда, какъ православнаго, такъ и старообрядческаго, не мало возбудило толковъ усмотрѣнное однимъ изъ органовъ здѣшней печати удивительное тожество рѣчей двухъ епископовъ: калужскаго— Владиміра и викарія можайскаго, нынѣ дмитровскаго, Мисаила. Преосвященный Мисаилъ, открывая 28 октября 1884 года извѣстныя собесѣдованія со старообрядцами въ домѣ Шумова въ Москвѣ, произнесъ, будто бы, „чужую“ рѣчь, сказанную еще 11 сентября 1883 года при такихъ же обстоятельствахъ преосвященнымъ калужскимъ Владиміромъ. Въ буквальномъ копированіи чужихъ словъ съ умолчаніемъ, откуда они заимствованы, усматривалась „немощь въ словѣ“; другая газета по тому же поводу высказала, что на преосвященнаго Мисаила, „нашло затменіе“, что фактъ этотъ „психическій“ и съ тѣмъ вмѣстѣ „скандальный“, что объясненія по этому поводу преосвященнаго Мисаила, при открытіи собесѣдованій въ текущемъ году, никакъ уже не могутъ быть отнесены ни къ числу легкихъ для него, ни къ числу особенно возвышающихъ его достоинство. Тогда появилось „письмо“ съ вопросомъ: „и что особеннаго случилось, если явились заимствованія, близкія

къ дѣлу и цѣлямъ, если привелось по единству дѣла сказать много сроднаго?" Въ сужденіяхъ „критика архіерейскаго краснорѣчія" авторъ письма усмотрѣлъ и „отступничество" и „продажничество", находя, что въ лицѣ епископа оскорблено святое дѣло, мало того — оскорблена и св. церковь, благословляющая это дѣло. Письмо сопровождалось передовою статьею. По увѣренію этой статьи, чтеніе въ извѣстныхъ случаяхъ съ церковной каѳедры поученія кого-либо изъ св. отцовъ церкви или современныхъ проповѣдниковъ есть дѣло весьма обычное; преосвященный Мисаилъ и не выдавалъ чужую рѣчь за свою, хотя, впрочемъ, и не именовалъ ее чужою, оглашеніе же сходства рѣчей вмѣщаетъ въ себѣ признаки „нахальства и злобы", и „при слабости полиціи газеты, слывущія органами общественнаго мнѣнія, могутъ также служить и органами общественнаго безобразія"..

VII.

«Вѣстникъ Европы», 1886, кн. 2.

15 января 1886 г.

За истекшій годъ мало что измѣнилось въ городской думѣ: то же отношеніе партій, та же внѣшняя обстановка и внѣшній видъ думскихъ собраній. Неудержимо продолжаетъ литься колоссальное краснорѣчіе думскихъ „ораторовъ" и попрежнему оно приводитъ къ микроскопическимъ, по существу, рѣшеніямъ и результатамъ. Все тотъ же большой, разукрашенный лѣпными работами, залъ стараго барскаго дома; въ немъ—тотъ же покрытый краснымъ сукномъ столъ; надъ столомъ та же газовая лампа-великанъ; вокругъ стола тѣ же ряды стульевъ и на нихъ — тѣ же, давно знакомыя лица,—гласные, не жалѣющіе своихъ силъ только въ минуты, когда возникаетъ потребность въ общемъ шумѣ, въ погрясеніи воздуха неопредѣленными, но громкими возгласами. Такія минуты наша дума переживаетъ нерѣдко,—каждый разъ, какъ

у большинства возникаетъ потребность „оборвать“ непріятнаго ему оратора, поскорѣе порѣшить данный вопросъ и потомъ разбѣжаться по домамъ. „Довольно“... „будетъ“... „баллотировать!“—раздается въ такомъ случаѣ въ залѣ и ничто, ниже предсѣдательскій звонокъ, не въ состояніи справиться съ возмутившимися членами собранія. Почтенные гласные очень дорожатъ своимъ временемъ; по этой причинѣ засѣданія почти никогда не переходятъ десятаго часа вечера, по этой же причинѣ, вѣроятно, они рѣдко открываются ранѣе девятаго часа, хотя назначаются ровно въ шесть съ половиною часовъ. Часъ, полтора часа,—вотъ время, которое представители города рѣшаются тратить на нужды своихъ избирателей, но тѣмъ не менѣе сколько прекрасныхъ „рѣчей“ вы можете наслушаться и за это, относительно короткое время! Особенность думскаго слова состоитъ въ томъ, что оно доводится иногда до крайнихъ предѣловъ безцеремонности; безцеремонность эта столь обычна, столь вошла въ нравы почтеннаго собранія, что ею увлекаются не только люди, мало привычные къ устному изложенію своихъ мыслей, но и болѣе искушенные. Зачастую гласные не обмѣниваются своими мыслями и не спорятъ, а просто бранятся, почти въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Кольнуть другъ друга составляетъ любимое удовольствіе ораторовъ враждебныхъ партій. Попрекаютъ всѣмъ, чѣмъ придется, и за каждый попрекъ попрекаемые готовы обижаться. Вотъ, напримѣръ, гласный изъ состава „черной сотни“ прозрѣваетъ намѣреніе трактирщиковъ „упрятать портерныя лавки въ подвальные этажи“ и не въ бровь, а въ глазъ присутствующимъ трактирщикамъ заявляетъ, что это—такой народъ, который „никогда не сбавитъ цѣну на продукты“. Тогда гласный противной стороны упрекаетъ оратора въ незнаніи трактирной жизни и въ непосѣщеніи трактировъ, а въ отвѣтъ на это получаетъ энергическую отповѣдь разобиженнаго противника: „нѣтъ-съ! очень даже знаю и бываю... разовъ пятьдесятъ былъ“...

Потѣшаясь другъ надъ другомъ, гласные охотно потѣ-

шаются и надъ своими собственными постановленіями. Они откровенно сознаются, что „писаніе“ ихъ безполезно, и что думскія постановленія, долженствующія имѣть обязательную силу, или забываются, или же, того лучше, вовсе не исполняются; ревнители же городского благоустройства въ этомъ случаѣ не находятъ другого утѣшенія, какъ ссылку на то, что столичные мирсвые судьи завалены дѣлами по обвиненіямъ московскихъ обывателей въ неисполненіи тѣхъ или другихъ обязательныхъ постановленій думы. При неимѣніи иныхъ приходится довольствоваться и такими сомнительными утѣшеніями. „Обязательныя“ постановленія въ послѣднее время такъ и сыпятся. Вспомнили даже о заброшенномъ извозчичьемъ проектѣ. Давнымъ-давно составленныя комиссіею правила о томъ, чтобы извозчики имѣли приличную упряжь и экипажи, а въ зимнее время — полости, тридцать два раза предлагались думѣ на обсужденіе и всѣ тридцать два раза разсмотрѣніе ихъ откладывалось до „одного изъ ближайшихъ“ засѣданій.

Тщательно избѣгая всякихъ рѣшительныхъ мѣропріятій по такимъ существеннымъ предметамъ, какъ, напр., оздоровленіе города, дума любитъ отдавать свое время на регламентацію вопросовъ второстепенной и третьестепенной важности, причемъ многіе гласные, а за ними и обыватели, склонны предполагать, что тутъ именно и кроется вся суть и что именно такая регламентація должна принести городу общую пользу. Готовое развалиться зданіе городского благоустройства думаютъ поддержать мелкими починками и заплатами, не замѣчая истинной причины зла. Но при этомъ бываютъ не прочь поиграть и въ болѣе возвышенныя стремленія Пренебрегая насущными требованіями обычной гигіены, гласные озабочиваются, однако, такимъ дѣломъ, какъ возвышеніе нравственности обывателей. Модное вліяніе проникло и въ думскій залъ и одинъ передъ другимъ почтенные представители Москвы стараются отличиться въ столь высокомъ дѣлѣ. Оно тѣмъ легче, что многимъ прямо на руку. Вотъ, напр., гласный-ремесленникъ

„ставитъ думѣ на видъ“, не представляя въ сущности никакого изъ своихъ словъ вида, „паденіе нравственности вообще, пьянство и плохое поведеніе мастеровыхъ въ частности“. Новый законъ о продажѣ питей далъ поводъ къ составленію проекта обязательныхъ постановленій касательно устройства заведеній, производящихъ раздробительную продажу виномъ, сирѣчь трактирныхъ и т. п. учрежденій, а обсужденіе этого проекта открыло думскимъ ораторамъ широкое поле для проявленія ихъ нравственной благонадежности. Въ самомъ дѣлѣ, все въ этомъ случаѣ обсуждалось съ точки зрѣнія нравственности и трактирщики, припертые къ стѣнѣ, не нашли лучшаго способа для своей защиты, какъ свалить сыпавшіяся на нихъ обвиненія на своихъ собратовъ, въ думскомъ собраніи представленныхъ. Прежде всего, чтобы „поднять нравственность“, къ чему „такъ стремится правительство“, было предложено уничтожить при трактирахъ отдѣльные кабинеты и комнаты; надобность же сохраненія кабинетовъ во всей ихъ неприкосновенности доказывалась потребностью имѣть мѣсто для „секретныхъ бесѣдъ и разговоровъ“ и удобное мѣсто для того, чтобы „покушать наединѣ“. Для переговоровъ по дѣламъ,—послышалось въ отвѣтъ, — существуютъ теплыя помѣщенія при магазинахъ, двери же при отдѣльныхъ кабинетахъ трактировъ служатъ только для того, чтобы „удобнѣе пройтись по Бахусу“; такія двери — „зло“ и ихъ отсутствіе воздержало бы посѣтителей отъ предосудительныхъ поступковъ и удержало бы молодежь въ предѣлахъ скромности и приличія. Въ результатѣ, нравственность молодежи была обезпечена изданіемъ обязательнаго постановленія о томъ, чтобы въ особыхъ кабинетахъ и комнатахъ при трактирахъ не допускались приспособленія для запиранія дверей извнутри, а также для жилья въ нихъ. Тогда возникъ новый вопросъ — о запрещеніи быть трактирамъ и ресторанамъ въ одномъ зданіи съ меблированными комнатами и въ пассажахъ. Послышались одновременно и сожалѣнія о „бѣдныхъ трактирщикахъ и содержате-

ляхъ меблированныхъ комнатъ“ и предположенія, что такая мѣра понизитъ доходность нѣкоторыхъ домовъ и благосостояніе многихъ обывателей, и сомнѣніе въ правахъ думы — посягать на чужую собственность, и новое напоминаніе о необходимости сокращенія пьянства; заговорили даже о невозможности лишить обывателей свободы передвиженія изъ одного мѣста въ другое и о томъ, что для обывателя, въ сущности, все равно, — подняться ли для извѣстной цѣли изъ одного этажа въ другой или перейти изъ трактира въ меблированныя комнаты черезъ улицу. По замѣчанію одного гласнаго, всякіе запреты и стѣсненія въ этомъ направленіи были бы равносильны „воспрету обывателямъ выходить по вечерамъ на улицу изъ страха быть ограбленными“. По мнѣнію другого гласнаго, однако, съ трактирщиками церемониться нечего, какъ не церемонились въ прошломъ году съ содержателями постоялыхъ дворовъ; не имѣя за собою никакихъ заслугъ, трактирщики не должны пользоваться и привилегіями: „они — язва, плевелы!.. отъ плевелъ страдаетъ пшеница, плевелы надо исторгнуть“. Тогда гласный-трактирщикъ разражается рѣчью въ защиту мелкихъ содержателей трактировъ и меблированныхъ комнатъ, призываетъ думскіе громы и молніи на главы „шикарныхъ“ ресторановъ, гдѣ порокъ и пьянство, по мнѣнію оратора, идутъ рука объ руку съ другимъ, растлѣвающимъ нравы порокомъ. Не поздоровилось тутъ и знаменитому „Эрмитажу“. Городская управа предложила продолжить срокъ торговли въ трактирахъ до полуночи, а по соглашенію съ оберъ-полицмейстеромъ и до болѣе поздняго времени. Въ пользу такого правила говорили, ссылаясь на обычай посѣтителей театровъ заходить, по окончаніи представленія, въ трактиры ужинать или напиться чаю, но противники находили, что такой обычай принадлежитъ „нравамъ гулякъ“ и заслуживаетъ осужденія. Когда рѣчь зашла о потребленіи напитковъ въ газетныхъ комнатахъ, то предметомъ споровъ сдѣлалось слово „напитокъ“, пока наконецъ пренія, не лишенныя игривости, не были

закончены рѣшеніемъ пріобщить къ слову „напитокъ“—слово: „крѣпкій“. Въ одномъ изъ пунктовъ правилъ, вмѣсто простого и понятнаго слова „развратъ“, деликатная управа употребила выраженіе: „праздное провожденіе времени въ нумерахъ“, — и вотъ вновь открылся просторъ для остроумія почтенныхъ гласныхъ, несомнѣнныхъ враговъ всякого празднаго времяпрепровожденія! Въ концѣ концовъ согласились на томъ, что гостинницамъ не подобаетъ быть притонами разврата. Противоположность „шикарнымъ“ ресторанамъ составляютъ трактиры, помѣщающіеся въ подвальныхъ этажахъ и извѣстные подъ именемъ „низковъ“ и „дыръ“. Постоянное переполненіе ихъ простымъ народомъ послужило въ пользу ихъ сохраненія и дума потребовала лишь, чтобы они были теплы и сухи. Рѣзкое раздѣленіе мнѣній произошло по вопросу о пивныхъ лавкахъ; обѣ стороны были воодушевлены только заботою о водвореніи нравственности, но пришли къ совершенно различнымъ заключеніямъ. Съ одной стороны утверждалось, что пиво — очень здоровый напитокъ, гораздо здоровѣе вина и водки, такъ что возможно бо́льшее распространеніе пивныхъ лавокъ должно сократить столь вредное для нравственности потребленіе водки. Но, съ другой стороны, оказалось, что пивныя лавки — вертепы, пріюты разврата, гнѣзда всевозможныхъ болѣзней; снабженныя нѣсколькими входами, онѣ безобразны и грязны, торгуютъ водкой, имѣютъ внутри множество грязныхъ чуланчиковъ и содержатъ женскую прислугу. Изъ пивныхъ лавокъ, гдѣ всю ночь — музыка и кутежи, зараза переносится простолюдиномъ въ деревню и разносится среди крестьянскаго населенія. Такъ судили о пивныхъ лавкахъ трактирщики. Но именно трактиры, а не пивныя лавки, по третьему мнѣнію, оказались притонами разврата и гнѣздами болѣзней, и нападки гласныхъ изъ трактирщиковъ на пивныя лавки слѣдуетъ объяснить не стремленіемъ ихъ упорядочить торговлю пивомъ, а желаніемъ избавиться отъ опасныхъ, въ видѣ пивныхъ лавокъ, конкурентовъ трактирамъ. Дума воспретила имѣть въ пивныхъ лавкахъ занавѣски

на окнахъ, перегородки внутри помѣщенія, отдѣльныя комнаты и каморки, и наконецъ—женскую прислугу.

Да не посѣтуетъ читатель на изложеніе всѣхъ подробностей этихъ преній. Они, какъ нельзя лучше, характеризуютъ дѣятельность думы, которая систематически уклоняется отъ рѣшительныхъ мѣръ на пути оздоровленія города и взамѣнъ того готова увлекаться регламентаціей предметовъ, только что упомянутыхъ, въ надеждѣ на то, что хоть обиліе въ мировомъ судѣ дѣлъ о нарушеніи обязательныхъ постановленій будетъ свидѣтельствовать о точномъ ихъ выполненіи со стороны обывателей! Не сказывается ли въ такомъ взглядѣ лишь общій духъ времени и не повторяетъ ли Москва лишь то, что и не ей одной свойственно? А между тѣмъ какъ неприглядна бѣлокаменная, и какъ ужасны нравы ея, если въ откровенныхъ о ней сказаніяхъ ея гласныхъ заключается хоть доля истины! Рекомендуя думѣ взглянуть на трактиры „правдивымъ“ окомъ, одинъ изъ ораторовъ напомнилъ, что въ заведеніяхъ этого рода, не говоря уже о трактирахъ Хитрова рынка, царитъ „невозможная вонь, невозможная грязь, прислуга ночуетъ въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ бываютъ и посѣтители, кухни устроены бокъ-о-бокъ съ отхожими мѣстами, а то и съ выгребными ямами“. Комнаты,—настаивалъ гласный,—должны быть сухи и чисты, имѣть здоровый воздухъ и самыя обыкновенныя для простого народа удобства Гласные трактирщики не замедлили истолковать такое желаніе въ смыслѣ требованія особаго комфорта и устройства, — при трактирахъ, гдѣ пьетъ чай и закусываетъ „босая команда“,—„шикарныхъ гостиныхъ“, и, не стѣсняясь, заявили, что сами посѣтители вносятъ съ собою грязь и свой специфическій запахъ, который непріятенъ интеллигентному человѣку и нисколько не претитъ обонянію простолюдина. Кухни трактирныхъ заведеній,—изрекла подъ конецъ дума,—отъ помойныхъ ямъ и ретирадъ простого устройства должны либо отдѣляться капитальными безъ оконъ каменными или деревянными оштукатуренными стѣнами, либо отстоять по меньшей

мѣрѣ на три сажени. На приведеніе въ исполненіе всѣхъ этихъ благихъ постановленій назначено два года и срокъ этотъ, какъ бываетъ всегда, конечно, не окончательный. Трактирныя общества и трактирная депутація уже обратились въ думу съ ходатайствомъ о дарованіи нынѣ существующимъ заведеніямъ льготы въ смыслѣ оставленія ихъ въ прежнемъ видѣ и безспорный, казалось бы, вопросъ сталъ спорнымъ. Нашлись голоса за удлиненіе срока. Отстаивая свои преимущества, трактирщики, какъ умѣли, успѣли-таки наговорить управѣ кучу любезностей въ отместку за непріятныя имъ правила. Проектъ, — говорилось въ думѣ,—имѣетъ много пробѣловъ и „несообразностей“, въ немъ нѣтъ ни „соображеній“, ни „выводовъ“, ни пониманія закона; члены управы не могутъ знать всѣхъ условій и подробностей трактирнаго промысла. Проектъ правилъ о трактирахъ долженъ быть составленъ самими трактирщиками. Муштровать управу, пускать по ея адресу стрѣлы и шпильки—всегда составляло одно изъ любимыхъ занятій думскихъ гласныхъ, такъ что и во всякое другое время отповѣдь трактирщиковъ могла бы расчитывать на хорошій успѣхъ; на этотъ же разъ все разлетѣлось предъ необходимостью „поспѣшить оказаніемъ правительству помощи по части предначертаній его о сокращеніи пьянства“...